SHOUT
SHARE
IT

Annotation

У Бога больше нет лица… Свершилось Второе Пришествие, и штурмовые корабли миссионеров пронзают пространство во имя Монстроборца Иесуса. Страны Христианского Содружества посылают войска против Конфедерации Гигаполисов — Энгелширда, Туаканы, Стад-Рея. Взрослые уходят на войну, а дети остаются дома — чтобы, как и их родители, ненавидеть, сражаться и убивать.

Этот рассказ о девочке по имени Грета, приходящейся сестрой лидеру одной из уличных банд. Жестокая и волнующая книга о чудных мгновениях детства: когда вместо игрушек — кастет, и даже распятие приходится носить в школу на тяжеленной цепи. Когда страшно смотреть в лицо Богу, а мир, в котором живешь, напоминает воплотившийся Ад…

- Ольга Славнейшева
  - ПОЛИГОН
  - ВОСКРЕСЕНЬЕ
  - ПОНЕДЕЛЬНИК
  - ВТОРНИК
  - СРЕДА
  - ЧЕТВЕРГ
  - ПЯТНИЦА
  - СУББОТА
  - ВОСКРЕСЕНЬЕ

Ольга Славнейшева
СВЯТАЯ ГРЕТА

Автор разрешает воспроизводить эту книгу в любой форме и любыми средствами (электронными и механическими, включая фотокопирование, магнитную запись или иные средства копирования или сохранения информации) для целей, не связанных с извлечением прибыли.

Мертвые не чувствуют ни боли, ни усталости.

Мертвые не чувствуют ни раскаянья, ни страха

Мертвым нет места среди живых.

А живым — среди мертвых.

Истинная Библия, код доступа: 12-РАЙ (Только для служебного пользования).

ПОЛИГОН

1

Полигон под зимним небом раскинул свою пустую землю, хранящую следы траков и выбоины танковых атак. Он был припорошен снегом, как погребальным саваном. Он оживал только во время учений, сейчас все вокруг казалось мертвым, если бы не пятнышко костра, заметное лишь в тепловизор — так хорошо он был запрятан за развороченными блоками старого фундамента.

У огня сидели дети. Четверо. Совсем маленький мальчик был занят костром, он ломал старые ящики и подкладывал доски в чадящий огонь. Парень постарше, неповоротливый и толстый, в модной курточке, перемазанной сажей, шевелил их железной скобкой. Двое остальных неподвижно застыли чуть в стороне, за пределами света. Их лица скорее были мрачными, как у подростков, которые устали быть детьми, но так и не превратились в чудовищ. Они провожали взглядами каждое движение толстяка.

— Вон там, — лениво бросил один из них, на секунду подаваясь вперед и блестя глазами из-под отросшей темной челки. Толстяк, вздохнув, обошел костер и начал переворачивать доски с другой стороны.

— Клайс, а ты уверен, что она приедет? — немного сварливо поинтересовался он.

Клайс повернул к нему лицо, кивком отбрасывая челку назад.

— Она так сказала.

Толстяк поежился, зашуровал скобкой, всколыхнув рой огненных искр. Закашлялся от дыма.

— А родители не могут не отпустить? — спросил он, поглядывая в темноту по ту сторону пламени.

Темнота ответила презрительным смехом, в толстяка полетел камешек.

— Скучаешь по Грете? — удивился второй, поднимаясь и подходя к костру. На нем была брезентовая штормовка, она болталась на плечах, а рукава приходилось подворачивать, но это была настоящая военная штормовка, такая, что знающие люди только вздыхали от зависти. Со штопкой на груди и левом рукаве. А из глубокого капюшона на толстяка насмешливо глядели зеленые глаза Пола, всегда аккуратного, подтянутого и готового к бою. Толстяк мельком взглянул на собственную перепачканную

курточку и вздохнул в очередной раз.

— Скучаю, — буркнул он. Если водить скобкой вдоль доски туда-сюда, искры уносятся в темноту огненными осами. Он водил скобкой туда-сюда, пока Пол не отобрал ее и не сделал все правильно. Доски затрещали, пламя весело взметнулось вверх.

Маленький мальчик подтащил еще досок, но Пол сказал ему “Юнит, хватит. А то заметят”, мальчик дерзко кинул охапку к его ногам и уселся перед огнем, протягивая вперед ладошки.

— На ней все заживает, как на собаке, — сообщил Клайс из темноты. — Помните, как она упала с крана?

Пол усмехнулся, толстяк рассмеялся.

— Во, разошлось! — удовлетворенно сказал маленький мальчик, глядя на пламя. Пол лениво потрепал его по рыжеватой макушке.

— Она разозлится, когда узнает, — пробормотал толстяк, пытаясь отыскать глазами Клайса. Теперь, когда костер горел нормально, он видел штанину и ботинок Клайса, лежащего на каких-то ветках, но лицо его было сокрыто во тьме.

— Она будет в бешенстве, — широко улыбнулся Пол. Когда Пол улыбался, он становился похожим на самого обыкновенного мальчишку. Но толстяк знал, что это не совсем верно. Обыкновенный мальчишка мечтает стать Легионером, или пилотом космокрейсера, или капитаном торгового корабля. Или миссионером, несущим сквозь пространство имя Иесуса. Но никак не теховским клириком. А Пол признался позавчера, что после школы его приглашают в Семинарию. Бррр…

Толстяк представил Пола в черной рясе, с серебряными крестами на плечах, с лицом, вот так же озаренным пламенем, с факелом в руке, и неожиданно вспомнил, что завтра начинается Святая Неделя. Он заулыбался. И Пол, заметив это, тоже улыбнулся краешком рта. Юнит убрал ладошки от огня, но улыбаться не стал. А Клайс неожиданно вскочил, скидывая с себя покровы тьмы, как черный плащ, и когда все посмотрели на него, спросил:

— Слышите?

И тут они услышали, как где-то далеко звякает металл.

— Едет! — выдохнул Клайс.

Они отошли от костра, притаились за блоками. Тропинка между траками, ледяная и твердая, выводила прямо к развалинам. Тонкий покров снега прорезали следы протекторов велосипедных шин. Сюда можно было добраться только верхом, фундамент разрушенной церкви находился в сердце Полигона, практически посередине известной им территории. Справа

вставало сияние города, слева тянулась цепочка огней небольшого военного поселка, в котором жили Пол и Юнит.

Полигон укрывала ночь, но дети напряженно вглядывались в ту сторону, откуда приближалось позвякивание. Даже толстяк подобрался, сжал в пухлой руке металлический прут. Это мог быть кто угодно.

Это была Грета. Она вылетела на своем велосипеде из темноты, включила фонарик, и резкий свет ударил толстяка по глазам.

— Бонга, я увидела тебя с пяти метров! — крикнула она. — Ты убит!

Ее правая рука все еще покоилась в гипсовом коконе, а на переносице белела полоска пластыря.

Слева на руле велосипеда была намотана цепь. С цепи свисало тяжелое металлическое распятие, которое, раскачиваясь, звенело об раму. Грета протянула Полу здоровую руку.

— Привет. А где мой брат?

— Я здесь. — Клайс отделился от блока, принял у нее велосипед.

— Ты не был сегодня в школе, — укоризненно сказала Грета.

— Начинается, — улыбнулся Клайс. — Сама-то!

— У меня — уважительная причина.

— У меня их десять!

Толстяк по имени Бонга приуныл. Он больше всех ждал, когда же она вернется, а она разговаривала с Клайсом, как будто они не могли наговориться дома! Он подошел поближе, вглядываясь в ее бледное лицо. Клайс и Грета были очень похожи, но Грета в больнице успела обрасти и совсем превратилась в девчонку. Главное, не говорить ей об этом…

Бонга зажмурился и выпалил:

— А у Бродяг появился шаман!

Пол бросил на него свирепый взгляд. Конечно же, эту фразу должен был произнести именно он. Но Бонга ничуть не жалел о том, что сделал. Теперь Грета смотрела на него, распахнув глаза.

— Как ты сказал?

— Новый шаман, — нехотя ответил вместо Бонги Пол. — Он позакрывал все дороги, ведущие к Бродягам. Бонга ходил ставить проволоку, весь изодрался…

Бонга энергично затряс головой. Он вовсе не изодрался, но им ведь не скажешь: “Посмотрите, какую новую курточку привез мне папа!”, засмеют…

— Бедный, — Грета погладила его по рукаву. — У тебя новая куртка?.. И как он выглядит, этот шаман?

— Никто из наших не видел его, — ответил Клайс. — Юнит,

подкинь досок, — попросил он маленького мальчика.

— Пососи сосок!.. — буркнул тот, не двигаясь с места.

— Интересно… — Грета задумалась. Поглядела на низкое небо. — Надо будет взглянуть на этого шамана…

— И как? — хмыкнул Пол. А Бонга подумал: “Ну вот. Началось.”, - и его захлестнуло предчувствие большой игры. Он даже затоптался от нетерпения по подтаявшему снегу.

— Придумаем, как, — отозвалась Грета.

— А завтра праздник! — воскликнул Бонга, вспомнив еще одну новость. — На Площади Милосердия! Ты пойдешь?

— Завтра? — обрадовалась она. — Еще бы! Конечно, пойду!

— И я пойду! — крикнул Юнит, глядя на Пола с вызовом.

— А тебе нельзя! — развел руками Пол. — Тебе еще нет двенадцати!..

— Полли, ты сраная жопа!..

— Пускай сходит, ему же интересно, — сказала Грета.

— Ну конечно! Ему интересно! — передразнил Пол. — А потом он орет по ночам. И писается…

Все рассмеялись.

— Сам ты писаешься! — крикнул взбешенный Юнит.

— Посмотришь по визору, с купюрами, — хохотнул Клайс. — Детям до двенадцати и все такое…

Юнит пнул его носком ботинка. Вынул из кармана смятую сигаретную пачку. Закурил сигарету.

— Во! Видели? — прищурился Пол. — А мне потом от матери влетит. “Чему ты учишь ребенка…” Я не курю! А он — уже курит! Видели?

— Какой развитой мальчик, — умилилась Грета. — На, скушай конфетку!

Она протянула Юниту леденец.

— Пососи его сама! Я не девчонка, чтобы сосать!

Пол сплюнул себе под ноги.

— Во сколько начало? — спросила Грета.

— В девять, — ответил Клайс. — На Площади Милосердия. Говорят, будет орбитальный салют, какой- то мега-концерт…

— А что с этими?

Это было сказано безо всякого перехода, но Клайс понял, о чем она. В больнице им было никак не поговорить на эту тему. И вот, наконец, Грета дождалась. Клайс метнул на Бонгу быстрый взгляд, не хочет ли тот опередить его, но толстяк препирался с Юнитом из-за того, кому подкинуть досок в гаснущее пламя.

— Мы заманили их в яму, — негромко сказал Клайс.

— Обоих?

— Обоих. Пол помчался на велике вперед и перепрыгнул, а

они вляпались, вместе с велосипедами, и попадали на колья. Одному пробило селезенку и еще какую-то хрень, у другого — куча переломов.

— Точно это те? — нахмурилась Грета.

— Невинные не пострадали, — успокоил ее Пол. — Честное слово.

— Ну и ладно. Жаль, что меня не подождали…

— Еще успеешь, — хмыкнул Клайс.

— Точно, — оскалилась Грета. — Но надо же! Новый шаман! Интересно, я его знаю?.. — И, неожиданно вскочив (ее движения были такими же порывистыми, как и у Клайса), она сказала:

— Я должна увидеть закрытую дорогу! Прямо сейчас!

По Полигону петляет множество дорог. И военных, изрытых танковыми траками, и гражданских, больше похожих на тропинки, и даже железных, по которым проносятся локомотивы с грузом химических отходов. Они сходятся, расходятся, пропадают и появляются снова, какие-то из них никуда не ведут, какие-то уводят в город, какие-то — в поселок городского типа под названием Бугры, где живет Пол со своим братцем Юнитом. Если ты растешь на Полигоне с детства, ты знаешь их все. Или почти все, потому что есть еще Темный Путь, ведущий в Ад. И есть дороги, которые закрыты. Дороги, ведущие к смерти. Никто в здравом уме не пойдет по ним, кроме взрослых, которые выросли и забыли, что к чему. Или мертвых, которым уже все равно, как и куда идти.

Цепочка подростков медленно двигалась по пересеченной местности под свинцовыми тучами, подсвеченными синими лучами над тем местом, где жили танки и стояли вышки с солдатами. И еще там, где раскинулся химический завод. Мощные прожекторы цепкими пальцами шарили по небу, но тучам не было щекотно, они, напротив, подставляли свои животы и опускались пониже.

Наконец, дети добрались до дороги, и, оседлав велосипеды, поехали довольно быстро, а кто-то — даже наперегонки.

Справа и слева высились кучи смерзшейся земли, из них выглядывали балки и старые шпалы. По рассказам, кто-то копался здесь, мечтая стать археологом, но нашел только несколько фарфоровых черепков и лучевую болезнь. Интуитивно чувствуя опасность, стайка миновала эти кучи на максимально возможной скорости и остановилась перед широкой открытой площадкой, белой от нетронутого снега. Дальше начинался спуск к реке, а еще дальше, на том берегу, скрежетали зубами железные чудовища, и порывы ветра временами доносили их жалобы —

необъяснимые звуки, тоскливые и жуткие одновременно.

На той стороне было много чего интересного. Алдыбей как-то говорил, что обнаружил там бункер, в котором наверняка полно оружия, и даже собирался отправиться в экспедицию НА ТУ СТОРОНУ. Но потом Грете сломали руку, а шаман запечатал дороги, ведущие к Бродягам, смертельным проклятьем. Алдыбей судорожно вздохнул. Грета прекрасно поняла его — он боялся, что Бродяги наткнутся на найденный им бункер и все оттуда разворуют. Пришло время проверить, насколько хорошо закрыта дорога.

Передав велосипед Бонге, Грета медленно направилась к белой от снега площадке. Кончики пальцев начинало покалывать, ноги немели — верные признаки того, что дорога действительно закрыта. Тоненько запищало в ушах, как на дне школьного бассейна, и Грета остановилась.

Дальше идти было нельзя. Перед ней было что-то такое, что можно только почувствовать, навроде силового поля… Но силовое поле защитных экранов немного мерцает, оно издает неприятный электрический звук, оно изначально не-живое, а то, что закрывало эту дорогу, было живым.

Впереди притаилось что-то огромное и голодное, ждущее своего часа, когда неосторожный путник шагнет на белый пятачок нетронутого снега…

Грета подняла руку с зажатым в кулаке распятием, и ветер, словно этого ждал, налетел со всех сторон.

— Именем Иесуса! — крикнула она. Ее волосы мелькали перед лицом, порывы обезумевшего воздуха пытались выравать крест из ее руки… А потом со стороны Комбината донесся гул, и ветер утих, но зато вздрогнула земля и завыли далекие сирены. Прожектора на том берегу вскинулись и опали, зашарили по земле, и Грета побежала назад.

Дорога была закрыта самым серьезным образом.

— Посмотрела? — мрачно поинтересовался Пол. — Все, пошли отсюда!

2

С Полом и Юнитом они расстались у развилки, и дальше ехали втроем. Грета старалась крутить педали наравне со всеми, но Клайс видел, что ей тяжело, и не особенно спешил. Зарево придвинулось. Они подъезжали к городу. Бонга, довольный тем, что всех обогнал, подпрыгивал толстым мешком далеко впереди.

Грета смотрела на город, сиявший миллионами огней. По клубящимся тучам скользили сполохи неона, и это выглядело довольно тревожно, напоминая подсветку зловещих декораций. Клайс и Грета ехали молча, глядя, как город встает над ними, будто вырастая из размолотой танками земли Полигона. Редкие небоскребы торчали, как обглоданные кости, они вонзались в низкое небо, но кровь не текла — это небо давно уже было убито. Оно светилось само по себе, и проекторы, транслирующие на облака неоновый свет, были здесь не при чем. Так выглядело истинное небо Ада.

“Я живу в этом месте, я живу в Аду”, - говорила себе Грета, пока город приближался. — “Мы все живем в Аду. Неужели никто, кроме меня, не знает об этом?”

Бонга остановился и поджидал их.

— Значит, до завтра? — спросил он, глядя то на Грету, то на Клайса.

— До завтра, — ответил Клайс.

— Тебе за куртку не влетит? — Грета кивнула на рукав, измазанный сажей.

— Влетит, — честно признался Бонга. — Все, пока!

Они проводили его взглядом, и Клайс в который раз сказал:

— Мне бы такой велик!

— Твой ничуть не хуже, — отозвалась Грета. — Они точно не знают? — спросила она, имея в виду родителей.

— Не знают, — заверил ее Клайс. — Все наши в один голос заявили, что видели, как ты летела кубарем с горы.

— Отлично…

— Может, ты считаешь, что им мало попало? — фыркнул Клайс.

— Все равно мне надо помолиться за них, — ответила Грета.

— Почему бы тебе не помолиться прямо сейчас? — язвительно поинтересовался Клайс.

— Почему бы тебе не помолиться самому? — огрызнулась Грета. — Попроси у Бога трехколесный велосипед!

Они рассмеялись. Грета оглянулась на Полигон, и ее сердце застучало быстрее. Полигон напоминал темную яму, откуда открываются двери в ничто.

— До завтра, — прошептала она.

Мать уже вернулась со своего завода и чистила картошку. Отец еще не приходил. Грета твердо знала, что у отца есть женщина, и знала запах ее духов, которыми пахли рубашки отца, но не говорила про это никому, даже Клайсу.

— Где вы были? — спросила мать, грохоча кастрюлями.

— Ездили покататься, — ответил Клайс.

— Опять хочешь свернуть себе шею? — спросила мать у Греты.

— На все воля Божья, — отозвалась та, заходя в свою комнату.

— Воля Божья!.. Идите есть! Вон, ешьте фасоль!

— Угу, — отозвался Клайс из своей комнаты за перегородкой. Грета задернула жалюзи и лишь тогда включила настольную лампу. Улыбнулась распятию на стене.

— Я сейчас!

Монстроборец Иесус терпеливо ждал. Зеркальце вместо лица тускло блестело, отражая нить накала. Свет лампы падал на комод и застланную коричневым пледом узкую кровать. Других предметов мебели в этой комнате не было, если не считать железного сундука под кроватью и канделябра в углу под распятием. В канделябре белели трупики свечей. Цветок на подоконнике никто не поливал, он стоял грустный и наполовину засохший. Грета зажгла свечи и выключила лампу. Пластиковая бутылка с остатками воды была покрыта изнутри зеленоватым налетом, Грета вылила воду в цветочный горшок и посмотрела на распятие. Когда она говорила с Монстроборцем в последний раз? Не так, как в больнице, а со всеми обрядами, дающими право задавать Иесусу вопросы? Сколько же надо ему рассказать, ночи не хватит!

— Грета! — донеслось с кухни. — Клайс, позови ее!

Клайс возник на пороге. Он успел переодеться, на нем был черный бадлон со стоячим воротничком и зеленые вельветовые штаны с карманами на бедрах. Грета на секунду залюбовалась им. Клайс поглядел ей в глаза и все понял — и то, что Грете необходимо поговорить с Монстроборцем, судя по горящему канделябру, и то, как она успела соскучиться по своей келье (Клайс иначе ее комнату не называл). В комнате Клайса все было иначе — у потолка вращались голографические планеты и покачивались модели звездолетов, свисающие с крючков, а на стене переливался сполохами здоровенный плакат с боевыми роботами, штурмующими космическую базу во имя Иесуса. Рядом висело распятие, но Грета была уверена, что Клайс во время вечерней молитвы разглядывает плакат. Еще у Клайса был визор и видеоприставка с кучей игрушек. И простреленный танковый шлем, найденный на Полигоне, и склеенные из картона крепости (они их мастерили вместе с Полом), и комиксы, и куча всего того, что обычно встречается в комнатах мальчишек, включая шкаф со скомканными вещами и секретер, вроде бы аккуратный, с вытертой пылью, но внутри…

— Ты идешь? — спросил Клайс.

— Пошли, — вздохнула Грета. Кроме Монстроборца, она с радостью поговорила бы с братом, но дома это было невозможно. Слишком тонкие стены, слишком важные вещи предстояло обсудить.

Клайс подмигнул ей.

“Еще успеем поговорить.”

Грета улыбнулась краешком рта.

Кухня была совсем крошечной. А может, слишком много места занимал круглый стол. Грета тут же уселась на свое место, Клайс — рядом с ней. Мать молча поставила перед ними тарелки с разогретой фасолью, масленку с натуральным маслом и корзинку с нарезанным хлебом.

Помолившись, они принялись за еду.

Атмосфера была гнетущей. Грета научилась этого не замечать, но так было всегда. Она скосила глаза и поглядела на мать. Та была занята серьезным и совершенно бесполезным делом — она протирала посуду полотенцем, прежде, чем убрать ее в шкаф. В их семье говорить во время еды вроде бы не запрещалось, но лучше этого было не делать. Клайс легонько задел под столом коленом, указал глазами на фасоль:

“Давай наперегонки!”

Сам он почти уже доел. Грета поднажала, но держать ложку приходилось левой рукой, а это было не совсем удобно. Клайс не спешил, давая ей фору. А потом, когда Грете оставалась всего пара ложек, лихо слизнул остатки фасоли и предъявил чистое дно. В его глазах блестели лукавые искры. Грета едва сдержалась, чтобы не крикнуть “Так нечестно!”.

— Вы поели? — сухо спросила мать.

— Да, — хором ответили Грета и Клайс.

— Теперь мыться и спать!

Они одновременно поднялись и отправились в ванную.

Когда Грета была маленькой, она твердо знала: более унылого места, чем ванная, в мире больше нет. Под изъеденной чистящими растворами сидячей ванной жили пауки и, может быть, даже крысы. Грязно-зеленая краска стен облупалась, слезая пластами. Клубы пара поднимались к высокому мутному окошку под самым потолком, углы были затянуты черной паутиной. Сюда их с Клайсом обычно запирали, когда наказывали, и им оставалось лишь слушать, как капает вода из вечно текущего крана в банку из-под консервов. Еще в ванной противно пахло

сыростью. Однажды Грета хотела принести сюда сухие цветы, чтобы хоть как-то украсить помещение, но ей это запретили. Больше она не пыталась. Нет, так нет.

И все равно ей было приятно снова оказаться здесь. Клайс помог ей намазать щетку зубной пастой, шепнул: “давай, не долго!”, и Грета осталась одна. Она чистила зубы и думала, хорошо ей здесь или нет. С одной стороны, конечно, да! У нее есть собственная комната, а мать приходит с работы только вечером… А с другой… В больнице было точно так же. ТОЧНО ТАК ЖЕ. Раньше Грета этого просто не знала, но теперь начинала понимать: в их доме царили порядки казенного заведения. Такой же могильный холод. Дом — это не то место, где можно расслабиться. Дом — это холодная война. Если думать об этом, то хочется заплакать. Или даже умереть.

“Интересно, я стала бы драться тогда, живи я где-то еще? Скажем, если бы Бонга был моим братом, а его семья — моей семьей? Если бы меня любили? Стала бы?”

Она вспомнила холод, обжегший ее руку, когда в ладонь легла цепь с распятием. Надеть перчатки она не успела. А потом была короткая, но беспощадная драка. И слова, сказанные усталоравнодушным тоном:

— Сломайте ей правую руку. И побыстрее!..

“Жаль, что меня не оказалось у той ямы, когда они барахтались там, на острых кольях! Но я сама забивала эти колья, так что…”

Она сплюнула пасту. Умыла лицо. Ей хотелось вымыться целиком, чтобы избавиться от больничного запаха, но пока это было невозможно. Пришлось ограничиться только волосами.

Когда Клайс пришел поторопить ее, она заматывала голову полотенцем.

— Спокойной ночи, — сказал Клайс. — И поменьше молись. Школу проспишь.

3

И тогда Грета, наконец, осталась с Мостроборцем один на один.

Она знала, что с ним лучше всего разговаривать именно ночью, когда все люди ложатся спать.

Днем у Монстроборца слишком много дел, чтобы беседовать с какой-то девчонкой. Но сейчас он, наверное, ничем не занят. Сейчас — ее время. Сейчас он выслушает ее.

— Привет, — сказала Грета, вставая на колени перед распятием. — Это я. Грета. Ты уже все знаешь, ведь так? Смотри, они сломали мне руку! Хотя, тебе, наверное, было больнее… И если ты умер за мои грехи, это ведь ничего, что я забивала колья? Наверное, ничего… Наверное, в этом мире в подобные ямы падают каждый день. Как ты думаешь, в Аду намного лучше? Ты ведь там был?

Иначе ты не сделал бы того, что сделал… Или все же сделал? Ты пошел тогда на принцип, или правда хотел меня спасти? Меня и всех остальных? Знаешь, когда тот парень сказал, что сломает мне руку, я сказала “Давай!”, но я сказала это из принципа. Чтобы не заплакать от страха и не закричать “Пожалуйста, не надо!”. А за чужие грехи… Но ты ведь все равно прощаешь меня? Да, Монстроборец?..

Свечи горели ровно. Кажется, он прощал.

— А если прощаешь, то дай мне силы открыть хоть одну дорогу! Или мои друзья усомнятся во мне.

Она не стала гасить свечи. Они догорали и гасли, одна за одной, и тогда комната наполнялась приятным запахом парафина. Она лежала на кровати и глядела на распятие. Сейчас ей было спокойно, хоть мысли и вертелись все время вокруг той белой поляны, над которой смыкались невидимые стены… Незнакомый шаман запечатал дорогу смертельным проклятием, и это был вызов. Но об этом лучше думать завтра. А сейчас надо спать.

Грета завернулась в кокон одеяла и стала рассказывать себе сказку про Полигон. Когда-то, давным-давно, никакого Полигона не было, а были зеленые нивы и колосящиеся поля. Проселочная дорожка петляла по холмам, а еще была чистая река с плакучими ивами. И стояла церковь. Там, где сейчас Фундамент… Грета видела похожую церквушку на одной из старинных гравюр. Небольшая, с веселыми блестящими куполами. В нее даже не обязательно было заходить, достаточно скользнуть взглядом и сказать: “Монстроборец, прости!” — и на душе становилось легче, настолько святым было то место.

А потом пришло зло.

Грета знала, что по ночам все железо Полигона выкапывается из мерзлой земли и сползается в одно место, где собирается, как конструктор, в железного тиранозавра. И идет гулять, с лязгом, грохотом и воем. Именно этот тиранозавр и сожрал белую церквушку с веселыми куполами. Сожрал, как пирожное. Оставил лишь фундамент. И сразу же ландшафт изменился. Проселочная дорога исказилась бороздами траков, ивы исчезли, река поменяла

цвет. Дракон взревел, отряхнулся, и во все стороны полетели снаряды. А потом он выпрямился, поджав передние недоразвитые лапы, и плотоядно поглядел на спящий город.

Его нельзя было убить. Он был изначально мертв. Но его можно было отогнать одним-единственным артефактом. И эта волшебная вещь была у Греты.

Это случилось пару лет назад. Они с Клайсом катались на велосипедах и случайно наткнулись на фундамент. Конечно же, они полезли смотреть, что там такое! За раскиданными ударной волной каменными блоками они обнаружили подвал. Целую неделю они потратили на то, чтобы расчистить вход. О своей тайне рассказали только Полу, и он притащил лопаты. Работа пошла гораздо быстрее. Наконец, они проникли внутрь. Пол включил фонарик, и все ахнули. Несколько толстых прямоугольных колонн поддерживали каменный свод. Бетонный пол был завален кучами мусора. А на потолке… Сначала Грета испугалась и даже вскрикнула, настолько неожиданным было то, что она увидела. Клайс тут же оказался рядом, прижал ее голову к своей груди и вскинул руку, думая, что рушится потолок, а Пол направил вверх свой фонарик. И они восхищенно уставились на фреску. На потолке был нарисован Монстроборец. И у него было ЛИЦО!!!

Сначала это до них не дошло. Просто что-то казалось не так. А потом Пол сказал: “У него же лицо!”, и Грета содрогнулась от ужаса и восторга. Конечно же, была клятва, и они кололи себе пальцы, чтобы расписаться кровью, что нигде, никогда, ни при каких обстоятельствах… “Иначе нас сожгут”, - добавил Пол. — “За то, что мы видели.”.

“Детей не сжигают”, - возразила Грета. Пол только посмотрел, не стал ничего говорить, но от его взгляда ей стало не по себе.

“За это могут и сжечь”, - сумрачно проговорил Клайс. И он был совершенно прав.

“Как же быть?” — спросила Грета, не отрывая взгляда от ЛИЦА.

“Очень просто”, - улыбнулся Пол. — “Мы замажем ему лицо. Здесь будет наш штаб.”

Замажем лицо! Но это же… Кощунство!

“Не мы же рисовали”, - буркнул Клайс, принимая сторону Греты. — “Какая разница!”

“Мы видели”, - пожал плечами Пол. — “Мы уже должны бежать в Святую Палату с доносом. Разве не так?”

Что тут было возразить?

“И кто… это сделает?” — спросила Грета дрогнувшим голосом. Замазать Монстроборцу лицо казалось ей преступлением. А оставить — преступлением в квадрате.

“Я,” — просто ответил Пол. — “Я беру это на себя.”

И Клайс поглядел на него, как на героя.

А потом она нашла это распятие.

Прошло несколько дней, лицо Бога все еще не было замазано, они с Полом и Клайсом возились, разбирая кучи хлама. Они не спешили. Ведь среди обугленных деревяшек (а ведь это наверняка — обгоревшие иконы, с такими же ЛИЦАМИ!), среди искореженных железяк и осколков витражных стекол попадались почти целые вещи. Так, Пол отыскал несколько книг, Клайс наткнулся на россыпь автоматных гильз и изрешеченную пулями, как он сказал, сутану священника, а Грета полезла с фонариком в нишу, и в куче осколков разглядела распятие.

Это было символично. Распятие словно говорило ей: “Давай же! Возьми меня, если сможешь! Заплати своей кровью, если не боишься!”. Оно было большое и металлическое. И, кажется, с лицом. От азарта у Греты задрожали руки. Она задержала дыхание. “Только бы не отобрали!” — мелькнула мысль. Быстро оглянувшись, Грета увидела, что друзья поглощены раскопками не меньше ее. И храбро полезла в нишу.

Нельзя было кричать. Она поняла это сразу. Если хочешь добыть волшебную вещь — терпи.

Осколки изрезали руки, но она упрямо лезла вперед. Только бы дотянуться… Кровь текла по пальцам, распятие несколько раз выскальзывало и падало еще дальше. И Грета, глотая слезы, зарывалась вслед за ним все глубже и глубже.

“Грета! Ты что?” (Это, кажется, Клайс.) Не разобрать, чей голос, так колотится сердце. Ну где же ты… А, вот, блеснуло… Ох, какой осколок! Только бы они не стали тащить меня… Потому что это смерть…

“Грета! Ты же изрежешься!”

“Осторожно! Не тронь ее!”

“Грета!”

А вот и распятие. Зажать его покрепче в кулак, чтоб не выскользнуло — и назад… А как назад, если кругом — острые осколки? Но друзья уже разбирают завал, если лежать и не шевелиться…

“Грета! Ты жива?”

Главное — не шевелиться. Ох, и больно же!..

Она слизнула с железа собственную кровь, посветила

фонариком на распятие. Да, точно такое же лицо, как и на фреске… Ты прости, Монстроборец, но мне придется стереть твое лицо. Иначе меня сожгут. Теперь нельзя, чтобы ты смотрел на мир своими глазами. Слишком страшным стал этот мир… Или он стал таким потому, что у Бога исчезло лицо? Прости меня, ладно?..

Кто-то тряс ее, переворачивал, осторожно ощупывал тело. Она открыла глаза. Клайс и Пол, бледные от страха, склонились над ней.

— Ну ты и дура! Зачем?..

Грета раскрыла ладонь. И показала распятие.

Они странно поглядели на нее. Но ничего не сказали. И только Пол, перевязывая раны своей рубашкой, заметил:

— Надеюсь, оно того стоит…

Оно того стоило. Оно было огромным и удобно ложилось в ладонь. Как кастет. Им можно было неплохо приложить. А потом Грета догадалась повесить его на цепь с крупными звеньями и стала брать с собой в школу. И это был выход, потому что с ножами и кастетами в школу не пускали, а распятие — это распятие. Не придерешься. И что действительно было волшебным, так это то, с какой скоростью зажили все порезы. Даже следов почти не осталось. А раны были глубокими, Клайс нес ее всю дорогу на руках…

Дракон в ее фантазиях боялся этого распятия. Он смешно сжимался в уродливый шар, теряя форму чудовища, и начинал отползать, оставляя запчасти. А еще Грета брала распятие с собой в свои странные сны. И первый раз изменила ветер, сначала во сне, крикнув незнакомые слова, вдруг вспыхнувшие плазмой по ту сторону век, а потом — наяву. И видела, как грозовые тучи, ползущие на город, словно наткнулись на невидимый барьер, растерянно замерли, а потом покатились назад. А она стояла на краю обрыва, вскинув руку с намотанной цепью, сжимая нижний край креста, и повторяла слова из своего сна… И чувствовала сумасшедшую силу. И сумасшедшую радость. Бог послал ей артефакт. Бог отметил ее своей милостью. Она любила Бога больше всего на свете. Может быть, даже больше, чем Клайса.

Может быть…

Когда на канделябре в углу погасла последняя свечка, Грета уже спала. Неслышно отворив дверь, в келью прокрался Клайс. Постоял над Гретой, слушая ее ровное дыхание. Потом поцеловал кончики пальцев и осторожно коснулся ими ее бледного лба.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

1

Утром начался снегопад. Воскресный колокольный звон плыл над Окраиной в снежном сумрачном вихре, рождаясь из завываний ветра, то накатывая, то отступая прочь, но не замолкая ни на минуту. Грета сквозь сон даже видела все эти колокола, черные и огромные, славящие похоронным гудением милосердие Бога, говорящие от Его Имени с теми, кто был готов услышать.

Она видела лазурное небо, и красные облака начинали складываться в слова, но потом загудели колокола Окраинного храма, небо поменяло свой цвет, и Грета окончательно проснулась. Ей было холодно. Ветер наполнил ее келью, ломился в окно, по полу тянуло сквозняком. Вставать совершенно не хотелось. Светящиеся цифры будильника давали понять, что еще слишком рано.

Она закуталась поплотнее в одеяло и лежала, вслушиваясь в гудящую тишину. Впереди было воскресенье, огромный, долгий день, и воскресная школа, и праздник на Площади Милосердия, но, главное — Грету ждала встреча с Мареком, предводителем Бродяг. А это стоило обсудить с Клайсом.

Грета неохотно свесила ноги и нашарила тапки. Потом, стараясь не шуметь, прокралась в комнату брата. Она двигалась очень тихо, но Клайс открыл глаза, стоило ей переступить порог его комнаты.

— Ты чего вскочила? — шепнул он, усаживаясь в кровати. Она, в своем одеяле, залезла к нему в постель. Завертела головой. В комнате Клайса было довольно светло, в основном за счет плаката и планет под потолком. Даже распятие в углу светилось по контуру неоновой краской.

— В это время в больнице начинались процедуры, — ответила Грета шепотом. — Мне делали уколы.

— От воспаления мозга? — хихикнул Клайс. — Хочешь, ложись здесь.

— Вот еще!

— Они не скоро проснутся…

Он обнял ее за плечи.

— Классно, что ты дома…

— На улице снова зима, — вздохнула Грета. Положила голову ему на грудь. — Холодно…

— И куча снега, — прибавил Клайс. — Просто до жопы! Можно будет построить крепость.

Грета вытащила из одеяльного кокона правую руку и показала ему гипс.

— Издеваешься?

— Зато теперь ты сможешь командовать постройкой. На законном основании, а не как в прошлый раз.

Они прыснули.

— Тссс… — Грета прислушалась. Родители спали. — Я вдруг подумала… Клайс, если бы они умерли, ты бы плакал? — она кивнула в сторону родительской комнаты.

— А ты?

— Я первая спросила!

— Ну… Э… — он вздохнул. — Если бы это случилось скоро, нас бы забрали в интернат.

— Вот говно…

— Все в порядке. Просто ты отвыкла.

— Знаешь, там, в больнице, было точно так же. Так же холодно…

Он обнял ее второй рукой.

— Вот если бы однажды пришли люди из какого-нибудь ведомства, — фантазировала Грета, — и сказали бы: Грета, Клайс, вас подменили в роддоме. Ваши настоящие родители любят вас и

хотят, чтобы вы вернулись…

— Да, — подхватил Клайс. — Ваши настоящие родители — это министр пропаганды и его жена… И особняк тысяч за десять синих, и мотоциклы, и даже настоящие лошади…

— И парусник, — вздохнула Грета. — И собака… А еще — новые кожаные штаны!

— Я ездил на мотоцикле, — похвастался Клайс. — По Окружной трассе, под сто двадцать…

— Хватит врать!

— Чесслово! Только не я вел… С ума сойти! Это было что-то!..

— А мне сделали пятьдесят четыре укола в задницу…

Они рассмеялись, уткнувшись в одеяло.

— Тебе было больно? — спросил Клайс.

— Подумаешь, ерунда!

— Нет. Тогда. — он дотронулся до гипса.

— А как ты думаешь?.. Да, а что мне сказать Мареку? Если я предъявлю ему гипс, он ответит, что двое Бродяг лежат в больнице, и за все уже заплачено сполна…

— Нда… А ты скажи ему, что он — пидер. И с ноги…

— Я серьезно.

Они посмотрели друг на друга.

— Отложи разговор, пока тебе не снимут гипс, — посоветовал Клайс.

— Нет. Не то. Я думаю забить им стрелку на Полигоне.

— У них шаман, — напомнил Клайс. — Он запутает все дороги. Сначала надо разобраться с шаманом.

Марек хитрый, наездом его не испугаешь. Надо посоветоваться с Полом.

— Разобраться с шаманом… — повторила Грета, и ее лицо помрачнело. — А как, Клайс? Я не скажу этого другим, но… Я не знаю даже, как открыть все те дороги, которые он проклял.

— Элементарно, — улыбнулся Клайс. На щеках заиграли ямочки. — Поймаем одного из волосатых и погоним впереди себя. Это как раз несложно.

Грета пожала плечами.

— Я хочу научиться сама…

— Тогда мы поймаем шамана и станем его пытать…

— Вряд ли он скажет что-нибудь толковое…

— Это не важно. Мы заткнем ему рот. А пытать будем для собственного удовольствия.

— Аминь. Знаешь, мне приснился странный сон, в больнице. Будто я стою у дороги, которая уводит во мрак. Вокруг лето, синее небо, цветочки, но там, куда ведет дорога, клокочут черные

тучи. А потом я посмотрела под ноги и увидела кости. Дорога из костей… Даже камни на ней — не камни, а черепа, большие и маленькие, и совсем крошечные… Но знаешь, мне нужно было зачем-то идти туда, в клокочущие тучи, синее небо давило на меня, все было ненастоящим, как нарисованное… Как декорации, которые давно не протирали, и они успели запылиться. А тучи были живыми. И пламя, стены пламени в конце пути — тоже…

— И ты пошла?

Неоновые блики зелеными огоньками дрожали в темных глазах Клайса. Никто не умел слушать так, как он.

— Я пошла. Вернее, сделала первый шаг. Потом наркоз закончился, и я проснулась… Думаешь, это была Дорога Мертвых?

— Темный Путь? — переспросил Клайс, убирая волосы с ее лба. — Но разве в тебе есть зло, Грета? Разве ты не наказываешь саму себя за какие-то ничтожные грехи, я уж не знаю, какие могут быть у тебя грехи?.. Да ты — практически святая!..

— Темный Путь проходит через все миры, — тихо сказала Грета. — И ведет прямо в Ад. Но, знаешь, не обязательно быть плохим, чтобы попасть туда. Это — всего лишь путь.

Клайс вздохнул, поглядел на нее с тревогой.

— И в той книге сказано… — Грета заворочалась у него на руках, устраиваясь поудобнее. — Одинаково для всех, для грешников и святых, вне веры и желаний, вне устремлений и помыслов земных, и грехов, и чего-то еще, уже не помню, — одинаково трудна дорога, ведущая За Пределы. Одинакова и едина для всех…мертвых.

— Однажды тебя сожгут, если ты станешь так думать.

— Для мертвых, — повторила Грета. — Ведь среди живых достаточно тех, кто уже мертв. Но если Темный Путь поможет мне открывать и закрывать дороги, я пойду по нему… Ох, у тебя новый звездолет!..

Клайс посмотрел вверх. Под потолком, медленно вращаясь, вспыхивала бортовыми огнями модель “Серафима”, в окружении светящихся планет.

— Отец подарил, — сказал он немного смущенно, ведь ему, в отличие от Греты, хоть иногда делали подарки.

— Как ты думаешь, они попали в Рай, когда погибли? — Грета, затаив дыхание, пожирала глазами звездолет.

— Кто? Инквизиторы с "Серафима”? — усмехнулся Клайс.

— Инквизиторы?

— Пол спрашивал у своего отца… Только никому!.. У них было задание. Они летели на Луну, чтобы основать там базу “Оплот Света”, у них с собой было для этого все. Специалисты,

рабочие роботы, строительные установки, в общем, все! Но на орбите их сбили ракетами. Вряд ли они от этого стали святыми.

— А я представляла себе крейсер, окруженный сиянием, летящий прямо в Рай…

Они засмеялись.

— Тише!.. — шепнул Клайс. — Может, выйдем сегодня пораньше? А то здесь толком не поговорить?

— Давай.

— Все равно они скоро придут нас будить…

— Да…

— И начнут орать, что мы не можем находиться в одной кровати…

— Тогда отпусти меня!

— Сейчас.

— Вот только я не понимаю, зачем нужна межпланетная экспансия, если Иесус боролся с монстрами? Разве чудовища могут поклоняться Монстроборцу? Ну наши, земные — еще ладно, но инопланетяне?.. У них, наверное, свои Монстроборцы… Ведь для них монстры — это мы!.. Нет, ты как хочешь, а я во все это не верю. Я еще поверю в военный конфликт с Материком Зла, но Межпланетный Крестовый Поход, как нам врали в первом классе — это уж слишком!

— Иесус был на этом корабле, — шепнул Клайс еле слышно, его дыхание приятно щекотало ухо. — Они везли его с собой.

— Это сказал Пол?

— Он подслушал какой-то разговор своего отца с другими техами. А эти парни знают все.

— Пола точно никогда не сожгут.

— Не скажи! Пока тебя не было, показывали процесс. И сегодня будут казнить женщину-теха. Кажется, она работала в соседнем отделе, отец Пола даже знал ее.

— И как звучал приговор?

— За распространение ереси и занятия колдовством… Они идут! — Клайс рывком выпихнул Грету на пол, упал на колени рядом с ней.

Шаги замерли на пороге, резко открылась дверь.

— Монстроборец Иесус, спаси и сохрани меня от инопланетных чудовищ, — монотонно заговорила Грета, обращаясь к неоновому Богу на кресте. — И избавь от зверя внутри каждого из нас, и прими такими, какие мы есть… Мама?

— Что вы делаете? — резко спросила женщина, застывшая на пороге. — Грета! Что ты делаешь в комнате брата?

— Мы молимся вместе…

— Сейчас же марш в свою комнату!

— Но я…

— Марш, я сказала! Бесстыдница! Хоть бы оделась!..

— Иди, — шепнул Клайс, и Грета успела заметить, какой яростью вспыхнули его глаза.

Она медленно встала, придерживая одеяло левой рукой, и направилась к женщине, которую в мыслях своих называла лишь по имени, но никак не “мама”. Та толкнула ее, довольно грубо, пнула ногой.

— Быстро!

— Дорогая, что-то случилось? — отец неприязненно поглядел на Грету. — Что произошло?

— Опять! — закричала женщина. — Вместе молились! Представляешь? Молились! — она зашлась от натянутого смеха. — Не успела вернуться домой, как залезла в кровать к собственному брату!.. Молились они!..

— Это правда? — отец взял Грету за подбородок, заглянул в лицо. — Почему ты не молишься в своей комнате?

Грета заставила себя успокоиться, поглядела затуманенным слезами взглядом и кротко проговорила:

— Я соскучилась по Клайсу. И по Богу. В больнице мы молились не каждый день, и не причащались ни разу. Я только сказала Клайсу, что хотела бы зайти в церковь по дороге в школу…

— Что, уже успела нагрешить, сучка? — взвизгнула женщина.

“Только бы Клайс промолчал!” — взвыла Грета про себя.

— Я совершила какой-то грех? — спросила она, обращаясь к отцу. — Я молилась Богу вместе с моим братом…

— Что у тебя под одеялом? — женщина не слушала ее.

“Кружевное белье и кожаная плетка!”

— Ночная рубашка. А что?

— Ничего!..

— Успокойся, дорогая… — Отец крепко стиснул плечо, Грете стало больно. — Я не стану наказывать тебя сегодня. Бог достаточно наказал тебя, заставив упасть с велосипеда. Но если я увижу тебя еще раз в подобном виде, в комнате твоего брата, я выпорю тебя кнутом. Обещаю. А теперь пошла! На сегодня я лишаю тебя пищи, так что пойдешь в школу голодная.

— Да, — внутри все кипело, но Грета приняла смиренный вид.

— Иди, — вздохнул отец, убирая руку.

Грета поспешно юркнула в свою келью, закрыла дверь и привалилась к ней спиной. Ее дыхание рвалось из груди, слезы

текли по лицу.

“Почему? За что?” — спросила она Монстроборца, раскинувшегося на кресте. Пустота вместо лица. Никаких эмоций. Никакой боли. Пустота… А может, суть — именно в этом?

“Я их ненавижу. Однажды я убью их.”

За перегородкой что-то упало. Наверное, Клайс вымещал свою ярость, швыряя в стену какие-то вещи.

2

По дороге в школу они действительно остановились около храма. Они делали так всегда.

Колокола уже не звонили. Было тихо, неторопливо сыпался снег. Они вошли, потоптались на пороге, избавляясь от слякоти, и отправились дальше, туда, где горели тысячи свечей и клубился ладан.

— Я куплю свечи, — шепнул Клайс. Он был без шапки, волосы намокли от снега. Грета улыбнулась и выпустила его ладонь. Подошла к иконе Святого. У Апостола Бена было узкое лицо и длинные волосы, падавшие на дерзкие глаза, а мерцающий нимб напоминал, скорее, подсветку силового поля. В правой руке Апостол Бен сжимал парализатор, в левой, конечно же, Библию. Истинную Библию, каждый стих из которой обладал чудовищной силой. И по спине пробегала дрожь при воспоминании о том, что он сделал при помощи этой силы…

Подошел Клайс, с двумя зажженными свечами. Грета перекрестилась, установила свою свечу в центр канделябра. Преклонила колени. Клайс — рядом с ней. Женщины неподалеку просветленно улыбнулись, глядя на двух юных ангелочков, заглянувших в церковь перед уроками.

— Святой убийца, — прошептала Грета, — нам нужно расправиться с Бродягами. Они совсем обнаглели. Они унижают наших друзей, глумятся над нами, всяко разно поносят и отбирают деньги. Их шаман закрывает наши дороги. Все они — тупорылые свиньи и полные ничтожества. Я знаю, ты ненавидишь их так же, как и я. Дай мне силы, чтобы я могла разобраться с Бродягами, как ты разобрался с Редонной! Пусть они сдохнут в жестоких мучениях! Пусть их кровь пропитает землю, пусть их прах развеет ветер, пусть стены Адского пламени поглотят их души, навсегда, на веки вечные, аминь, аминь, аминь!

— Аминь, — повторил Клайс. Они замолчали, глядя на Бена снизу вверх. За спиной Святого рвался силовой купол вражеского

города. Должно быть, Апостол Бен вознесся в тот момент, когда его крейсер “Лотгалия”, сдетонировав, растворился в сиянии ядерного взрыва.

У выхода из церкви их уже поджидали Пол и Алдыбей. Бонга, как обычно, опаздывал.

— Что такие мрачные? — безошибочно угадал из настроение Пол. Вероятно, способности теха передались ему по наследству от родителей.

— Родители запрещают нам молиться… вместе, — буркнул Клайс. — Привет, Алдыбей!

— Здравствуй, — Грета протянула Алдыбею свой гипс. — Кстати, не хочешь расписаться?

— Запросто! — невысокий смуглолицый парень с черными живыми глазами лихо откинул крышку своего бэга и выхватил маркер. Потом размашисто написал свое имя поверх гипсового кокона. — Скоро снимут?

— Послезавтра.

— Только я не понимаю, зачем тебе наложили гипс? Ты угодила в бесплатную больницу?

— Да, — засмеялась Грета.

— Это, наверное, неудобно?

— Полный финиш!

— Поэтому ходишь пешком, да?

Сам Алдыбей, как и Пол, стояли возле прислоненных к паперти велосипедов.

— Распишешься? — Грета забрала у Алдыбея маркер и протянула его Полу. Тот усмехнулся, критически оглядел маркер и вернул обратно. Достал ручку с неоновыми чернилами, поставил росчерк, подумал — и пририсовал веселую рожицу. Поверх металлического корпуса ручки шли иностранные буквы.

— Откуда? — в голосе Алдыбея звучала зависть.

— Выменял у Бонги, — небрежно отозвался Пол, вертя ручку между пальцами, как барабанную палочку.

— На что?

— На календарик.

— Врешь!

— Не хочешь — не верь.

— Уй!.. Дай заценить?

— Обойдешься. — Пол спрятал ручку в нагрудный кармашек. Он был в той же штормовке, что и на полигоне. Грета знала, что брезент был только сверху, а под ним проходило плетение из тонких стальных тросов, на подкладке из нанорезины.

— Во сколько идете на праздник? — спросил у Клайса

Алдыбей.

— Предлагаю встретиться здесь же, в семь вечера, — ответил вместо Клайса Пол. — Пойдем все вместе.

— А где Юнит? — удивилась Грета.

— Дома, — Пол приподнял велосипед, счистил с его рамы прилипший снег. — Вчера он договорился с отцом, что вместо школы его возьмут на учения.

— На Полигоне? — выдохнул Алдыбей.

— А где же еще? Потом начнется банкет, но Юнита, естественно, на него не пустят.

Алдыбей сглотнул.

— А ананасы там будут? — мечтательно проговорил он.

— Ананасов не существует, — как бы по секрету сообщил ему Пол. Алдыбей ошарашенно поглядел на него. Грета и Клайс захохотали.

— Алдыбей, — снисходительно улыбнулся Пол, возвращая велосипед в прежнее положение и залезая на паперть. — Хочешь заработать неоновую ручку? Кстати, чернила светятся в темноте!

— А как? — захлопал глазами Алдыбей.

— Залезь наверх, на решетку, и прокукарекай. Трижды!

— Покажи ручку!

— Говори, согласен или нет?

— Я должен сначала…

— Согласен? Или нет? — Пол опять достал ручку и принялся по-всякому вертеть ее. Жадное сердце Алдыбея не вынесло подобного искушения.

— Согласен! — крикнул он.

— Только громко, чтобы все слышали! — предупредил Пол, спрыгивая к друзьям. Алдыбей залез на его место.

— Ты серьезно? — шепотом поинтересовался Клайс.

— Естественно!

— Залезть на забор? — уточнил Алдыбей задачу. Он смотрел только на ручку.

— Давай скорее, а то опоздаем на урок!

Алдыбей скинул в снег свой школьный рюкзак. Подпрыгнул, уцепился за прутья и довольно ловко вскарабкался на церковное ограждение.

— Кукареку!

— Громче!

— Ку — ка- ре- ку!!!

— Еще два раза!

— Ку! Ка!..

Сторож, привлеченный шумом, вышел на крыльцо, увидел Алдыбея, и его лицо начало багроветь. Грета с удовольствием

наблюдала, как он разевает рот, набирая в легкие побольше воздуха. В варежках, отороченных мехом, этот дядька сжимал лопату для снега.

— Ну я вам сейчас… — угрожающе прогудел его голос.

Алдыбей замер, вцепившись в узор решетки, на самом верху. Он не решался спрыгнуть, парализованный ужасом неожиданности. Грета, Клайс и Пол с хохотом и воем помчались прочь,

Алдыбей застрял на заборе.

— Вот я тебе! — рокотал бас, и визгливо неслось: — Дяденька, не надо!..

Забежав за угол, они остановились, чтобы насладиться зрелищем наказания. Алдыбей, красный и всклокоченный, вырывался и орал, а сторож держал его за ухо, охаживая другой рукой по заднице.

— Будешь лазить по заборам! Будешь!..

— Я не буду!.. Не буду!..

— Нехристь черножопая!

— Не буду!

Алдыбею удалось вырваться, и он уже мчался, таща велосипед рядом с собой. Сторож что-то кричал ему вслед, размахивая лопатой.

— Ты специально?! — Алдыбей налетел грудью на Пола, толкнул его.

— Специально, да?

— Ну-ка… — Клайс встал между ними. — Ты сам сделал выбор. И сам ответил за него. Нечего быть идиотом.

— Отдавай ручку! — прохрипел Алдыбей.

— Ручку? — удивился Пол. — С какой стати?

— Отдавай! Я честно выполнил!

— Честно? А сколько раз ты прокукарекал? Вроде мы договаривались, что три, а ты — сколько?

Полтора?

— Отдай! — Алдыбей бешено сверкал глазами, но наброситься не решался.

— Остынь, — сказала ему Грета. — Мы все слышали уговор.

— Но сторож!..

— Нечего было слезать! — Клайс издевался уже в открытую, улыбаясь с откровенным цинизмом. — А слез, так надо было ногой по яйцам!.. А ты — дяденька, отпустите!.. Дяденька, простите!..

— Алдыбей — цурка! — подхватил подъехавший Бонга, чистенький и свежий, как всегда по утрам. — Цурка косоглазая!

— Сам ты цурка! — закричал на него Алдыбей. — Цурка

Бонга!

— Маменькина цурка!..

— Хватит, — приказала Грета. — Бонга, вечно тебя приходится ждать! Пойдемте! Пол, ты идешь?

Алдыбей, оттолкнув Бонгу локтем, быстрым шагом обогнал их, всклокоченный и злой.

— Ой-ей-ей! — вслед ему загнусавил Бонга.

— Может, макнем толстяка в сугроб, — предложил Клайс.

— Мы опаздываем, — сообщил Пол, глянув на часы. — Может, пробежимся? А, Грета?

— Побежали, — согласилась она.

Бонга в два счета обогнал их на зимней резине, и, не удержавшись, впаял ногой Алдыбею по заднице, проезжая мимо.

3

У дверей кабинета истории Церкви уже собралась толпа. Кто-то сидел на подоконнике, кто-то — на полу, кто-то разглядывал хрестоматийные картинки, нарисованные на стенах. Грета, подойдя, отыскала взглядом Марека, но тут Клайс поймал ее за рукав.

— Позже.

Марек на секунду встретился с Гретой глазами и отвернулся, чтобы скрыть ненависть. Один из тех, кто попал в яму с кольями, был его приятелем, вспомнила Грета. Пол взглянул на часы, поморщился.

— Могли и не бежать. Он опять опаздывает.

Бонга швырнул свой бэг к стене, уселся на него.

— Он всегда опаздывает. В прошлый раз он опоздал на двадцать минут.

К Клайсу подошла Лейз. Сегодня ее юбка была немного длиннее. Грета отвернулась и стала смотреть в окно, как снег засыпает железные тренажеры на спортивной площадке. Учитель истории Церкви был самым странным человеком, какого ей доводилось встречать. Во-первых, он опаздывал и не ставил плохих отметок. И еще он умел рассказывать так, что в классе стояла гробовая тишина, раздавался лишь его спокойный голос с теплыми интонациями, который учитель никогда не повышал. Но самым замечательным в нем было лицо, такое же терпеливое и спокойное, как у распятого Монстроборца на той фреске в Фундаменте…

Грета не пропустила ни одного его урока, с тех пор, как по

воскресеньям дополнительно ввели факультатив истории Церкви. Толпа учащихся зашевелилась. Учитель шел по коридору. Грета постаралась поймать его взгляд, и ей это удалось.

— Здравствуй, Грета, — сказал он. — Ты принесла справку?

— Вот, — она протянула ему лист с больничным штампом и неразборчивым почерком, какой обычно бывает у врачей. Он спрятал листок в карман плаща, подошел к двери.

— Грета, почему ты не надеваешь юбку? — прошипел возле уха ядовитый голос Лейз. — Правда, что у тебя кривые ноги?

— Ты уже успела отсосать у моего брата? — поинтересовалась Грета.

— Отстань от нее, — попросил Клайс.

— Сам от нее отстань!

Учащиеся уже затягивались в класс. Грета и Лейз какое-то время мерились взглядами, стараясь вложить в выражения лиц как можно больше презрения, но Клайс схватил Грету за рукав и потащил за собой.

Обычно Грета сидела за партой рядом с Полом, да только за время ее отсутствия произошли перемены, и она с удивлением увидела, что Пол теперь соседствует с Мареком, а она… Только не это! К ней направлялся Дон Альварес, собственной прыщавой персоной!

— Это что? — Грета огляделась по сторонам. — Это как же так?!

Учитель каким-то образом услышал и сказал:

— Альварес тоже долго болел, так что теперь вы будете сидеть вместе.

А потом раскрыл журнал и начал перекличку.

— Ладно же, — процедила Грета сквозь зубы, сумрачно глядя на Альвареса. Сидеть с ним считалось редкостным западлом. — Ну и денек!

Альварес уселся на стул, растопырил локти. Клайс, Пол и еще несколько человек зашлись от хохота. Лейз скалилась, растянув напомаженные губы, и сидела она рядом с Клайсом.

— Подвинься! — бросила Грета Дону Альваресу.

— Отстань, — буркнул тот.

— Тебе пиздец!

— Тебе самой пиздец!

Альварес, кроме всего прочего, был еще и Бродягой. Он уже начал отращивать волосы — жиденький хвостик, перетянутый шнурком, доставал почти до седьмого шейного позвонка.

Дождавшись, пока Учитель отвернется, Грета выхватила неожиданно “флиггер” и прочертила глубокую борозду посреди

парты обоюдоострым выкидным лезвием.

— Вот твоя половина, — проговорила она, косясь на Альвареса. — вот моя. Тебе ясно?

Альварес побледнел и отодвинулся от нее подальше. Грета кинула по сторонам несколько быстрых взглядов и спрятала “флиггер” обратно в карман.

— Ну что же, — резюмировал Учитель, захлопывая журнал. — Все здесь. Никто не отсутствует. И это хорошо, потому что у нас сегодня — очень интересная тема. Нет, записывать ничего не надо. Просто послушайте.

Он неторопливо обвел глазами притихший класс. Грета мельком взглянула на Дона. Тот замер от напряженного внимания, приоткрыв слюнявый рот. Грета усмехнулась. Она прекрасно понимала, какую власть должен иметь над начинающим Бродягой взрослый парень с длинными волосами.

Учитель, наверняка, был кумиром Дона Альвареса.

— Что вы знаете о Боге? — спросил он, останавливаясь возле доски. — Что Он добрый и немного похож на вашего папу? Я рассажу вам о Боге. Когда-то давно Бог приходил в этот мир, но люди распяли Его. Бог умер. Но, перед тем, как умереть, Он обещал, что вернется. Проходили века, Его все не было, и люди привыкли жить без Бога. Они утратили свою веру. Они забыли, что Он умер за их грехи, и перестали быть Ему за это благодарны. Они искривили свои пути, и их души стали наполняться тьмой, все больше и больше. Но были среди них те, кто помнил заповеди Бога и жил сообразно Его заветам. Эти избранные хранили свет истинной веры посреди всеобщей ереси и всеобщего забвенья. Разрушительный хаос не коснулся их душ, они не потеряли путей своих, потому что Имя Божие сияло над этими путями… Эти избранные сделали все, чтобы Он вернулся. И вот, сорок восемь лет назад, Он вернулся.

Альварес шумно сглотнул.

“Он вернулся, но уже без лица”, - мысленно проговорила Грета, как всегда, споря с Учителем. —

“Откуда Он вернулся? Где Он был все время, пока Его не было? Ты же знаешь! Расскажи мне!”

— Он вернулся, чтобы больше не оставлять нас никогда, — продолжал Учитель посреди гробовой тишины, и когда Грета думала о Монстроборце, по ее спине пробегал холодок. — Он вечен, и Он всегда будет с нами. Тот, кто верен Ему, сам будет жить вечно… Но, чтобы жить вечно, надо сначала умереть, как Он доказал нам своим примером. Каждый из вас, — так смотрят через прицел перед тем, как нажать на курок, — однажды умрет. И каждый однажды воскреснет. Мы все — плоть от плоти нашего

Бога… И ты, Бонга, тоже!

По классу прошелестел смех. Грета увидела, как Бонга прячет в пакет недожеванный бутерброд и начинает дико краснеть.

— С чем бутерброд? — поинтересовался Учитель.

Бонга давился, пытаясь жевать и отвечать одновременно, крошки сыпались у него изо рта. Класс засмеялся громче.

— Иди за дверь, прожуй и возвращайся, — небрежно взмахнул рукой Учитель, повелительным жестом отпуская Бонгу. Тот торопливо вышел, зажимая рот руками. Ему тоже было смешно.

— Сначала надо умереть. — Учитель подождал, пока Бонга закроет за собой дверь, и спросил: — Вы знаете, как умирал наш Бог? Конечно, знаете! У всех были церковные комиксы?

Дон Альварес закивал головой.

“У тебя-то точно были!” — подумала Грета, косясь на него. Альварес случайно перехватил ее взгляд и растерянно заморгал. Грета снова поглядела на Учителя.

— Помните, что там было нарисовано? Сначала они схватили Его, потом пытали, потом судили, и, наконец, распяли. На все это им потребовалась ровно неделя. В воскресенье они схватили его.

Поэтому сегодня — Жертвенное Воскресенье. Сегодня Бог ждет от нас очистительную жертву.

Очень плохого человека. Либо серийного убийцу, либо террориста, либо еретика. Все пойдут сегодня на Площадь Милосердия?

— Да! — весело закричали все вокруг.

— В понедельник… Да тише вы! В понедельник к Нему привели того, кто Его предал, чтобы тот повторил свои обвинения. И Бог простил его. Поэтому понедельник называется “Понедельник Прощения”. Вы знаете, что надо делать в Понедельник? — Учитель пристально поглядел на Марека и Пола. — Марек, Пол, вы знаете об этом?

— Надо прощать своих врагов, — полувопросительно сказал Марек, вежливо привстав. Он был высокого роста, с очень светлыми волосами, забранными в аккуратный хвост. Он ходил в костюме с запонками, чем бесил всех друзей Греты.

— Не только, — улыбнулся Учитель. — Пол, ты не хочешь дополнить ответ твоего… одноклассника?

Пол выпрямился рядом с Мареком.

— В Понедельник Прощения следует просить прощения у своих врагов.

Когда Пол улыбается ТАК, он становится похожим на Маленького Ангела из комиксов Дона Альвареса, подумала Грета,

он может обмануть кого угодно, когда он улыбается ТАК.

— Садитесь, — разрешил Учитель. — Ваши товарищи совершенно правы. Прощать и просить прощения, раскаиваться и очищать душу искупительными слезами. Это будет в понедельник. Во вторник к Богу применили первые пытки. Его не кормили и не давали пить весь день, и поэтому вторник называется “Голодным”. Что это означает, Бонга? — спросил он у вошедшего Бонги.

— Вторник называется “Голодным” потому, что во Вторник запрещается есть, — с серьезным видом ответил толстяк. В классе снова засмеялись.

— Иди, садись. И не только есть — пить тоже запрещается.

Потом наступила среда. Грета, что ты можешь рассказать нам про среду?

Грета встала, и все посмотрели на нее.

— Кровавая Среда, — просто сказала она. — Бога били кнутом, и вся одежда на Нем пропиталась кровью.

— Правильно. — Учитель посмотрел на нее и чуть-чуть улыбнулся. Его взгляд потеплел. Грета почувствовала, что краснеет. — Всю ночь Бог пролежал на холодных каменных плитах своей камеры. Поэтому в Кровавую Среду вы должны наказывать себя телесно. Если не можете сами — попросите ваших родителей, они с удовольствием помогут вам… ремнем. Верно? Садись, Грета. В четверг… Алдыбей, что произошло в четверг?

— В четверг Бога мыли, — громко сказал Алдыбей. И тут же последовал взрыв хохота.

— Какое потрясающее богохульство, — восхитился Учитель. — Какой дерзкий полет мысли! Мыли!.. Четверг назван “Чистым” оттого, что Бог очищал свою душу исповедью. И в Чистый Четверг нужно исповедоваться в грехах и причащаться. Вам всем знакома эта процедура, так что начинайте вспоминать. Пятница называется “Темной” не потому, что Бог спал, если следовать логике Алдыбея… Он сражался с демоном, искушающим Его свободой. Поэтому в Пятницу запрещено выходить из дома, кроме как в школу, а также спать, есть и пить. И смотреть визор! Все меня слышат?.. А надлежит молиться, стоя на коленях, с утра и до вечера, до самых первых звезд. А что у нас с субботой? Клайс?

Грета повернула голову и взглянула на брата.

— Суббота называется “Светлой”, потому что Бог одержал победу над демоном, — рассудительно сказал Клайс, слегка приподнявшись.

— Правильно, — согласился Учитель. — Бог победил демона

и низверг его в пучину Ада. Но и это не самое главное. Бог боролся прежде всего с самим собой. Он мог просто встать и уйти из темницы, Он знал, что никто из живущих не сможет остановить Его, не сможет воспротивиться Его воле. Но Он остался, чтобы искупить грехи этого мира. В воскресенье был праздник. Пасха, если кто не знает. В воскресенье Бога распяли, и Он умер. Но Он оставил заповеди, по которым надлежало жить, ожидая Его возвращения. И сейчас Альварес нам их перечислит, все пять.

Прыщавый Альварес подскочил рядом с Гретой от неожиданности. Он выпрямился, не отрывая испуганного взгляда от глаз Учителя.

— Давай, перечисли нам эти заповеди, — в мягком голосе Учителя прозвучал приказ.

— Нельзя убивать, — гнусаво и нудно затянул Альварес. — Нельзя отнимать чужое… Нельзя колдовать… Нельзя предавать…

— И? — вопросительно протянул Учитель, опасаясь, что Дон надолго замолчит.

— И… Э… — кажется, у Дона начался ступор. Грете было знакомо это состояние — когда вроде и помнишь правильный ответ, да только его никак не сформулировать. Но жалости она не чувствовала никакой. Альварес тяжело вздохнул, как бы давая понять, что сдается.

— Ну, назови пятый! — потребовал Учитель.

Дон Альварес снова вздохнул. Он начисто забыл последний грех, и теперь умоляюще обводил глазами класс, надеясь на подсказку.

— Нельзя дышать, — еле слышно проговорила Грета, стараясь не двигать губами.

— И нельзя дышать! — радостно выпалил Дон, прежде, чем успел подумать.

Класс просто взвыл от хохота. Смеялся даже Учитель. Грета поглядела на Клайса. Тот догадался о ее проделке, в значении его взгляда ошибиться было невозможно.

Учитель что-то сказал, и оживление начало затихать.

— Нельзя лгать, — повторил Учитель в наступившей тишине. — Пятый грех — это ложь. Вы когда- нибудь лгали?

Молчание.

“Конечно, лгали!” — подумала Грета. — “Миллионы раз!”.

Учитель переводил свой цепенящий взгляд на каждого из них. Вот его глаза остановились на Грете, и у нее замерло сердце.

— Надо всегда говорить только правду, — подвел он черту, и класс вздохнул свободнее.

— Садись, Альварес, — Учитель махнул рукой. Грета просто

тащилась от этого жеста — повелительно-небрежного, позволяющего измерить глубину культурной пропасти между Учителем и этим прыщавым ничтожеством. — Садись и думай в следующий раз своей головой. Кстати, тебе ведь кто-то подсказал неправильный ответ? Верно?

Снова наступила тишина. Грета чувствовала, как горло сковывают тиски. В животе противно заныло от напряжения.

— Кто тебе подсказал неверный ответ? Скажи, и я не стану тебя наказывать… за ересь.

Альварес поднялся. Он сделал это очень медленно, и Грета заметила, что его руки дрожат.

— Да, за ересь, — повторил Учитель. — Потому что не знать в вашем возрасте пять смертных грехов — это ересь. Поглядите на Альвареса. Он сейчас находится в двойственном положении. С одной стороны, он не может солгать, и обязан назвать того, кто ему подсказал. А с другой — он не может предать своего школьного товарища, потому что предательство — тоже смертный грех. Как же ему быть? Ну? Какие есть варианты?

Тишина.

— Грета, что ты об этом думаешь?

Грета поднялась, вставая рядом с Альваресом.

— Это я подсказала Альваресу, — сказала она. — Я хотела пошутить. Простите меня.

Учитель улыбнулся.

— Молодец. Садитесь оба. Продолжим…

Альварес тяжело дышал, когда опускался на соседний стул. По его виску текла капля пота, оставляя влажный след.

— Ты за это ответишь, — услышала Грета его зловещий шепот.

— Завтра начинается Неделя Очищения, — снова заговорил Учитель. — Завтра мы все отправимся в путь, по стопам Бога, чтобы очиститься ото всех-превсех грехов. День за днем, в течение недели…

— Ты ответишь за Патчера… И за Ильзе… — продолжал Альварес клацать зубами в запоздалом страхе.

— …Вы будете очищаться страданием. Потому что все мы грешим, так или иначе. Пусть хотя бы в мыслях, например, когда желаем зла своим ближним… — теперь голос Учителя звучал ласково, как и всегда.

— Ведь это Монахи заманили их в яму?.. Я ненавижу вас всех… — злобный шепот Дона проникал прямо в мозг. Грету начинала захлестывать ярость. Только не сейчас…

— Заткнись, — прошипела она сквозь зубы.

— Я знаю, это сделали твои сраные друзья! — Альвареса

понесло. Его взгляд загорелся безумием. Долбаный псих…

— После школы… я разрежу тебя на куски… — с каменным лицом пообещала Грета.

Альварес издал непонятный звук, видимо, сдерживая собственную ярость. И замолчал. Грета смотрела в парту, на неприличное слово, нацарапанное поверх точно таких же бессмысленных слов и выражений. Патчер и Ильзе… Вот как их звали… Парня, сломавшего ей руку, звали иначе.

И почему всегда страдают невинные?

Марек подошел к ней сам, пока она собирала свой бэг. Учитель уже покинул класс, компания Бродяг ошивалась возле входа.

“Наверное, пасут за коридором”, - подумала Грета. Она, не подавая вида, что заметила лидера Бродяг, кидала левой рукой в свой рюкзак письменные принадлежности.

— Они сделали это из-за тебя, — негромко произнес Марек, и Грете пришлось посмотреть на него.

Лицо Марека выражало крайнюю усталость, пополам… с отчаяньем?

— Это уже война, — сказал он, прилагая видимые усилия, чтобы оставаться спокойным. — Но вы ведь хотели именно этого?

И, не дожидаясь ответа, повернулся и пошел к выходу.

— Что он тебе сказал? — шепотом осведомился Пол, тут же оказавшийся рядом.

— Объявил войну… — Грета закрыла бэг, подняла глаза на Пола. — Нам всем надо поговорить.

— Не здесь, — Пол, слегка задев ее локтем, отправился следом за Мареком. Грета вздохнула и накинула лямки рюкзака на левое плечо.

4

Новая куртка Бонги оказалась на редкость кричащей, но это его ничуть не смущало.

— В оптический прицел тебя можно разглядеть с десяти километров, — сказал ему Клайс, когда они шли по аллее в сторону Космического проспекта. — Ты специально ее надел?

— Просто тебе завидно, что у тебя нет такой куртки, — снисходительно объяснил ему Бонга. — А мне ее папа привез. Здесь таких курток не купишь. Видишь, что написано? “Дифле”! Понял?

- “Дифле”! — фыркнул Пол. — Бонга носит “Дифле”! Посмотрите на него!

— Давай, завидуй! — огрызнулся тот.

— Да хватит уже, — попросила Грета. — Надоело! Скажите лучше, что здесь происходит?

— А ты не знаешь? — тут же откликнулся Бонга, и Грета успела перехватить взгляд, которым наградил его Пол.

— Что случилось? — повторила она.

— Мы не хотели тебе говорить… — медленно произнес Пол. — Вернее, не так. Клайс просил тебе не говорить этого.

— Но ты все равно бы узнала, — добавил Клайс.

— Бонга, что случилось? — Грета удержала толстяка за ярко-желтый рукав. — Говори!

— Один из этих… Ну, которые попали в яму… Он сейчас в реанимации. И он никакой не Бродяга, а так просто…

— Он двоюродный братец Марека, — вздохнув, прибавил Пол. — Приехал на Святую Неделю…

Получается, что мы нарушили Правило.

— Собачье дерьмо! — вырвалось у Греты. Она отпустила рукав Бонги и обхватила себя руками, как если бы ей стало вдруг очень холодно.

— Однажды это должно было произойти, — пожал плечами Пол. — К этому все шло.

— Взрослым что-нибудь известно?

— Нет, конечно! На полигоне всякого говна… — Клайс пнул ногой пустую сигаретную пачку. — Могла оказаться и яма с кольями, а что здесь такого?

— Думаешь, все в порядке?

— Я подслушал разговор двух Бродяг, — признался неожиданно Бонга. — Они думают, что ихний шаман сделает нас всех одной левой. Они сказали, что никто из нас не видел его, и ему будет проще расправиться со всеми нами…

Пол засмеялся.

— Они так и сказали: “На фига нам заморачиваться, если у нас есть шаман”! — крикнул Бонга.

— Кто это сказал?

— Мартин и Эни, я все слышал собственными ушами!

— Эни? — переспросил Пол. — Мальчик-Девочка?

— Говорят, что Эни видели с накрашенными губами, — подключился Клайс. — На взрослой дискотеке, с каким-то мужиком…

— Что ты знаешь про шамана? — спросила Грета у Бонги, и тот буквально расцвел.

— Он не из нашей школы, живет где-то за Каналом, — быстро

затараторил он. — Бродяги подцепили его на Полигоне. Говорят, он отметелил сразу четверых… Потом они подружились. Еще он играет на гитаре, такой же волосатый, как и весь этот сброд… Слушает “Кодекс Эм”, это как пить дать.

Пол легко улыбнулся, услышав название запрещенной группы от осторожного Бонги. Однажды кассета с записью “Кодекса” попала к Грете, но Пол категорически отказался слушать “эту ересь”, и вовсе не из страха перед смертью. “Инквизиторы не слушают “Кодекс Эм”, - сказал он тогда.

— Вот что я знаю про шамана, — закончил Бонга.

— Говоришь, живет за Каналом? — переспросила Грета.

За Каналом находились трущобы, и считалось, что там живут одни отбросы.

— Заканальный шаман, — повторила Грета. Бонга захохотал.

— Эй, подождите! — послышался голос Лейз за спиной, и Клайс обернулся. Они остановились.

Длинноногая Лейз торопливо семенила по заснеженной аллее, и это не выглядело смешно или нелепо — двигалась она удивительно пластично.

— Твоя новая девушка? — равнодушно спросила Грета. Клайс неопределенно хмыкнул. Грета отметила, что его волосы вот-вот достигнут критической длины, после которой — прямая дорога в Бродяги.

— Тебе надо подстричься, — бросила она.

— И правда, — поддакнул Пол. — Скоро нас совсем перестанут уважать из-за таких, как Клайс.

— Клайс, я забыла отдать тебе конспект, — Лейз, лучась улыбкой, остановилась, не дойдя пары шагов. Клайс подошел к ней.

— Ты пойдешь на праздник? — спросила Лейз ОСОБЕННЫМ голосом. — Может, и я с вами?

Теперь она смотрела на Грету.

— Вряд ли, — сказала та с максимально холодными интонациями.

— А что ты наденешь? — не успокаивалась Лейз, и теперь Грета понимала, отчего она так бежала за ними. Лейз напрашивалась на неприятности. Грета поглядела на нее более внимательно. На лице Лейз светилась ТА САМАЯ улыбочка.

— Ты так и пойдешь в этих уродливых ботинках? Да, Грета?

Клайз уже убрал конспект. Лейз оказалась совсем рядом с ним, практически вплотную, и улыбалась она совершенно иначе.

— Встретимся завтра? — донеслось ее воркование. — Ты это хотел сказать?

Клайс что-то нерешительно промямлил. Лейз напоследок бросила на Грету уничтожающий взгляд и отправилась восвояси. Клайс какое-то время глупо таращился ей вслед, пока Грета не привлекла его внимание.

— Может, пойдем?

— Что, хочешь трахнуть Лейз? — заговорщицки подмигнул Бонга.

— Заткнись, — попросил Клайс.

— Хочешь залезть ей в трусы? — не унимался Бонга. — Пощупать ее киску? Примерить варежку?

Клайс попытался нанести ему удар кулаком, но Бонга ожидал чего-то подобного и с легкостью увернулся. Он выплясывал вокруг разъяренного Клайса, подпрыгивая, как разноцветный мячик.

— Дорогая, давай примерим твою варежку, — старательно кривлялся он. — Как насчет того, чтобы примерить…

Клайс не выдержал и погнался за ним. Бонга с хохотом понесся по аллее, проявляя скорость и ловкость, несопоставимую со своими размерами.

— Значит, Бродяги объявили войну, — задумчиво проговорил Пол.

— А шаман закрыл все дороги, ведущие на их сторону, — дополнила Грета. Эта мысль бесила ее, не давая покоя.

— Надо вычислить этого типа, — предложил Пол. — И проломить ему башку. Вот что я обо всем этом думаю. Война так война.

Клайс все же догнал Бонгу и теперь набивал ему за шиворот снег. Толстяк, не переставая хохотать, выкрикивал что-то про варежку.

— Война так война, — повторила Грета.

5

Густые весенние сумерки окутали паперть, и свечи за узенькими окошками Окраинного Храма горели вдвое уютнее, чем обычно. Грета стояла рядом с Клайсом, молча глядя на небо. Звезды были слишком высоко, или просто сумерки еще недостаточно окрепли. Клайс пошевелился, посмотрел на часы.

— Мы слишком рано пришли, — буркнула Грета. Клайс сунул руку обратно в карман и выдохнул облачко пара.

— Я начинаю замерзать.

— Расскажи мне то, что обещал, — попросила Грета.

Перед тем, как они пришли домой, Клайс обещал, что расскажет про Канал. Вернее, про то, что находится ЗА Каналом. И теперь это время настало.

— У меня мало информации, я был там всего один раз, — сказал он.

— У меня информации еще меньше, — тут же откликнулась Грета. — Я не была там ни разу!

— Как же я буду рассказывать, если ты меня перебиваешь?

— Хорошо, я буду молчать.

— Случилась какая-то авария в метро, — заговорил Клайс, — и часть воды из Канала ушла. Тогда затопило несколько станций, ты наверняка про это помнишь. Их просто закрыли, ремонтировать не стали. Говорят, что частично они затоплены, а частично — нет. Можно пройти всю ветку, если знаешь дорогу. Можно даже пробраться в Подземный Город, но в это я, если честно, не верю. Слишком похоже на приманку для идиотов. Еще там есть неработающий завод. Вот там я был.

— Ты не рассказывал…

— Я поклялся хранить секрет, а потом забыл рассказать, это было двести лет назад… Мы лазили туда с Хайноком, еще до того, как… Неважно. Этот завод — самое странное место, какое я когда- либо видел. Даже удивительнее, чем комбинат “Огоньки”. Представь себе такую железную громадину с вот такенной домной, с омуденными поршнями, которые чего-то там нагнетают, а вместо земли там сплошной бетон… И люки… Открытые люки, в несколько рядов. Грохнешься в такой — и баиньки. Не достать. Говорят, там раньше делали что-то вредное, для космоса. Что-то вроде графитовых стержней, похожую срань. Мы видели уцелевшие витражи, на них — ракеты, еще древние, первые. Жутко старый завод. Мы там нашли какие-то светящиеся круги, потом их первоклашкам на патроны поменяли… — Клайс улыбнулся воспоминаниям. — А рекламы в тех районах практически нет, и вообще, света мало. Темно, и грязи по колено. И ничего хорошего и прекрасного, а такое впечатление, что все время длится вечная ночь.

— Может, там — изнанка мира? — предположила Грета. — Темная сторона?

— Может быть… Ты погляди, Бонга помирился с Алдыбеем!

Это была правда. Бонга и Алдыбей приближались, яростно споря о чем-то важном. Грета услышала высокий голос Алдыбея: “А вот и выйдет!”, и издевательский смешок Бонги.

Они почти подошли, так что стало слышно, о чем идет речь.

— Да у меня целый килограмм этого добра! — размахивал руками Алдыбей. — Там не то, что дверь, там всю стену

разворотит!

Грета поняла, в чем дело. Это был старый проект Алдыбея, он давно уже собирался вскрыть заброшенный бункер при помощи взрыва.

— Надо посоветоваться с Полом, вот что, — подвел черту Бонга. — Привет! А где Пол?

— Чего так поздно? — спросил Клайс, переминаясь с ноги на ногу.

— Надо было теплее одеваться, — когда Бонга что-либо советовал, в его голосе появлялись покровительственные интонации. — И почему ты не скажешь родителям, чтобы они купили тебе новую куртку?

— Такую же, как у тебя? — презрительно прищурился Клайс.

— Такую же они тебе не купят. Такие здесь не продаются. — Бонга выдул розовый пузырь жевательной резинки.

— Откуда у тебя взрывчатка? — поинтересовалась Грета, подходя к Алдыбею.

— Откуда надо, — буркнул тот. — Но иначе нам его не вскрыть. Понимаешь, да?

— Ты действительно веришь, что там полно автоматов?

— Думай, что хочешь! — разозлился Алдыбей. — Девчонке этого не понять!

— Подожди же, — нахмурилась Грета. — Послезавтра мне снимут гипс, я тебе многое припомню!

Алдыбей захохотал.

— Хочешь, я дам тебе поносить мою старую куртку? — предложил Бонга Клайсу. — Там только рукав чуть-чуть порвался, скажешь маме, она тебе зашьет…

Клайс задумчиво поглядел на него, прикидывая, куда ударить.

— Хотя… Она, наверное, тебе велика, — быстро исправился Бонга. — О, наконец-то Пол!..

Пол вынырнул из сумерек, именно с той стороны, откуда его ждали меньше всего.

— Ну что, идем? — быстро спросил он. За спиной Пола обрисовались широкие очертания второгодника Лорди, которому была прямая дорога в космические войска уже сейчас. Акселерат Лорди всегда сопровождал Пола, если речь шла о чем-нибудь важном.

— Ты уже решил, откуда мы будем смотреть? — поинтересовался Клайс.

— Думаю, что с крыши, — ответил Пол. — На площади будет давка.

— Точно! С крыши! — поддержал его Бонга. — Я как раз взял

бутерброды…

— Тогда пошли, — сказала Грета. — А то праздник скоро начнется.

Чтобы попасть на Площадь Милосердия, им предстояло проехать в метро целых шестнадцать станций. В час пик это было довольно сложно из-за обычной давки, а сегодня, накануне обещанного супер-шоу, по направлению к подземной станции валила толпа. На Окраине люди одевались преимущественно в серые, жизнезащитные тона, и оттого Грете казалось, что ее подхватил поток протоплазмы. Она привычно лавировала между монохромными спинами, стараясь сохранить набранную скорость, но возле входа в метро поневоле пришлось замедлить шаг. Около стеклянных дверей толкались люди, несколько копов поблескивали закрытыми щитками своих шлемов, пытаясь хоть как-то регулировать напор человеческих тел. Все вместе напоминало выдавливание фарша из мясорубки, но в обратном временном потоке. Грета покорно позволила стиснуть себя со всех сторон.

— Если что, встречаемся на Милосердия у экскалатора, — предупредил Пол из-за плеча здоровенного дядьки. — Вам ясно?

— Да! — услышала Грета голоса Бонги и Алдыбея. Клайс двигался чуть сзади, уцепившись за ее куртку, чтобы не отстать. Через несколько томительных минут, на протяжении которых давление постоянно нарастало, Грету внесло сначала в вестибюль, потом она кое-как продралась через турникет и, когда шагнула на ступени экскалатора, пот лил с нее градом. Клайс догнал ее примерно на середине лестницы.

— Где они? — спросила Грета. — Ну и давка! Я думала, у меня кишки наружу вылезут!

— Как твой гипс?

— Порядок…

— Думаю, мы все равно не найдем их в такой толпе…

По стене вдоль экскалатора двигались буквы рекламного слогана, и на лице Клайса дрожали сполохи света.

“Если спросить его про Лейз в открытую, он скажет, что это не мое дело”, - подумала Грета. — “И будет прав”.

— Здесь многое изменилось, пока меня не было, — сказала она. Но тут лестница закончилась, и Клайс не успел ничего ответить.

В вагоне их буквально вдавило друг в друга. Теперь Клайс мог обнимать ее совершенно открыто, потому что не было другого выхода — люди стискивали их со всех сторон. Грета

закрыла глаза, прижимаясь щекой к его груди, и все, что происходило вокруг, превратилось в ночное море. Вагон набирал скорость, гул голосов становился шумом ветра, и Грета покрепче вцепилась в Клайса, чтобы не унесло волной.

Юнит прибился к ним на “Площади Милосердия”, стоило выйти из метро. Каким-то образом он засек их и зашагал рядом, как ни в чем не бывало. Пол даже не нашелся, что на это сказать.

— Ну, только заори мне среди ночи, — предупредил он Юнита, когда они заходили в подъезд расселенного дома, древней пятиэтажки с покатой крышей и каменными львами у подъезда. — Только обоссысь!

— Сам смотри не обоссысь! — отозвался Юнит.

На лестнице воняло именно тем, о чем они говорили. Наверняка взрослые ходили сюда отливать. Грета брезгливо зажала нос. Пол достал фонарик и посветил на испачканные ступени.

— Будет чудом, если на крыше никого нет, — заметил он.

На крыше никого не было. Они вылезли через чердачное окошко, и Грета увидела посреди крыши круглую каменную беседку, а прямо перед глазами оказался огромный плоский экран.

Один из трех, обрамлявших Площадь Милосердия.

— Опа-на! — вырвалось у Бонги. — Супер-пупер-класс!

Беседка была свободна.

— Надо заложить окно, — предложил Пол. — Вон той крышкой!

— Ты все предусмотрел, — с одобрением заметил Клайс.

Пол приосанился. Грета засмеялась. Будущий космодесантник Лорди с легкостью завалил круглое окошко подходящим по размерам ставнем, подпер доской.

И они цепочкой направились к беседке, балансируя на гребне ската.

Юнит тут же забрался на кирпичный парапет беседки, свесил ноги в пустоту. Из кармана штормовки, чуть меньшей по размеру, чем куртка Пола, он извлек пачку сигарет и принялся в ней ковыряться. Тонкие детские пальцы, торчащие из широкого рукава, шевелились, выбирая сигарету с “правильным” номером.

— Ты много куришь, — недовольно буркнул Пол, буравя взглядом щуплую детскую спину.

— А мне похуй! — отозвался Юнит.

— Как ты сказал? — переспросил Пол.

Юнит сплюнул и повторил более отчетливо:

— Мне похуй!

— Оставь его, — попросила Грета. — Мы в его возрасте ругались точно так же. Это пройдет.

Юнит передернул плечами, давая понять, что он думает о мнении Греты. Клайс мягко улыбнулся.

— Ты слишком строго с ним обращаешься, — сказала Грета. Пол оскалился в издевательской улыбке.

— Да-а?

Юнит глубоко затянулся и выдохнул дым через ноздри.

По экрану на крыше соседнего дома пробежали сполохи красного.

— Начинается! — крикнул Бонга. — Ура!

Стрелы фанфар вспороли небо. Грета подняла голову, наконец-то увидела звезды.

— Добрый вечер! — прогремело со сцены, немного невнятно. — Добрый вечер всем нам!

— Это Клоун-в-марле! — крикнул Юнит, подпрыгивая на заднице. — Вот отстой!

— Я — ведущий этого супер-шоу, Клейн Марлет, — донеслось снизу, словно в подтверждение его слов. — А это — моя прекрасная помощница, звезда телеэкрана по имени…

— Дайши Сун… — эхом прокатилось по площади.

Снова взревели фанфары.

— Дешевая Сука! — хором прокричали Юнит, Клайс и Алдыбей. Все рассмеялись, Юнит — громче всех. Он болтал ногами над пропастью и выдыхал дымные колечки. Грета принюхалась. Это был действительно табак.

— У тебя какие? — спросил у Юнита Лорди.

- “Космические”, - отозвался тот.

— Дашь стрельнуть?

— Да запросто!

— Дайши-и-сун!.. — в одно слово протянул Клоун-в-марле.

И Дешевая Сука запела своим кукольным голосом:

Когда Господь
Зовет нас с неба,
Мы открываем наше сердце.
В моей душе
Течет река
Из милосердия и веры…

Бонга и Алдыбей, кривляясь, подпевали. Толстый Бонга,

похожий на яркий воздушный шарик, раскачивался из стороны в сторону, с каменным лицом повторяя за певицей всю ту чушь, которую она несла, и только в его круглых глазах плясали веселые искры. Алдыбей, маленький и верткий, размахивал руками и ногами, но делал это настолько смешно, что у Греты заболел от смеха живот.

Когда Господь
Задаст вопрос мне,
Где я была, чем я жила…

— С кем я спала… — старательно выводили Бонга и Алдыбей, — Ему скажу я: “Дешевой Сукой я была”, ла-ла-ла!

Клайс и Пол взвыли на два голоса, волчий вой улетел в искрящееся пространство рекламного неба.

— Спасибо, Дайши-и-сун!.. — заорал в микрофон Клоун-в-марле. — Спасибо, девочки!.. Дорогие мои друзья!..

Все смолкло. Грета поглядела на экран. Дешевая Сука старательно скалилась рядом с Клоуном, в ней было что-то от Лейз, такое же кукольное и дешевое. Девочки из “Звездного балета” уже уходили, покачивая упругими попками, их место занимали клирики в черных рясах. Одного из них показали крупным планом, и целую секунду Грета глядела в безжизненно-мрачные глаза инквизитора. Потом снова показали Дешевую Суку.

— Сегодняшний вечер — это не просто праздник, — продолжал Клоун, скорчив благое лицо. — Мы все собрались здесь во имя Иесуса! Этот вечер открывает Неделю Очищения, этот вечер призван напомнить всем нам, как Он страдал за наши грехи!.. Господь страдал за наши грехи, а мы будем страдать просто так, ради собственного удовольствия!

Барабанная дробь упала тяжелыми брызгами. Грета вздрогнула. Прожектора заметались по площади, потом все вместе уткнулись в белый крест, засиявший в их мертвенном свете над кучей хвороста.

Праздник начался.

Клирики шагнули вперед, выстраиваясь цепью. Дешевая Сука и Клоун куда-то исчезли. Что-то происходило там, внизу.

— Надо подползти и посмотреть, — сказала Грета, в основном — для Пола и Клайса.

— Тебе плохо видно? — тут же откликнулся Бонга, кивком головы указывая на экран. Он уже разворачивал свои бутерброды.

— Стоило тащиться на крышу, чтобы посмотреть визор! — бросила Грета. — Я собираюсь спуститься вон до той трубы! Нас оттуда будет не видно… А нам…

Пол и Клайс посмотрели друг на друга, потом — снова на нее.

— Мой брат — епнутый, — высоким чистым голосом проговорил Юнит со своего парапета.

Грета поглядела на трубу. “Спуститься вон до той трубы” звучало слишком просто. Она села на железный лист кровли, ощутив ладонями его ржавую поверхность. Можно испачкать себе всю задницу… Крыша спускается под опасным углом. Промахнешься мимо трубы — и до свидания…

Пол присел на корточки рядом с ней.

— Оттуда точно все видно?

— Думаю, да… — Грета поглубже вздохнула и поползла, цепляясь руками и упираясь в скат ногами.

Она тут же заскользила, как по ледяному склону, и, не успев испугаться, врезалась прямо в кирпичную трубу. Перевела дыхание. Тут же рядом оказался Пол, легко съехав на заднице. Потом присоединился Клайс. Больше места не было ни для кого.

— Детки смотрят визор, — фыркнул Пол. — Надо доползти до края крыши и свесить голову вниз, иначе мы увидим то же, что и они… — небрежный кивок в сторону беседки. — Ну все, первый пошел!

Встав на колени, Пол осторожно начал выпрямлять свое тело, пока не улегся животом на крышу.

Он аккуратно прополз несколько необходимых ему сантиметров, и его руки дотянулись до железных столбиков ограждения. Грета вздохнула. Посмотрела на свою относительно чистую куртку. Да, это было необходимо.

Они лежали рядком, свесив головы вниз. У Греты захватывало дух от открывшейся картины — огромная площадь была заполнена людьми до отказа. Три гигантских экрана показывали то, что происходило на сцене. Шеренга клириков молилась, беззвучно шевеля губами, а за их спинами высилась куча дров с торчащим из нее крестом.

— Аминь, — произнес в микрофон один из инквизиторов.

И стало очень тихо.

— Как звали эту женщину? — спросила Грета, повернув лицо к Полу. — Твой отец правда знал ее?

Лежать было не особенно удобно, но она уже освоилась. В общем-то, ничего страшного, главное — не шевелиться. И не думать о том, как отсюда вылезать.

— У техов не бывает имен, — ответил Пол, глядя перед собой, и Грета вспомнила, что он говорил это и раньше.

— Со школьной скамьи, — негромко проговорил инквизитор, — все мы знаем про пять смертных грехов…

— Все, кроме Дона Альвареса, — прошептал Пол. Грета улыбнулась.

— И эти грехи, — возвысил голос инквизитор, — называются так: Убийство, Воровство, Колдовство,

Измена и Ложь! Все эти грехи караются смертью. Женщина, которая умрет здесь сегодня, совершила один из этих грехов.

— Какой? — спросила Грета у Пола. Тот промолчал, сосредоточенно глядя на площадь.

— У этой женщины нет больше имени, нет биографии, нет будущего. Ее имя предано забвению. Ее родственники никогда не придут на ее могилу, потому что у нее не будет могилы…

— И родственников тоже, — усмехнулся Клайс.

— Ее выбрали, чтобы публично умертвить, именно из-за тяжести того, что она совершила…Приведите преступницу!

Снова барабанная дробь. Грета почувствовала, как напряглось плечо Клайса, лежащего справа.

Лицо женщины-теха скрывала черная накидка. Руки были сковаты тяжелыми цепями, что соответствовало концепции супер-шоу. Она медленно шла по проходу, вдоль линии щитов из нанопласта, а на копов, держащих эти щиты, напирала толпа, желавшая плюнуть в жертву, либо кинуть в нее испорченной едой.

Она, не торопясь, поднялась на свой эшафот и остановилась, дойдя до места казни. Теперь все прожектора сошлись на ее фигуре, окутывая дополнительной вуалью нестерпимого света.

Двое клириков, встав справа и слева, подвели ее к кресту, сняли цепи и зафиксировали ее руки в специальных зажимах. Потом они отошли, занимая свои места в неподвижной шеренге черных ряс.

Еще четверо, по-военному четко развернувшись, подошли к эшафоту. В их руках были странные черные дубинки, вспыхнувшие синим огнем, когда клирики протянули из к вязанкам сухого хвороста.

— Электрофакелы, — прокомментировал их действия Пол. — На рукоятке два контакта, нажимаешь кнопку — появляется огонь. Вот и все Божье чудо.

Хворост был явно пропитан каким-то составом. Он вспыхнул огненным шквалом, сразу же скрыв фигуру жертвы. А потом над замершей толпой повис ее нечеловеческий крик.

— Все согрешившие против заповедей Божиих отправляются в Ад, — назидательно проговорил инквизитор. Все экраны теперь показывали его лицо, залитое отблесками огня, и пока он говорил, этот крик все длился и длился. — Все согрешившие против Бога обречены на вечные муки. Или Бог недостаточно страдал, чтобы вы могли нарушать Его волю?!. Или Его слово больше ничего не значит для вас?..

По огненному кресту за его спиной прокатилась последняя волна дрожи, и пламя успокоилось.

Обвисшее тело горело ровно, без выкручивающих душу рывков. Пол тихо выругался. Грета посмотрела на Клайса. В его темных глазах дрожали блики угасающего костра. Люди на площади начинали опускаться на колени.

— Никто не рождается чистым, — тихо сказал инквизитор. — Чистыми мы делаем себя сами. И эта неделя — последний шанс для многих из вас избежать адских мучений, последний шанс на добродетельную и спокойную жизнь. Последний шанс однажды проснуться на небесах, возле ног нашего ГОСПОДА!

Мощные аккорды церковного гимна вырвались из динамиков, спрятанных по углам эшафота.

Прожектора взметнулись ввысь, привлекая внимание к голографической проэкции звездного крейсера. Засветилась неоновая надпись “Во имя Иесуса”, а потом в небе расцвели хризантемы фейерверка. Грета упустила момент, когда эшафот опять превратился в сцену. Сгоревшее тело исчезло вместе с крестом и золой, оставшейся от хвороста. Начинался концерт. Дети, наряженные ангелочками, высыпали на площадь, разнося просвирки. В воздухе кружились бумажные лепестки, напоминая снег. Грета почувствовала холод. Ее мышцы затекли, она устала лежать вниз головой, а все интересное уже закончилось. На сцену снова вышли Клоун-в-марле и Дешевая Сука.

— Поползли отсюда, — сказала Грета.

— Ты первая, — отозвался Пол.

Клайс все еще смотрел на площадь, и в его глазах застывала ненависть.

ПОНЕДЕЛЬНИК

1

Колокола в дебрях предрассветного сна зазвонили особенно уныло, а потом Грета услышала шорох дождя. Колокола спорили с дождем, они вплетались друг в друга, создавая кружево сонного морока, но Грета знала, что очень скоро должен прозвенеть будильник, и это мешало окончательно уснуть. В комнате было сыро. Скорее всего, снега Полигона превратились в грязь, за окном начинался осенне-весенний день, полный моросящего дождя. Понедельник, в который следует прощать и просить прощения. Колокола скорбили о нераскаявшихся грешниках, и Грета почувствовала, что еще немного — и она вспомнит вчерашний праздник на Площади Милосердия.

Она открыла глаза и увидела, что сумерки еще только начинают рассеиваться. Спать уже не хотелось. Наверное, сегодня будет туман, с удовольствием подумала Грета, осторожно вставая. Она подошла к окну и приподняла пластиковый ставень, который тут же с треском уехал вверх. Ей открылся новый, забытый за зиму мир. Полигон больше не был белым. Ночь дождя уничтожила погребальный саван, обнажая совершенно мертвую землю.

“А может, зима еще только должна начаться”, - думала Грета, кутаясь в одеяло, — “Может, сейчас — поздняя осень. Вечером дождь утихнет, а ночью выпадет первый снег. Самые последние листья недавно упали, и ветви деревьев — серые и мокрые. А сразу за березовой рощицей тянутся парсеки Полигона, однообразные, заполненные жидкой грязью, и в каждой воронке отражается светлеющее небо. Весны никогда не будет. Солнце никогда не выйдет. Зима будет длиться вечно. И это правильно, потому что никто из ныне живущих не достоин солнечного света. Замерзшие танки, обугленные мишени и раскисшая земля захватили мир, а космические корабли, наверное, летят захватывать следующий, и скоро везде будет одно и тоже, за каждым без исключения окном…”

— Мир после Второго Пришествия… — проговорила она чуть слышно. И посмотрела на распятие.

Монстроборец Иесус терпеливо ждал.

Они так и не сняли Его с креста…

Постепенно дом просыпался. У соседей справа запиликал

будильник, наверху кто-то передвинул стул. Скоро каникулы, напомнила себе Грета, но не ощутила никакой радости. Надо было одеваться и идти в ванную, пока ее не занял Клайс.

Она решительно швырнула на кровать одежду, в которой обычно посещала школу — длинное платье простого покроя из темно-серой шерсти, похожее на рясу. Потом, на счет “три”, сбросила одеяло, и, дрожа от холода, надела платье поверх футболки с космическим крейсером.

И вышла в коридор.

С кухни тянуло запахом подгоревшей фасоли и было слышно, как по радио говорят про “Архангел”, стартовавший вчера, в десять вечера, с Центрального космодрома. Грета стала думать про “Архангел”, пытаясь представить себе этот старт, и неожиданно столкнулась с Клайсом возле дверей ванной.

— Слышала, да? — тут же спросил Клайс, блестя глазами. Он загораживал ей дорогу. Грета отпихнула его в сторону, кинулась к раковине, и в треснутом зеркале отразилось ее довольное лицо. Она показала Клайсу язык, взяла зубную щетку. Клайс прислонился плечом к косяку и говорил, глядя в глаза ее отражения:

— Двадцать тысяч миссионеров! Представляешь? Наверное, он больше “Серафима” раз в двадцать!

— М-м? — Грета, пуская белые пузыри, насмешливо приподняла бровь.

— Ну, в десять, — покладисто согласился Клайс. — Но все равно! Такая громадина… Только странно это… — он подошел к ней, встал за спиной. — Это уже сорок четвертый крейсер за последние два года. Мы с Полом недавно заинтересовались, сколько человек вообще улетело в космос.

— И сколько же? — поинтересовалась Грета, сплевывая пену.

— Тысяч семьдесят! А с “Архангелом” — и все девяносто!..

— Клайс!.. — донеслось со стороны кухни. Клайс подмигнул и вышел.

Девяносто тысяч человек. Грета почувствовала, как по спине пробегает дрожь. Передернула плечами. Но на самом деле, наверное, больше. Просто про какие-то старты не сообщают. Например, про старты десантных кораблей, навроде того же “Серафима”. Или “Лотгалии”… Интересно, как выглядят инопланетяне?..

— Иди есть, — сказал ей Клайс, снова появляясь в дверном проеме, и Грета плеснула на него водой.

По дороге в школу Клайс рассказывал ей про “Деву Марию”, инквизиторский крейсер, напичканный настолько секретным

оружием, что его строили на полигоне посреди пустыни. Отец Пола, присутствующий при старте, рассказывал про мутировавших ящериц и стратосферные разряды, но про саму “Деву” не сказал ни слова. Пол сделал из этого выводы и поделился ими с Клайсом. Пол считал, что “Дева Мария” — это начало Космического Крестового Похода против ереси и зла, про который им говорили еще в первом классе.

Возле самой школы они остановились, наблюдая безобразную сцену: Юнит уже не мог реветь, но все равно выдавливал из себя истеричные всхлипы. Рядом с ним стояла его мать, с легкой улыбкой наблюдая за гримасами сына.

— Хватит реветь, — сказала она довольно строго. — Сколько можно реветь? Весь перемазался…

— Ну пожалуйста-а!.. — затянул Юнит с новыми силами. Он заметил Грету и Клайса, и злобно поглядел на свидетелей своего унижения. Грета помахала ему рукой.

— Вот, полюбуйтесь на этого героя, — женщина указала рукой на Юнита. — Спасал собаку!

— А что, если собака, то не надо спасать, что ли? — буркнул тот, вытирая рукавом несуществующие сопли. Женщина тяжело вздохнула.

— Ладно, иди уже. Оставлю я твоего урода…

Юнит медленно поднял на нее взгляд. Его глаза были такими же, как у Пола, светлыми и холодными. И очень честными.

— Правда? — спросил он с дрожью в голосе.

— Иди, — засмеялась женщина, потрепав его по голове.

— Чесслово?..

— Честное слово. Но мыть собаку ты будешь сам. И если она меня цапнет…

Юнит открыл было рот, но она не стала его слушать.

— Быстро в школу! — и зашагала по направлению к автостоянке. Грета даже отсюда видела крышу их красного микроавтобуса, блестящую от дождя. “Микробуса”, как назвывал его Пол.

Юнит какое-то время смотрел ей вслед, и выражение его лица постепенно менялось на более привычное.

— Ты спас собаку? — спросил его Клайс.

— Ага, — серьезно кивнул Юнит.

— Какой хоть породы?

— Никакой! — Юнит шмыгнул носом в последний раз, и, убедившись, что мама ушла, вытащил пачку сигарет.

— Ты будешь курить возле школы? — удивилась Грета.

— А мне похуй! — Юнит дерзко улыбнулся и щелчком выбил сигарету.

— И как теперь зовут собаку? — не отставал Клайс.

— Пол еще не придумал, как!

— Ладно, давай… Нам пора… — Клайс потянул Грету за рукав.

— Валите… — царственным жестом, почти как у Пола, Юнит отпустил их. — На урок не опоздайте, отличники!

И презрительно сплюнул через дырку между зубами.

2

Пол одиноко стоял возле окна с голограммой водопада и задумчиво разглядывал Бродяг, ожидавших, пока учитель откроет дверь и впустит их в класс. Увидев Грету и Клайса, он слегка расслабил плечи и криво усмехнулся. Атмосфера вокруг изменилась. Бродяги, обсуждавшие Пола на все лады, замолчали, а потом и вовсе убрались подальше. Грета поискала взглядом Марека, но его пока нигде не было.

— Привет! — Пол поздоровался с ней за гипс, потом пожал запястье Клайса.

— Как дела? — прищурился Клайс.

— Мой долбанный братец притащил в дом здоровенную вонючую псину, полную блох, и, скорее всего, бешеную, а ты спрашиваешь, как у меня дела? — не зная Пола, можно было запросто решить, что это действительно его беспокоит.

— Мы видели Юнита около школы, — заметила Грета.

— Он невыносим. — Пол всем своим видом давал понять, насколько он устал быть братом этого ничтожества. — В моей семье растет Бродяга… С ума сойти! Я ему говорю: “Ты бы еще волосы отрастил и на гитаре начал бренчать”!.. Что смеешься? — бросил он Грете. — Твой брат ничуть не лучше!

Клайс возмущенно округлил глаза, и Грета захохотала.

— Посмотрите, не Астронавт ли это? — Клайс кивнул в сторону лестницы. И действительно, это был Астронавт. Прыщавый и сутулый, он неторопливо приближался, размышляя, как бы ему половчее обойти Пола, который уже шел ему навстречу.

— Тебя вызывают к директору! — деловито сообщил Пол, заступая ему дорогу.

— Ме-меня? — переспросил Астронавт, по привычке втягивая голову в плечи.

— Ме-ме-ме, ме-ме-ме, повредился я в уме! — мерзким голосом протянул Пол. Грета и Клайс прыснули.

— Те-бя-бя, — проблеял Пол.

Клайс согнулся, держась за живот.

— Астронавт, ты отращиваешь волосы, да? — поинтересовалась Грета. — Метишь в Бродяги?

— Хочешь, мы подстрижем тебя… в Монахи? — тут же предложил Клайс.

— Те-бя-бя! — неожиданно взлаял Пол, и Грета задохнулась от смеха.

Бонга и Алдыбей нарисовались рядом, встали за спиной Астронавта, вопросительно поглядывая на Пола. Тот небрежно взмахнул рукой, давая понять, чтобы они не лезли.

— Расскажи Грете тот стишок, Астронавт, — попросил он совершенно серьезно. — Ну, помнишь, ты нам рассказывал… Ты еще сам его сочинил!

Клайс не выдержал, всхлипнул, закрывая лицо и отворачиваясь. Его колотило от беззвучного смеха.

— Тот стишок, Астра… — голос Пола предательски дрогнул. Только неимоверная сила воли, помноженная на способности теха, позволяла ему сдерживать волну безудержного хохота, рвущуюся из груди.

— Пожалуйста, — улыбнулась Грета. И неожиданно стала похожа на симпатичную пустоголовую куколку. Астронавт оцепенел.

— Читай стихи, — гнусаво подсказал ему Пол, нагибаясь к прикрытому отросшими прядями уху.

— Д-даже в самых…

— Громче!

Д-даже в самых ст-трашных снах
С-солнца луч рассеет с-страх…

— Т-то Госп-подь г… г… глядит с небес с ул-лыбкой на г-губах… — заговорил Астронавт, пытаясь справиться с заиканием, и от того заикаясь еще сильнее. А Пол, оказавшись у него за спиной, подпевал тоненьким голосом, старательно выводя каждую ноту:

Белый свет прогонит тьму,
Я колени преклоню,
Я открою сердце Иесусу одному…
Иесусу одному!

— Только, Астра, как же это получается? Как же так? — Пол снова обошел Астронавта и встал перед ним, требовательно глядя в лицо. — Как же это, Астра? Господь… — тут он понизил голос до зловещего шепота. — Господь не может взирать на тебя с улыбкой. У Господа нет улыбки. Ты — ересиарх, как выражается Учитель… А хочешь, мы все… Сейчас… Пойдем… — Пол отобразил, как они пойдут, обойдя на цыпочках вокруг Астронавта, — Нас-с-стучим д-директору шшшколы, как ты тут распеваешь… В общественном месте… В рекреации государственного заведения…

— Достаточно! — раздался голос Марека, и Пол замолчал.

Когда Марек волновался, он говорил с легким акцентом, растягивая гласные. Грета обернулась и увидела, что позади, возле голографического окна, уже стоят семеро волосатых. Астронавт судорожно вздохнул. Он никак не ожидал подмоги, а тем более — такой.

— Что, Пол, ты сегодня без Лорди? — из общей массы Бродяг выдвинулся Красавчик Эни, в своей обычной белой рубашке с кружевными манжетами. Грета широко улыбнулась ему, одновременно смыкая пальцы на рукояти металлического креста в глубине кармана.

— Привет, Эни, — поздоровалась она. — Хочешь губную помаду?

— Да вы же пришли защитить Астронавта! — удивленно вскинул брови Пол. — А как же Правило? Или вы решили принять его в свою банду?..

Клайс и Грета взвыли на два голоса, и неожиданно рядом обнаружились Бонга, Алдыбей и Крэш, с успехом заменяющий Лорди в спорных вопросах. Но все равно Бродяг было больше.

— Вы первые нарушили Правило, — Марек заметно побледнел. Он шагнул вперед, и Эни остановил его, придержав за рукав.

— Мой брат, который сейчас в реанимации по вашей вине… Он не Бродяга, он не связан Правилом… — Марек был в бешенстве, его колотила дрожь. — Он вправе донести на всех вас… Ваше счастье, что я отговорил его это делать… И я запрещаю вам издеваться над Астронавтом и такими, как он!.. Я имею на это право!..

Лидер Бродяг мог сорваться в любой момент прямо здесь, в школе, и Пол, видя это, сказал уже примиряюще:

— Может, обсудим все это на Полигоне? Например, сегодня после уроков?

— Только, чур, берите Астру, он теперь ваш! — кривляясь, прибавил Алдыбей, и Бонга с Лорди издевательски захихикали.

Астронавт сделался пунцовым. Эни что-то тихо говорил Мареку, но тот, не слушая, сверлил Пола ненавидящим взглядом. Эни настойчиво тряс его за плечо, стараясь привлечь внимание, но это не помогало.

— А почему не сейчас? — спросил Марек в упор.

— Че-го-го? — переспросил Пол.

Монахи снова захохотали…

— Почему не сейчас? — повторил Марек, стряхивая руку Эни и делая шаг вперед. Теперь он стоял напротив Пола, лицом к лицу.

— Сейча-ас? — протянул Пол.

Монахи перестали ржать и подобрались. Грета вопросительно взглянула на Клайса. Тот пожал плечами. Ну не будут же они драться здесь, в коридоре…

— Сейчас! — объявил Марек.

И ударил Пола в лицо.

Тут же они сцепились и покатились по ковру. Клайс вскинул руки в стороны, запрещая своим вмешиваться, и Грета увидела, что Красавчик Эни поступил так же. Клайс и Эни обменялись красноречивыми взглядами. Грета посмотрела на ковер, превратившийся в борцовскую площадку.

Пол с окровавленным лицом, сидя на Мареке сверху, лупил его головой об пол, схватив за волосы двумя руками. Марек брыкался, пытаясь скинуть противника, но оба молчали, и это было самым страшным. А потом она увидела кассету, выпавшую из кармана Марека, и почувствовала, как останавливается сердце. Она узнала обложку. “Псалом 666”, самый известный альбом запрещенной группы “Кодекс Эм”, запросто лежал на полу школьной рекреации. Эта группа была предана анафеме, но их так и не схватили, чтобы публично сжечь. Зато Святая Инквизиция с удовольствием сжигала тех, кто слушал их песни, Грета помнила три таких процесса. Она поглядела на Эни. Тот перехватил ее полный ужаса взгляд, и секундой позже изменился в лице сам — он тоже увидел кассету. Он ТОЖЕ знал, что это такое. Время остановилось. В конце коридора послышался вопль “Прекратить!”, и появилась Белоснежка, семенящая на высоких каблуках. Эни бросился оттаскивать Марека, упал на колено, заслонив кассету своим телом, а в следующий момент, когда он вскочил, “Псалом 666” уже исчез. Грета вздохнула и закрыла

глаза.

Дерущихся растащили. Марек с белыми от бешенства глазами пытался вырваться, и Эни пришлось успокоить его молниеносным ударом. Грета просто обалдела от неожиданности — она никогда не воспринимала Красавчика как бойца. Разумеется, было поздно. Белоснежка все видела. Теперь предстояло длительное выяснение отношений.

Всех присутствующих при драке, и даже тех, кто успел отойти, собрали в приемной директора. Чтобы пресечь разговоры, с ними осталась директорская секретарша. Она сидела на стуле посреди комнаты. Справа от нее находились Бродяги, слева — Монахи, все одинаково мрачные. Грета протянула Полу чей-то носовой платок, но секретарша закричала на нее, и больше Грета не пыталась ничего делать, просто сидела и ждала, что будет дальше.

Потом появился директор, и за его спиной — Белоснежка. Следом за ними вошел мужчина с постным лицом, в строгом черном костюме, и Грета тут же его узнала. Этот человек появлялся в школе всего несколько раз, но гул детских голосов почему-то всегда затихал при его приближении. Они пересекли приемную и остановились возле двери, ведущей в директорский кабинет.

— Марек, Пол… — сказала Белоснежка. — Пройдите в кабинет.

На ее красивом лице появилось выражение хищной рыбы. Пол и Марек переглянулись и одновременно шагнули сквозь открывшийся перед ними в стене портал, за которым светилось еще одно ложное окно и был виден краешек директорского стола.

Белоснежка, Директор и мужчина в черном зашли следом за ними. Дверь закрылась, становясь частью обшивки зеленой пластиковой стены.

— Не разговаривать! — предупредила детей секретарша и склонилась над своей консолью.

Она что-то быстро печатала десятью пальцами.

Грета посмотрела на Клайса. Тот слегка шевельнул бровью. “Ерунда”… Интересно, он видел кассету?

Бонга с бледным вытаращенным лицом теребил себя за ремешок модной курточки, и вид у него был совершенно несчастным. Алдыбей сидел у стены, сложив руки на коленях, он стал даже меньше, чем был.

“Вот бы сейчас исчезнуть”, - подумала Грета.

Красавчик Эни сверлил ее ненавидящим взором прекрасных глаз, и точно с таким выражением смотрели на нее остальные

Бродяги, даже прыщавый Астронавт, главный виновник всего произошедшего.

Грета язвительно улыбнулась ему.

“Подожди же…”

Астронавт, осмелев, выдержал взгляд, гордо вскинув подбородок. Всем своим видом он давал понять, что издевательства закончились раз и навсегда.

Клайс коснулся ее плечом, и все остальное время она просидела, закрыв глаза. Страха не было, а было лишь изматывающее ожидание чего-то непонятного и страшного, как на самом первом Тесте, когда весь класс точно так же сидел и ждал в приемной медкабинета. А потом им дали с ложечки немного сиропа, и всех по очереди посадили в странное кресло, и задавали всякие глупые вопросы, и было даже немного смешно… А после, как в страшной сказке, началась эпидемия, и многие умерли. Грета не умерла, но начала видеть странные вещи. И Пол — тоже, и Клайс, и еще пара человек из класса… Но про это она старалась не вспоминать ни под каким предлогом.

Дверь в стене снова открылась, и Белоснежка с каменным лицом назвала фамилию Красавчика Эни. Тот, кивнув своим, встал, с великосветской небрежностью расправил кружева своей рубашки и отправился туда, в сияние голографического моря.

“Будут вызывать по одному”, - догадалась Грета. — “Странно… Что же происходит? Когда Лорди выбил камнем окно, ничего подобного не было…”

Минут через десять в кабинет к директору позвали Клайса, затем — Дона Альвареса, затем — Бонгу, Алдыбея и Бродягу Готтлиба, неряшливого и лохматого, но зато в кожаных клешах и ботинках с армейского склада, в каких обычно ходят космодесантники. Потом снова показалась Белоснежка и пристально уставилась на Грету.

Грета встала. Подмигнула Астронавту и вошла в кабинет.

За голографическим окном плескалось море и качались ветви цветущих деревьев, а иногда соленый ветер шевелил бумаги на директорском столе. Директора Грета видела и раньше, но так близко — никогда. Сначала она обратила внимание на пиджак, серый и очень дорогой. Потом — на запах. От Директора пахло чем-то строгим и в то же время изысканным. Так пахнет в дорогих магазинах. Директор был из другого мира. Он был чужим. А потом Грета увидела того человека.

По спине пробежал озноб. Белоснежка что-то сделала, и створки двери, съехавшись, стали стеной.

Человек в черном, может быть, даже инквизитор, внимательно изучал Грету, он стоял в затемненном углу, полускрытый великолепием морского пейзажа, такого натурального, что даже воздух, вылетающий из полоски кондиционера под подоконником, казался самым настоящим ветром… Грете отчаянно захотелось отсюда бежать. Но она посмотрела Директору в глаза.

— Присядь, — велел ей Директор, указав рукой на красный неуютный стул, а сам занял шикарное кожаное кресло по ту сторону стола. Грета присела на самый краешек.

Человек в черном вышел из темного угла, его пластичные движения были невероятно точными и хищными.

— У меня мало времени, — устало сказал Директор. — Все ваши игры у меня вот здесь… — он поднес руку к холеному подбородку. Грета снова уловила его неземной запах.

— Поэтому спрашиваю всего один раз. Кто виноват в этой драке?

Директор глядел пристально, но это было не страшно. Директор привык иметь дело с детьми. Грета внутренне улыбнулась. Но второй… Зачем он здесь? Кто это такой? Инквизитор? Наблюдатель из полиции?.. Но Директор все смотрел, и надо было что-то отвечать.

Она пожала плечами.

— Я не знаю.

— Ты не знаешь? — тут же подключилась Белоснежка. — То есть ты там была, все видела, и теперь — не знаешь?

А Директор молчаливо ждал ответа.

— Я правда не знаю, — дрогнувшим голосом испуганной девочки проговорила Грета. — Астронавт… Вернее, Стефан Кардовски, сказал какую-то глупость, мы все начали смеяться, я отвернулась, а потом, когда повернулась, они уже дрались…

— Я же вам говорил, — хмыкнул человек в черном. — Никто из них ничего не видел. Обычное дело… Они решат все сами, без нашего участия. Да, Грета?

Грета вздрогнула, когда он назвал ее по имени, незаметно скрестила пальцы.

— Я не знаю, — в голосе дрожали слезы, и наверное, это было бы прекрасно — расплакаться прямо сейчас, но все внутри застыло от ледяного ужаса. Этот человек был безумно опасен, чутье не подвело. Он был ТАКИМ ЖЕ. Директор — нет, и Белоснежка тоже нет, их можно обмануть. Но не его… Они купятся на ее юный возраст и на то, что все дети — дебилы, но не он…

— Пол или Марек? — его широкое лицо было совсем рядом. Наверное, он наклонился к ней. Зрачки хищных глаз угрожающе расширились.

— Я не видела, — у Греты клацнули зубы, ей не пришлось даже притворяться.

— Наверное, Марек, — еле слышно добавила она.

— Как это просто — все свалить на врага, выгораживая своего приятеля! — снова заоралаа Белоснежка, и Грета немного расслабилась. Белоснежка ей поверила. Поверила в то, что Грета может выдать Бродягу… Потому что нельзя же сказать правду: “они дрались из-за песенки про Бога, который умеет улыбаться”, или объяснить истинную причину ненависти Марека, набросившегося на Пола, скорее, из-за своего родственника, а вовсе не из-за этого недоумка Астронавта… Или рассказать про “Псалом 666”…

Грете стоило закрепить сказанное, и она выпалила:

— Я не видела… Я не знаю… Наверное, это Марек…

Человек в черном хотел что-то сказать, но Белоснежку уже понесло:

— Наверное, Марек! — передразнила она. — Наверное!.. Я тебе не верю! И никто — не верит!.. Вы только и можете, что сваливать друг на друга!..

Человек в черном досадливо поморщился и махнул рукой.

— Еще одна драка в рекреации, и будут наказаны не только те, кто дрался! — наконец-то Директор ДЕЙСТВИТЕЛЬНО устал. — Не только те, кто дрался, но и те, кто просто стоял и смотрел! Все ясно? Иди гуляй!

Грета вскочила, и, стараясь ни с кем не встречаться взглядом, почти выбежала из комнаты, на этот раз — через самую настоящую дверь, ведущую в другую приемную. И там, на скамейках вдоль стен, уже сидели Пол и Клайс, и печальный Бонга в веселой курточке, и Бродяги, но сейчас ей был необходим только Клайс. Он встал навстречу, незаметно коснулся руки, и Грета вздохнула с облегчением. Теперь она была почти в безопасности.

Она посмотрела на Пола. На безмятежного Пола, который все еще прикладывал к носу платок.

Пол безмолвно дал понять, что поговорить они смогут потом, когда уйдут отсюда, и значит, причины действительно были. Бонга с растерянным видом вытащил из кармана круглую булку с котлетой внутри, разорвал герметичную обертку и медленно начал есть. Красавчик Эни и Марек глядели на него с издевательскими улыбочками, но бедный Бонга ничего уже не замечал, погруженный в печальные мысли.

Снова открылась дверь, и все посмотрели на Астронавта, бледного, как полотно. Он нетвердой походкой дошел до скамейки и тяжело упал на нее.

— Готов, — сказал кто-то из Бродяг.

Астронавт дернул сутулым плечом. Он что-то бормотал себе под нос. А через минуту вошли Директор, Белоснежка и Человек-в-черном. Наверное, они приняли решение и готовились его сообщить. Повисла тишина.

— Этого больше не должно повториться, — негромко сказал Директор. — Никогда. Вы все — достаточно взрослые люди, чтобы понять меня. Школа — не место для разборок. Вам ясно?

Грета кивнула, одновременно со всеми.

— Завтра утром — построение. Вы придете пораньше. Кто не явится, будет наказан. Все. Можете идти.

3

Дождь не закончился — наоборот, к нему добавился мокрый снег. Дождь сыпался на ликующую толпу, на разноцветные транспаранты и надувные макеты “Архангела”, с крыльями, развернутыми для атаки. Отовсюду гремела бодрая музыка. Высокие парни в форме космического десанта белозубо улыбались, фотографируясь с детьми. Многие женщины были с цветами. Пол мрачно глядел на это празднество, пробираясь сквозь толпу, он шел довольно быстро, и Грета начинала отставать. Марек со своими Бродягами успел раствориться среди праздника, Грета видела только Пола — его брезентовая куртка темнела впереди, полускрытая ликующей массой. Наконец, они оказались на другой стороне проспекта, Пол привалился к стене и закрыл глаза. Грета присела на корточки рядом с ним и смотрела, как одни транспаранты сменяют другие, как демонстрация ползет мимо них, подобно гусенице без начала и конца, и проплывают макеты “Архангела”, а потом потянулась надпись “20000 миссионеров пробивают пространство во имя Иесуса!”, и Пол негромко засмеялся.

— Когда Господь зовет нас с неба, — пропел он, неожиданно становясь прежним, дерзким и насмешливым Полом.

— Ты что-то придумал? — вскинулась Грета.

— А что, собственно, такого случилось? — спросил Пол, блестя глазами. — Директор козу показал… Подумаешь!

Дождь стекал по его лицу, по аккуратной прическе, за воротник военной куртки, но Пол этого не замечал.

— Да что они смогут сделать? — спросил он, больше для себя.

— Вылетишь из школы, только ветер в жопе засвистит, — подсказала Грета.

— Ну конечно! — Пол насмешливо фыркнул. — Уже вылетел!.. Все это — ерунда. Понятно?

Показался Клайс. За ним — Бонга и Лорди. Алдыбей объявился последним, с ярко-красным флажком, который уже успел у кого-то выклянчить. Пол молча вырвал у него флажок и бросил в лужу, а потом развернулся и пошел по переулку. Лорди укоризненно поглядел на обалдевшего Алдыбея и раздавил флажок тяжелым подкованным ботинком. Грета заметила краем глаза, как ничего не понимающий Алдыбей переводит вопросительный взгляд с Бонги на остатки флажка.

Пол неожиданно остановился и повернулся к ним лицом.

— Мы идем на Полигон, — объявил он. — Встречаемся у Фундамента через два часа.

В самый первый раз, когда у Бога на потолке еще было лицо, это помещение ввергло ее в ступор.

Грета прекрасно помнила, как они вошли сюда.

Втроем.

Они вошли и остановились, осторожно вдыхая застоявшийся воздух. Солнце косо било в кирпичную стену сквозь проем вскрытой двери, темнели полукруглые ниши. Грета посветила себе под ноги — фонарики были у всех троих — и увидела, что из-под завалов хлама проглядывают мраморные плиты пола.

И тогда она посмотрела вверх.

Вообще-то в тот день она совершила два преступления. Первое — когда увидела лицо Бога, а второе — когда Пол, уже под вечер, отыскал среди баррикад и завалов различного мусора Истинную Библию.

Пол присел на круду кирпичей и листал обгоревшие страницы. Сначала он сказал: “Ого, какая старая!”, но никто даже не взглянул, чем он там занимается. Ну, нашел книгу… Подумаешь! Клайс уже отыскал четыре автоматные гильзы, и теперь пытался расправить изогнутую витражную рамку, а Грета глядела на косые лучи сквозь оплавленный осколок красного стекла. Пол надолго замолчал, лишь шелестели страницы. И когда Грете наскучила очередная стекляшка, она подошла к нему, чтобы посмотреть, что он делает.

Пол резко встал, спрятал руку с книгой за спину.

— Что случилось? — спросила Грета. Тут же зазвенела отброшенная железяка, и рядом оказался Клайс.

— Ты что-то нашел? — нетерпеливо выдохнул он.

— Стойте! — у Пола было странное лицо. Растерянное, испуганное, и в тоже время… как-бы светящееся изнутри. Он узнал что-то важное. Какую-то тайну.

— Что там? — требовательно поинтересовался Клайс. Это был их общий подвал, и он имел право знать обо всем. И Грета — тоже.

— Что ты нашел? — спросила она с теми же интонациями.

Пол вздохнул.

— Вы видели лицо Бога, — сказал он тихо. — За это сжигают на костре. Наверное, теперь все равно… Только эта книга — куда более страшный грех.

И Пол протянул им Библию.

Библия была старой. Пожелтевшие страницы ломались, и читать ее приходилось крайне осторожно. Обычно читал Пол. Юнита они отправляли караулить снаружи, эта тайна принадлежала им одним. Горели лампады, оплывали толстые свечи в искореженных канделябрах, сумрачные тени перемещались по кирпичным стенам с уцелевшими фрагментами росписи, и они, замирая, слушали негромкий голос Пола. Голос, не допускающий ни малейшего сомнения в истине, о которой читал. Это была Истинная Библия. Полузапрещенная легенда, известная, конечно же, всем… Про то, что до Второго Пришествия Библия была другой. Но слышать — это одно, а читать ее, владеть ею…

Они доставали ее очень редко, если совпадало сразу несколько факторов: Юнит соглашался постоять на стреме, точно никто не должен был прийти, и они были втроем. Тогда Пол опускался на колени перед алтарной нишей, темной и пустой, и вытаскивал из тайника Библию, замотанную в обгоревшую ткань. Недалеко светилась лампадка. Пол придумал такое правило: Истинная Библия не должна покидать круг света. С ним никто не спорил. Он сидел под лампадой в круге света и читал, совсем негромко, и тогда Грета чувствовала себя, как, наверное, чувствовали себя первые христиане. По коже пробегал озноб, каждый шорох за пределами круга бил по нервам. А Пол сыпал утверждениями, словно регистрировал очевидные факты:

— …Нет большей любви, как если кто положит душу свою за друзей своих…

— …Не думайте, что Я пришел принести на Землю мир. Не мир пришел Я принести, но меч. Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку домашние его…

— …Если мир вас ненавидит — знайте, что Меня он прежде вас возненавидел…

— …Если хочешь идти со Мной — отступись от самого себя…

И еще:

— Все по закону очищается кровью, и без пролития крови не бывает прощения!

Он читал наугад, переворачивал страницы после каждого фрагмента. Страницы слипались. Их края обуглились и осыпались черной крошкой на его пальцы. Наверное, когда сжигали книги, эта оказалась в самом низу. Ее завалили другими такими же книгами, облили из канистры бензином, и инквизитор поднес свой электрофакел… Наверное, в костер из книг бросали иконы с лицами Бога, распятия и хоругви, и что там бывает еще, но почему они сделали это? Зачем?.. Как могло такое случиться? И почему Бог не покарал их, почему Он смотрел, как ему стирают лицо?..

У Клайса в глазах метались отсветы огня, он сосредоточенно глядел на Пола. Может, он тоже пытался понять, почему, а может, просто слушал…

Сегодня их было трое, Юнит стоял на стреме, но должны были прийти остальные Монахи, и Грета лишь перекрестилась, подойдя к нише с Истинной Библией. Встав на колени, она коснулась пальцами бетонных обломков, закрывающих тайник, и подошла к Полу с Клайсом. Они топтались вокруг костровища, перекладывая доски, не успевшие сгореть в прошлый раз. Постепенно сжигая мусор, им удалось добиться хоть какого-то порядка, и заброшенный подвал все больше напоминал церковь. На алтаре, сложенном из армейских ящиков и застланном черной простреленной рясой, стоял крест, а на кресте была распята кукла с зеркальцем вместо лица. Тут же лежала Ложная Библия, специально для таких, как Бонга, и стоял церковный подсвечник, весь кривой, с дополнительными деталями, совместное творение Пола и Клайса. А в ящиках лежали, Грета это знала, связки свечей, рогатки, ножи, патроны и штурмовые маски. Одно время Бонга хранил среди этих вещей неразорвавшуюся мину, но Пол, узнав про это, избил его и заставил тащить ее обратно. Грета улыбнулась, вспоминая, как Бонга, окровавленный и несчастный, шел напролом через высокие травы, а за его спиной в модном рюкзачке лежала смерть… Потом Пол долго придумывал, как применить это оружие против Бродяг, но так ничего и не придумал, и мина осталась лежать в надежном месте. И лежит там до сих пор, если, конечно, не взорвалась…

— Ну? — прищурился Клайс. — Ты будешь помогать или нет?

Грета посмотрела на костровище. Доски были уложены, как надо, оставалось нарезать щепок. Пол протянул ей нож и обломок доски. Грета сомкнула пальцы на удобной рукояти. Нож у Пола был НАСТОЯЩИМ. Тяжелая рукоять не скользила, она была шершавой. Нож боевых пловцов, как объяснил Пол. На лезвии рядом со стопором читались буквы: TKN. Туакана. Нож подарил ему отец, и Пол никогда не расставался с этой вещью. Но давал иногда подержать Клайсу или Грете, как, например, сейчас. Грета вмиг настрогала щепок, хоть и левой рукой — в правой она держала доску, прижимая пальцами к гипсовому рукаву. Ее помощи, в принципе, не требовалось, но таковы были правила. Костер разжигали все трое. Правила придумывал Пол, и Грета знала — он играет в инквизицию уже сейчас. Потому что разводить костер, зажигать свечи и совершать ритуалы здесь, в Фундаменте, могли лишь они трое, по отдельности либо вместе, а больше — никто.

Грета вернула нож обратно и сложила щепки “домиком”. Потом достала из кармана куртки бензиновую зажигалку, крутанула колесико о бедро и подожгла. Клайс подложил несколько реек, пару тонких досок, пламя карабкалось все выше и выше, и вот золотистый отсвет лег на фреску за алтарем. Грета смотрела, как фигуры выступают из тьмы, и Монстроборец протягивал кому-то связку ключей. Лицо отсутствовало у одного лишь Бога, но Грете было легко его представить — так смотрели на Него те, кто был на фреске. И человек, принимающий ключи, и человек с бараном подмышкой, и старик с сетями, и женщина в платке, и смуглый юноша с кулаком за спиной.

Пейзажа было не разобрать, но Грете казалось, что Монстроборца и людей окружала пустыня, безжизненная и мертвая, а Бог передавал человеку ключи от пусковой установки.

Клайс зажег лампады по краям алтаря. Запахло керосином. Пол, подойдя к алтарю, встал на колени, коснулся лбом черной материи и выдвинул нижний ящик. Достал несколько свечей, воткнул их в подсвечник и засветил, а потом поднялся и повернулся лицом.

— Послушайте меня. Ты, Клайс, и ты, Грета, мои кровные брат и сестра.

Он сделал шаг к костру, чуть отступая, чтобы не загораживать алтарь, и продолжал:

— Послушайте, что скажет вам ваш брат. Эти волосатые ничтожества объявили нам войну. Надо отдать им справедливость — они не барабаны. Про наши дела на Полигоне знаем только мы и Бродяги, и больше никто. Но то, что случилось сегодня, дает нам право открыть военные действия. Нет, мы не помчимся к ним

прямо сейчас, хотя у меня кулаки чешутся навалять этому Мареку!.. И не будем провоцировать конфликты в школе. Это я еще скажу остальным… — Пол подошел к костру и протянул над огнем руки. — Хватит. Но вот после школы… Драться с Бродягами мы можем теперь только на Полигоне… Черт! Меня до сих пор трясет от злости!..

— Что тебе сказал Директор? — мрачно поинтересовался Клайс.

Пол понуро махнул рукой.

— Сказал: выбирай. Либо признаешь свою вину, либо допрос под препаратами. Ясное дело, я тут же во всем признался! Что первым начал драку, что глумился над Астронавтом… Сказал, что делал это специально, потому что испытываю потребность помочь Стефану стать сильной личностью, а без определенного давления это невозможно… А Марек защищает всех подряд, правы они или нет, из чувства ненависти, которое испытывает ко мне, потому что я — лучший. Тут Директор усмехнулся и спрашивает: “Кто тебе сказал, что ты — лучший?”. Я думаю: “Уф! Пронесло!”. И точно. Они поорали на меня с Белоснежкой напару, а тех вообще ничего не сказал.

— Тех? — переспросила Грета. — Я думала — инквизитор…

— Дура, — обронил Пол. — Инквизитор — это звание. А тех — это наличие спецспособностей. Конечно, он и инквизитор тоже… Обычного человека и на порог Семинарии не пустят. Там знаешь какие тесты? Тупорылых даже в Святой Легион не берут!.. В общем, сказали, чтобы я завтра… Тьфу! Даже говорить стыдно!.. — Пол присел над огнем. Пошевелил доски.

— Что — завтра? — Клайс тоже присел на корточки, напряженно глядя на него.

— Завтра, перед всеми… — Пол глубоко вздохнул. Его лицо стало лицом мученика. — Вместо первого урока — построение. Перед всей школой я буду просить у этого долбоеба Марека прощения за то, что затеял драку… Моя жизнь — полное дерьмо!

Грета и Клайс рассмеялись.

— Смейтесь, смейтесь… — Пол и сам был готов засмеяться. — Ладно, черт с ним… Попрошу я у Марека прощения, это несложно… Но все они потом кровавыми слезами умоются… Сволочи! А придумал я вот что…

Теперь и Грета наклонилась к огню, чтобы лучше слышать, потому что Пол говорил совсем тихо:

— У Бродяг появился шаман. Он не из нашей школы, из другого района. Он вообще из трущоб.

Бонга от кого-то слышал, что Марек с этим шаманом по корешам. Говорят, что Марек попросил у шамана помощи после

того, как его двоюродный братец грохнулся в яму с кольями. Вот так…

Грета почувствовала, как забилось сердце. Шаман, закрывающий дороги, был опасен, но шаман, помогающий Мареку отомстить тем, кто едва не убил его брата, опасен вдвойне. Это действительно война, Марек ее не обманул.

— Я предлагаю этого шамана убить. — Пол встал, подводя черту.

Грета и Клайс переглянулись. Убить?..

— А что, — улыбнулся Клайс. — Это неплохая идея… Но как?

Пол презрительно фыркнул.

— Придумаем, как. Что-нибудь да сработает. Узнаем, где он живет, где ходит, что он вообще за человек… Заманим в ловушку, поймаем на живца, да придумаем, как! Сейчас вот и придумаем… Но… — он снова присел перед огнем. — Но убивать его мы будем только втроем. Без лишних глаз. Я не доверяю этим слюнтяям, особенно Бонге. Их помощь нам потребуется лишь при поимке…

— Погоди, — остановил его Клайс. — Ты что, серьезно?

— Ну да… — Пол посмотрел на него в упор. В его светлых зеленоватых глазах читалось окончательное решение.

— Да ладно! — Клайс нехотя поворошил горящие доски. — Я не смогу никого убить. Более того — не собираюсь этого делать. Напугать — это одно. Или там избить… — он замолчал.

Пол вздохнул. Взял у Клайса обломок доски и бросил его в огонь.

— Я тоже не сразу подумал об этом, — проговорил он. — Но рассудите, как нам быть, если Марека убить мы не можем, а пиздить его бесполезно?

— Совершенно бесполезно, — подтвердила Грета.

— То есть, ты хочешь довести его? — уточнил Клайс.

— Я хочу уничтожить его, — усмехнулся Пол. — Не физически, так морально. Я хочу стать его тенью. Он не сможет почувствовать себя в безопасности никогда… Или ты предлагаешь простить и все забыть?

Грета посмотрела на фреску. Пустыня… Бог без лица был один, несмотря на людей, стоящих рядом. Она поняла, что задумал Пол. Все, кого любит его враг, должны умереть. Не меньше. Тогда он прав, начинать лучше всего с шамана… Только так ли виноват перед ними Марек?..

— Я и не ждал, что вы придете в восторг от моей идеи. — Пол с хрустом переломил об колено доску. — Мое предложение, как бы это сказать… преждевременное. Вы сейчас, вероятно, думаете: “Да, Марек, конечно, гондон, но не настолько…”. Но время может быть упущено. А он церемониться с нами не станет.

Мы чуть не убили его родственника, так что ему есть за что нас ненавидеть. Ненавидеть, понимаете? Ненависть и страх — разные вещи. Я хочу, чтобы он боялся, это понятно?

— Понятно, — Клайс встал и потянулся. — Ты хочешь сломать его. При помощи страха. Я прекрасно это понимаю. Твоей жизни нужен смысл, а сложившаяся ситуация позволяет реализовать твои садистские наклонности…

— Иди ты в жопу, — Пол холодно поглядел на него. — Да, я собираюсь стать инквизитором. Я не скрываю этого. Но при чем здесь садистские наклонности?

— Ты еще не инквизитор. И даже не клирик. Давай посмотрим правде в глаза. Ты — ребенок, который хочет попробовать убийство. Станешь ты инквизитором или нет, и как это связано с твоими садистскими наклонностями, я не знаю. Но мне, например, нужен серьезный повод, чтобы убить человека…

— Просто не тебе завтра унижаться! — отрезал Пол.

— Вы так об этом говорите, — заметила Грета, — как будто этот шаман уже привязан и ждет своей смерти. Как ты поймаешь его? — обернулась она к Полу. — По закрытой дороге далеко не уйдешь!..

— А ты нам на что? — удивился Пол.

Грета нахмурилась. Пол прекрасно знал, что шаман гораздо сильнее, проклятье так просто не снимешь…

— Ты заблуждаешься насчет меня, — сказала она.

— Заблуждаешься ты, — отозвался Пол. — Все, хватит! Достаточно об этом говорить. Я уже все понял.

Они замолчали.

Они молчали, пока не послышался шорох осыпающихся камней. В дверном проеме появился силуэт Юнита. С нарочито независимым видом, заложив руки в карманы, он подошел к костру и немного невнятно спросил:

— Пацаны, зажигалка есть?

Только сейчас Грета заметила, что у него во рту — сигарета.

— Кто-то идет? — приподнял брови Пол.

— Никто не идет… Курить охота, пиздец!

— Иди сюда, — ласково обронил Пол.

Грета достала из кармана зажигалку.

— Отстань от ребенка. Вот, держи, Юнит…

Юнит взял зажигалку, прикурил и выдохнул дым через ноздри.

— Почему ты покинул пост? — поинтересовался Пол голосом, не предвещающим ничего хорошего.

— Потому что меня заебало там торчать, — ответил Юнит. —

Я весь промок, идите вы на хуй!

Он присел перед костром и распахнул полы военной куртки.

— Такие куртки не промокают, — заметил Клайс. Юнит насмешливо поглядел на него. Он курил, не вынимая сигареты изо рта.

— Он дома ведет себя так же? — спросила Грета.

— Дома он — послушный ребенок, — вздохнул Пол. — А здесь будто демоны в него вселяются… Курит, сквернословит… Я не учил его этому, честное слово.

— Вселяются демоны? — Грета задумчиво оглядела Юнита с ног до головы.

— Ты — ведьма, — бросил ей тот. — У нас в классе все пацаны об этом знают.

— Я святая, — отозвалась Грета. — Я не пью, не курю и не ругаюсь матом. И молюсь дважды в день. Господь дает мне силу изгонять демонов из вредных детей. Только это — очень болезненный ритуал…

Юнит показал ей средний палец.

— Объебешься.

— Очень херово, Юнит, что ты покинул пост, — продолжала Грета. — Ты знаешь, что в армии за это расстреливают?

— А я и не покидал поста, — нагло заявил Юнит. — Все чики-пуки, расслабься, детка.

Он достал еще одну сигарету.

— Ты много куришь, — сказал Пол.

— А мне похуй, — откликнулся Юнит.

Он насмешливо посмотрел на Грету, вынул из костра щепку и прикурил.

И тут все они услышали собачий лай.

Юнит обвел их высокомерным взглядом.

— Поняли, дебилы? Я оставил там Бена!

— Бена? — переспросил Клайс. Грета уставилась на Пола.

— Ты назвал собаку “Бен”?..

— Никто не пройдет, Пол, — заверил Юнит. — Бен их в клочья порвет!

— Че-го? — выдохнула Грета. — Они ведь наши друзья… Юнит, ты серьезно?.. Пол, он серьезно?

Пол глядел на Юнита с недоверием и восхищением.

— В том-то и дело, что да, — улыбнулся он. — Я видел собаку.

Грета представила, как падает искусанный Бонга, а сверху на него бросается собака, и рассмеялась.

Лай заметно приблизился. Потом, спустя несколько

напряженных минут, в дверной проем ввалились Бонга, Алдыбей и Лорди, а следом за ними вошла собака.

У Лорди был порван рукав, но он улыбался.

— Мы нашли собаку, — сообщил он, глядя на Пола. — Вот, привели…

Бонга шмыгнул носом. Алдыбей испуганно глядел, как серая собака, похожая на волка, усаживается рядом с Полом около костра.

— Это Бен, — небрежно пояснил Юнит. — Наша с Полом собака.

— Так это ВАША собака? — прищурился Бонга. — Так какого хрена она не с вами? Она меня чуть не покусала!

Он встал к огню, подальше от собаки, вытащил из кармана бутерброд в обертке и начал его распаковывать.

— Почему ты все время жрешь? — поморщилась Грета.

— Потому что трачу много калорий, — проворчал Бонга.

— Так это Юнит натравил на нас собаку? — неожиданно понял Алдыбей.

— Я оставил Бена на посту, — с достоинством ответил Юнит. — А сам пошел погреться. Так что отъебитесь от меня!

— У нас был военный совет, — нехотя пояснил Пол. — Мы решали, как нам быть с Бродягами. Завтра я буду унижаться перед всеми на линейке…

— Будешь унижаться? — переспросил Бонга.

— Да, — Пол развел руками, мол, ничего не поделаешь. — У меня не было выбора. Иначе — допрос под препаратами…

Повисло молчание.

— И что вы придумали насчет Бродяг? — спросил Лорди.

— Секундочку.. — Пол поглядел на своего братца. — Юнит, скажи Бену, пусть он охраняет нас. Снаружи.

Юнит покраснел от удовольствия.

— Бен, ко мне! — воскликнул он, и собака подбежала к нему, виляя хвостом.

— Пойдем! Охранять! Фас!..

— Насчет Бродяг мы придумали вот что… — Пол дождался, пока команды Юнита затихнут по ту сторону прочных стен Фундамента, и продолжал:

— Вот вам мои заповеди. В школе не драться, ни над кем не смеяться, вести себя тихо. Положение у нас критическое. Завтра те, кто этого себе еше не уяснил, все поймут. Видели человека в черном? Это был тех.

Бонга замер с открытым ртом, из которого торчал недожеванный кусок бутерброда. Лорди и Алдыбей испуганно переглянулись.

— Вот так, — закончил Пол. — Всем ясно?

Лорди кивнул головой.

— И как мы будем мстить? — спросил Алдыбей.

— Не так, как раньше. — Пол прошелся перед костром. — Я придумаю, как… Но это будет нечто неожиданное.

Он посмотрел на Лорди, потом — на Клайса.

— У меня все. Какие будут вопросы?

— Да, дела… — Бонга зябко поежился.

— А видели, как замышился Астронавт? — припомнил Алдыбей. — Как он выпал на очко, да?..

Монахи рассмеялись. Темный ужас отступил. Все наперебой начали вспоминать поведение Астронавта, а Пол даже передразнил его, когда тот вернулся из директорского кабинета.

Кто-то подложил досок, пламя начало расти. Дым уходил вверх, вероятно — в старую вентиляцию, очень скоро столб огня вырос, окреп, и тогда Пол сказал “Хватит”. Лорди отбросил толстую доску, которую собирался сломать об колено. Они развалились вокруг костра, молча наблюдая, как чернеют светлые доски.

А потом Грета неожиданно вскочила, и все посмотрели на нее.

— Это все произошло не случайно, — сказала она. — Нам закрыли дорогу.

Обойдя вокруг костра, она остановилась и сделала несколько шагов назад. Клайс медленно поднялся. Следом за ним — Пол.

— Что ты задумала? — подозрительно поинтересовался Бонга.

— Очищение, — улыбнулась Грета. — Пламя очищает.

Бонга посмотрел на костер. Огненный столб поднимался довольно высоко, нагретый воздух дрожал. Становилось жарко.

— Пламя очищает от всех грехов! — крикнула Грета.

И с разбега прыгнула через огонь.

Она пролетела сквозь пылающую стену и остановилась с той стороны, и какое-то время всем казалось, что ее темная фигура рассыпется прахом, но она повернулась к ним лицом. Она была такой же, как раньше. Бонга перевел дыхание.

— Твоя очередь, — сказал ему Пол. — Прыгай!

— К-куда? — растерялся Бонга. Он не видел особой необходимости прыгать через костер. Он опасался запнуться ногой за пылающие доски и упасть прямо на раскаленную колючую проволоку, которую видел среди горящего мусора. Он отыскал глазами Грету, по ту сторону огня, и ненавидяще уперся в нее взглядом. Такое могла придумать только она, черт бы ее

побрал!

— Адское пламя не будет ждать тебя вечно, — проговорила Грета. — Давай! Очищение должно состояться!

Пол и Клайс больше не улыбались. Неожиданно Бонга почувствовал, что у него цепенеют ноги.

— Ты сможешь, — сказал ему Пол, его лицо теперь напоминало лицо инквизитора из кошмара вчерашнего праздника. Бонга обреченно простонал и повернулся к костру. Кажется, пламя стало чуть ниже, но доски разгорелись ответственно. Они были сияюще-красными, а сверху, как гребень саламандры, светилась колючая проволока, которой еще недавно, и Бонга готов был поспорить на что угодно, там не лежало. Грета подняла руки завораживающим жестом, запрокинула лицо к потолку. Ее фигура плавно меняла очертания.

“Это из-за того, что ее заслоняет костер”, - сказал себе Бонга. Клайс и Пол требовательно глядели на него. Еще чуть-чуть, и они сами швырнут его туда…

“Но там же колючка!”

— Я сам, — вздохнул Бонга. — Я сейчас… Раз! Два! Три!..

Ему удалось побороть свой страх всего на одну секунду, но он успел, по инерции, добежать до огня и перелететь его, совершив прыжок, о котором раньше мог только мечтать. Теперь он гордо стоял рядом с Гретой и ждал остальных, поглядывая на Алдыбея. Грета шагнула вправо, освобождая дорогу Полу, который мчался прямо на них.

ВТОРНИК

1

Колокола звонили среди густого тумана, одиноко и отрешенно. Все, что раньше было за ее окном, исчезло. Белая стена стояла по ту сторону стекла, и лишь колокола могли ее пробить. Грета закуталась в покрывало еще плотнее, раздумывая, что случится, если открыть окно.

Потом она услышала скрип двери, и Клайс подошел, как всегда, быстро и легко. Он встал у нее за спиной, почти касаясь ее, Грета почувствовала его тепло. Она не стала оборачиваться.

— Туман, — проговорил Клайс. — Просто туман, и ничего больше.

— Просто туман, — повторила Грета, отклоняясь назад. И ощутила, как вздрогнуло его тело.

Секундой позже он обнимал ее, а белая мгла за окном наплывала клочьями, полная обрезков колокольного звона.

— Мир исчез, — прошептал Клайс, его дыхание щекотало ей висок. — От реальности ни черта не осталось…

“Кроме тебя”, - подумала Грета.

— Кроме тебя, — сказал Клайс, прижимая ее к своей груди. Она откинула голову ему на плечо, закрыла глаза.

— Это иллюзия, Клайс. К сожалению, мир не исчез…

— Клайс!.. Грета!.. — позвал их с кухни крикливый голос. — Быстро за стол!

— Отпусти меня, — попросила Грета.

— Как?

— Просто разожми руки…

— Быстро за стол! — донеслось с кухни еще раз.

Клайс со вздохом отстранился от нее, и Грета смогла повернуться к нему лицом. Они молча глядели друг на друга.

— Надо идти, — сказала Грета, когда больше нельзя было терять ни секунды.

Он улыбнулся.

— Я не хочу… есть…

— Как будто у тебя есть выбор!

— Пошли, — сказал он с видом человека, принявшего окончательное решение.

Она толкнула его к двери.

— Клайс!.. Грета!..

Он оскалил зубы, глухо зарычал и отправился на кухню.

Грета — следом за ним.

Они уселись на свои места. Надо было что-то говорить, что-то отвечать на дурацкие вопросы, словом, вести себя, как обычно. И они делали все это до тех пор, пока еда в тарелке не закончилась.

А потом они вышли прямо в туман, где никто не мог их увидеть, и, значит, можно было сжать его руку, и просто идти в никуда, сквозь плотный осязаемый воздух…

Город в тумане был совсем другим, с иными правилами пространства. Грета и Клайс медленно двигались вперед, но все вокруг так же замедлило свой обычный темп.

Машины с включенными фарами проплывали вдоль тротуара, прохожие стали тем, чем были всегда — просто призраками, смутными силуэтами, привидениями, их материальность оказалась лишь мифом, а теперь туман развоплотил их, и Грета знала: если подует сильный ветер, все это исчезнет. И город, и люди, и колокола…

Колокола Окраинного Храма пробивались сквозь вату, их мрачное гудение напоминало затянувшееся прощание. Напоминало реквием по этому миру, ставшему белой пустотой…

— Клайс, — Грета сжала его руку. — Может, Он просто не успел никого спасти? Он вернулся, но было слишком поздно… Все было уже заражено. И воздух, и вода, и земля… Клайс, они все больны. Все, кроме нас.

— Я знаю, — ответил он, переплетая пальцы с ее пальцами. — Но так ли они виноваты, что вакцина запоздала?

— Нет праведного ни одного, — сказала Грета. — Нет понимающего. Никто не ищет Бога. Все совратились с пути, все до единого негодны… Нет делающего добро, нет ни одного… Разрушение и смерть на путях их, они не ведают пути мира…

— Я знаю….

— Ты знаешь, — повторила она. — И все знают. И все ждут. И самое страшное в том, что сделать уже ничего нельзя.

Потому что туман…

Яркая курточка Бонги выделялась размытым пятном на фоне серой массы, имевшей очертания Окраинного Храма. Они подошли к паперти, и Грета окликнула Бонгу. Тогда Клайс отпустил ее ладонь, они снова стали братом и сестрой, просто братом и просто сестрой…

— Привет! — отозвался Бонга.

— Тебя видно с десяти шагов, — заметил Клайс. — А где Пол?

— Вот он. — Бонга кивнул на что-то рядом с собой, и тогда

Пол шагнул навстречу. Его лицо было осунувшимся и мрачным, глаза покраснели. Вероятно, он плохо спал этой ночью.

— Пойдемте, — сказал он. — Пора на Голгофу.

И зашагал, не оборачиваясь, растворяясь в белом шуме помех. Бонга глупо улыбался, провожая его взглядом, пока Лорди, материализовавшись из тумана, не зацепил его плечом. Тогда они все отправились следом за Полом, и неожиданно догнали его через пару шагов.

— Ни черта не видно, — протянул Бонга. — Вот это да!

Пол взглянул на Грету.

— Тебе когда снимают гипс?

— Можно сегодня вечером…

— Нужно сегодня вечером!.. — он обхватил себя руками, будто желая согреться, хотя холодно не было. — Как я не хочу туда идти! — добавил он.

Грета промолчала.

— А где маленький засранец? — поинтересовался Клайс.

— Дома, — буркнул Пол. — Я запретил ему на это смотреть… Марек еще ответит!

— Ты это уже говорил.

— Заткнись!.. Я просто в ярости, Клайс. Я ненавижу их всех.

В размытой реальности тумана скопилось огромное количество теней, но Грета, улавливая их каким-то особенным чувством, скользила мимо, не дотрагиваясь даже краем рукава до тех, кого считала призраками. А теней становилось все больше, и вот уже Бонга налетел на какую-то тетеньку и униженно верещал “Тетенька, простите!”, пока не сообразил, что можно просто вырваться и сбежать.

Клайс шел совсем рядом. Им не надо было видеть друг друга, чтобы идти рядом, и даже касаться друг друга было необязательно. А потом они дошли до Проспекта, за которым находилась школа, и остановились на перекрестке.

Полицейский в специальных очках регулировал движение при помощи особой панели управления. Узкие силуэты машин шли по пеленгу с довольно большой скоростью, напоминая рыбу, спешащую на нерест. Пол молчал слева от Греты, открывая и закрывая выкидное лезвие ножа. Его челюсти были стиснуты, глаза мрачно уставились в несуществующую даль.

“Держись”, - Грета на секунду сжала его запястье, ощутила под пальцами жесткий кант рукава.

“Держусь”, - ответил он взглядом. И опять отвернулся.

Полицейский переключил режим, и засветились синие линии коридора, вдоль которых языки тумана казались особенно неправдоподобными. Друзья шагнули на мостовую и пошли

навстречу полчищу серых теней.

2

Они поднялись по лестнице и оказались в широком холле, уже заполненном учащимися. Пол оглядел толпу тяжелым взглядом. На его унижение собралась посмотреть вся школа. Классы строились в каре, каждый отдельно, но Красавчик Эни, специально поджидавший Монахов у входа в рекреацию, тут же оказался рядом.

— Привет, Пол, — сказал он. — Как тебе все это? — Красивым жестом он очертил полукруг, указывая на собравшихся. — Ты правда готов?

Пол промолчал. Грета видела, как побелело его лицо, но он сдержался. Бродяги пытались спровацировать еще один конфликт.

— А, Монахи, — раздался презрительный голос Готтлиба, — пришли унижаться? Надеюсь, что его накажут кнутом!

— Показательная порка, — тонко улыбнулся Эни.

— Как ты сказал? — переспросил Пол.

— Идем! — Клайс крепко взял своего друга за плечо, толкая впереди себя. Перед ними расступались.

Мелькнуло печальное личико Алдыбея, “держись, Пол”, шепнул Бонга, а Лорди метнул на Марека угрожающий взгляд.

Марек молчал, и Грета неожиданно поняла, что он совсем не рад происходящему. Но это было уже не важно. Сейчас случится то, после чего уже не будет дороги назад… Сейчас? Грета вспомнила яму с кольями, содрогнулась. Игрушечная война за территорию Полигона становилась реальностью.

— Всем построиться! — крикнул Тренер, учитель физкультуры. Он прошел перед строем, проверяя линию. Двое младших клириков в черной форме, возле голографического водопада, сжимали в руках шокеры. Постепенно гул затихал, воцарялась тишина.

Один из клириков прошел по проходу между построенных классов, закрыл дверь, отделявшую рекреацию от лестницы, и вернулся на свое место. Классы замерли по стойке “смирно”. Пол, стоявший рядом с Гретой, судорожно вздохнул, и Грета незаметно взяла его за руку.

Они стояли уже минут пять, но ничего не происходило. Грета глядела на водопад, мерцающий в оконном проеме, пытаясь ни о

чем не думать, но внутренняя дрожь становилась все сильнее. И вот, когда дрожь перекинулась на ноги и охватила все тело, портал директорского кабинета открылся, и человек в дорогом костюме не торопясь прошествовал в центр. Он был один. С ним не было ВТОРОГО, в черном, и Грета услышала общий вздох облегчения. Электрошоковая команда встала за Директорской спиной, по правую и левую руку.

— В нашей школе, как вы знаете, — Директор чеканил каждое слово, — произошло ЧП. Двое учащихся класса номер семь, а именно — Пол Юргенсон и Марек Снечкус, устроили в рекреации безобразную драку. Пусть они выйдут сюда!

Грета расцепила пальцы, освобождая руку Пола, и он вышел вперед. Подтянутый, аккуратный и прекрасно сложенный, он напоминал мальчика с пропагандистской картинки “А ты окажешься в Раю вместе с нами?”, на него было приятно посмотреть. Такой точно не мог затеять безобразную драку. Марек, в черных потертых джинсах и кожаном жилете, проигрывал на его фоне, хоть и убрал свои волосы в хвост. Они оба стояли лицом к построенным классам и ждали решения.

— Посмотрите на них, — сказал Директор. — Это два примерных ученика. Можно сказать, гордость школы!.. Но посмотрите на их лица! Вы видите на них раскаяние?

Ответом ему была тишина.

— И я не вижу, — подвел итог Директор. — И мне очень жаль, что такие ученики затевают драки и избивают друг друга. Каким примером это может послужить тем, кто менее сознателен, чем они? Если даже отличники молотят друг друга кулаками почем зря?.. И я хочу, чтобы вы знали: в нашей школе закон одинаково справедлив для всех! И для детей из бедных семей, и для тех, чьи родители обличены государственной властью!

Последнее явно относилось к Полу, но он ничем не выдал, что это его касается.

— Поэтому наказание будет одинаково для всех, — возвысил голос Директор. — Я считаю, что извинения в словесной форме здесь недопустимы. Одно дело — попросить прощения, и совсем другое — понести заслуженное наказание… — и, повернувшись к клирикам, приказал:

— Снимите с него рубашку!

Директор отступил на шаг, и электрошоковая команда шагнула к Полу. Кто-то нажал кнопку спецпульта, с потолка начали спускаться тросы. Пол терпеливо ждал, пока с него снимут куртку и футболку. Грета машинально отметила, что на футболке оказалась эмблема Первого Инквизиционного корпуса. Тросы раскачивались прямо перед Полом. Он медленно поднял

руки вверх, продевая кисти в пластмассовые петли, которые тут же затянулись вокруг его запястий. Он глядел на Грету и Клайса, стоявших плечем к плечу в первом ряду.

— За нарушение режима обучения, — сказал Директор, — за организацию беспорядков, за нанесение словесных и физических оскорблений своему товарищу по классу, школьный совет приговорил Пола Юргенсона к десяти ударам электроплетью!

По толпе прошелестел вздох, легкий, как весенний ветер. Директор подал знак. Откуда-то сбоку вышла Белоснежка, неся на подносе свернутый кольцами электрический кнут. Остановилась перед Мареком. Директор кивнул ему. Марек взял кнут за рукоятку и встал позади Пола. Грета судорожно сглотнула. В горле образовался ком, мешающий дышать. Клайс придвинулся к ней вплотную, она чувствовала, что его колотит точно такая же дрожь. Пол встретился с ними взглядом, слегка улыбнулся…

Взвизгнул кнут, обрушился на его спину. Пола подбросило, он потерял опору и закачался на троссах, хватая воздух перекошенным от боли ртом.

— Раз! — сказал Директор.

Марек встряхнул орудие наказания, кнут извивался, как живой, на его конце мерцала искорка.

— Наслаждайтесь! — услышала Грета злобный шепот Красавчика Эни, стоявшего во втором ряду, но оборачиваться было нельзя.

Марек бил со всей силы. На четвертом ударе Пол впервые закричал, на седьмом — бессильно обвис. Его не стали приводить в сознание, Пол Юргенсон был несовершеннолетним, и все это понимали, так что Марек влепил ему три оставшихся удара, которые Пол вряд ли почувствовал, и положил электрокнут обратно на поднос.

— Позовите врача, — распорядился Директор. — И пусть это будет уроком каждому из вас.

Процедура наказания закончилась, можно было расходиться.

Монахи столпились у дверей медицинского кабинета, переговариваясь вполголоса, то и дело кидая тревожные взгляды на белую дверь. Они ждали уже полчаса. Мимо них прошла Толстуха, учительница пения, предупредила, что урок начнется через двадцать минут.

— Мы должны дождаться Пола, — буркнул Бонга.

— Не опаздывать, — предупредила Толстуха. — Сегодня — генеральная репетиция перед воскресным концертом. А ваш товарищ может не приходить.

— Он придет, — пообещал Клайс, глядя Толстухе в глаза. Она удовлетворенно кивнула и пошла дальше.

— Нормальная тетка, да? — шепнул Грете Алдыбей. — Не то, что эта сучка Белоснежка…

А потом дверь медкабинета открылась, и появился Пол, все еще бледный, но вполне живой.

— Я в порядке! — сообщил он, потирая локтевой сгиб. — Мне вкололи антишок и стимуляторы!

— Молодец! — сказала ему Грета.

И все облегченно рассмеялись.

Следом за Полом из кабинета вышла Железная Нога, строгая медсестра с черными волосами, подстриженными ежиком. Про нее говорили, что она летала на “Дельта-два”, но потом получила ранение и теперь работает в школе. Так или иначе, медсестра слегка прихрамывала. Бонга утверждал, что у нее — железная нога, поэтому ее так и прозвали.

— Пол, — сказала она, протягивая баллончик со спреем. — Вот этим надо спрыскивать ссадины через каждые два часа. Тебе самому будет трудно, попроси кого-нибудь из товарищей. Ты молодец. Можешь идти.

— Разрешите вопрос, — попросила Грета.

Железная Нога очень любила, когда к ней обращались по форме. Она доброжелательно кивнула.

— У нас скоро первенство по баскетболу, — сказала Грета. — Я играю в нападении…

Железная Нога поглядела на ее загипсованную руку.

— Как давно произошла травма?

— Три недели назад.

— Идем, — кивнула Железная Нога. И Грета вошла в белый кабинет.

Она была здесь всего один раз, во время вакцинации, но сразу же вспомнила этот непередаваемый запах, какого нигде больше не встретишь — запах нагретой брони военного крейсера. И приборы здесь были такими же космическими. Медсестра уложила ее в кресло.

— Руки на подлокотники!

Подлокотники были большими, с кучей разноцветных кнопочек. Грета послушно вытянула руки и полностью расслабилась. Медсестра притянула к себе сканер. На экране консоли Грета увидела свою руку — разноцветную, будто раскрашенную дебилами-первоклашками.

— Красного цвета нет, — сказала Железная Нога. — Все срослось… Надо же! Комбинированный перелом… Где это ты так?

— Подралась со своим товарищем, — ответила Грета. Она

была готова лгать где угодно, но только не в медицинском кабинете, где наверняка полно всевозможных датчиков и детекторов.

— С товарищем? — с сомнением протянула Железная Нога.

И Грета отчетливо вспомнила, как двое Бродяг, сбив ее с ног, уселись ей на грудь и бедра, а третий, подложив под руку металлический брусок, прыгнул сверху несколько раз.

— Мы выясняли принципиально важный вопрос, — пояснила она. — Могут ли девочки драться с парнями.

Железная Нога рассмеялась.

— Это вечный вопрос, — ее улыбка была такой озорной, что Грета засмеялась вместе с ней.

Взяв ножницы с тупой половинкой, медсестра аккуратно срезала гипс, серый от грязи, с разводами разноцветных надписей. Не удержалась и попробовала прочитать:

— Бей врагов во имя Иесуса… Космический крестовый — это наше завтра… Боевые у тебя товарищи.

— Спасибо, — Грета взяла гипсовый сверток.

— Повесишь над кроватью? — снова засмеялась Железная Нога. — Смотри, чтобы ночью на голову не упал! А то будет тебе сотрясение мозга!

Взяв баллончик со спреем, она залила Грете всю руку, от плеча до кисти, и в воздухе повис мятный аромат.

— Иди, играй в свой баскетбол.

Они едва не опоздали на урок пения, и им пришлось поднажать. Ссыпавшись по лестнице, они оказались в рекреации первого этажа, добежали до дубовых дверей актового зала и вломились внутрь всей толпой, едва не столкнувшись с Толстухой.

— Наконец-то! — проворчала та. — Вся гоп-компания в сборе… По местам!

Когда Толстуха хотела, она могла командовать не хуже Железной Ноги.

Грета поднялась вместе с товарищами на сцену, встала во второй шеренге, между Клайсом и Полом. Прямо перед ней оказался Алдыбей. Бродяги тоже стояли кучно, занимая левый фланг. В центре построились Спортсмены и простые одноклассники, которым было плевать и на Полигон, и на спорт.

— Сейчас мы продолжим то, что не закончили на прошлом уроке, — сказала Толстуха, подходя к панели электронного органа. — Начинаем по взмаху руки. Всем собраться и петь максимально четко. Напоминаю, что в воскресенье — праздничный концерт, придут ваши родители… Все сообщили

родителям?

— Да! — нестройно ответил хор.

— Хорошо. Итак, начнем!

Кто-то прочистил горло. Толстуха мягко поставила пальцы на клавиши, заиграла вступление к песне. Грета посмотрела на балконный ярус, терявшийся в темноте высокого потолка. Звуки музыки, торжественные и прекрасные, уходили вверх, туда, где на потолке сияли голографические звезды посреди космической пустоты…

Вступление закончилось, Толстуха плавно взмахнула рукой, и Грета запела вместе со всеми:

Остались секунды
До новой атаки.
Развернуты пушки,
Развернуты флаги.
Всего лишь мгновенье —
И в яростный бой
Иесус поведет

Меня за собой!
Иесус поведет
Меня за собой!

У Пола был высокий чистый голос, и сам он, причесанный и аккуратный, был таким же, как его голос. Пол старался вовсю, Толстуха с удовольствием поглядывала на него. Казалось жестоким недоразумением то, что случилось сегодня на линейке. Пол был самым настоящим мучеником, пострадавшим за чужие грехи, он имел право так петь. Толстуха просто таяла, глядя в их сторону.

И подтянутый Клайс, и розовощекий Бонга, и даже маленький худышка Алдыбей — все напоминали сейчас юных ангелочков, спустившихся с небес, чтобы спеть про Иесуса. Грета посмотрела на Бродяг. Астронавт старательно выводил ноты, его лицо сияло внутренним светом, и это было очень смешно.

А если погибну —
Не плачь, дорогая.
В Раю обязательно
Встречу тебя я.

И в синее небо,
Что над головой,
Иесус поведет

Меня за собой!
Иесус поведет
Меня за собой!

Они пропели несколько раз последнюю строфу, и песня закончилась.

На несколько секунд повисла тишина, наполненная дрожащим эхом ушедшей музыки.

— Лорди опять фальшивил, — заметила Толстуха. — Лорди, пропой, пожалуйста, еще раз “Иесус поведет меня за собой!”.

Лорди послушно пропел. Он действительно ужасно фальшивил. Многие рассмеялись. Лорди пропел это еще раз, довольный произведенным эффектом.

— Достаточно, — поморщилась Толстуха. — На концерте в этом месте просто молчи. У остальных выходит замечательно! Великолепно! И если Лорди не будет петь припева вместе со всеми, получится изумительно!..Давайте-ка еще раз!

Грета набрала побольше воздуха в легкие и приготовилась петь.

3

Урок истории Церкви начинался, как и всегда, с легкого гула. Учитель листал журнал. Речь шла о прогулах. Грета знала, чьи имена Учитель назовет в первую очередь, она испытывала легкое беспокойство, обычное в таких случаях. Урок начался с того, что Учитель отсадил Пола обратно к Грете, но по поводу линейки так ничего и не сказал. Марек демонстративно вздохнул с облегчением, видя, что его враг возвращается на прежнее место. Альварес тут же направился к парте Марека, но Эни неожиданно опередил его:

— Альварес, ты не против, если мы с Мареком немного поболтаем? Хочешь — садись на мое место!

И Альварес поплелся по проходу в конец класса, неся в руках свои конспекты.

Грета услышала, как Учитель сказал:

— Больше всего пропусков получается у Пола, у Клайса… у Греты… у Марека и у Эни. Эти пятеро — чемпионы по прогулам. Я надеюсь, у всех имеются справки?.. Грета, я не про тебя — твоя справка у меня уже есть…

Грета победно улыбнулась Красавчику Эни.

— Кроме того, есть еще Бонга… — продолжал Учитель.

— У меня справка!.. — крикнул тот.

— …И Готтлиб…

— Ну, это понятно, — хмыкнул кто-то. Послышались смешки. Готтлиб поправил прядь слипшихся волос, что-то сказал Красавчику Эни, повернувшись назад.

— …И Альварес, — перечислял Учитель, спокойно перекрывая поднявшийся шум. — И Пельке… Вот, только у Мариты семь прогулов, из них — три по математике и четыре — по физкультуре…

— Она боится играть в баскетбол! — презрительно протянул Алдыбей.

Очкастая Марита, игнорируя эту реплику, поднялась со своего места.

— Я же приносила справку!

— Все твои справки подшиты к журналу, не беспокойся. Но что ты скажешь на экзамене? Я не выучила математику, у меня есть справка?.. Садись… Эни, а ты почему пропустил две грамматики?

— А он грамотный! — раздалось из глубины класса. Снова засмеялись.

— Я прекрасно понимаю, что Эни — грамотный, — сказал Учитель. Красавчик Эни закатил глаза и вздохнул. — Не вздыхай. Твою окончательную грамотность будет устанавливать экзаменационная комиссия… Дети, дети! Нельзя расслабляться! Я в курсе, что началась весна, и всем хочется погулять… Соберитесь! Скоро экзамены. А это — и суровая математика, и беспощадная грамматика… Эни, напомни мне, сколько “М” в слове грамматика?

Засмеялся даже Биттер, который славился своими ошибками на всех диктантах.

— На месте Биттера я не стал бы так веселиться, — тут же прокомментировал Учитель.

Засмеялись еще громче.

— Хорошо, — подытожил Учитель. — Вы все знаете свои слабые места. Соберитесь, до конца учебного года осталось совсем немного. А теперь давайте перейдем к истории Церкви. Итак, запишем: Содружество Христианских Стран. Когда закончились Темные Века, и этот мир вновь озарился

Божественным светом Иесуса, появились те, кто был против. В то время они находились у власти и могли практически все. Узнав, что Он снова в нашем мире, они решили уничтожить Его. И тогда двенадцать верных Его последователей поклялись защищать Его. Позже их назвали “Апостолами”. Многие из апостолов погибли за Него, как и обещали, но им на смену пришли новые… Их — всегда Двенадцать. Они говорят от Имени Иесуса, передают Его заповеди и заветы, они основали Содружество Христианских Стран и добились того, чтобы власть Иесуса на нашем континенте сделалась абсолютной. Итак, вся власть в Христианском Содружестве принадлежит Иесусу. Он — главный над всеми. Двенадцать Апостолов приносят в мир Его волю… Все успели записать? Анна-Люция, ты записала?.. Но остальной мир все еще погружен во тьму. Я говорю про Континент Зла, где находится еретическая Конфедерация Гигаполисов. Та половина планеты, где вся власть принадлежит чудовищам, тварям, не имеющим души… Конфедерация Гигаполисов отказалась признать заповеди Иесуса. Поэтому, Марита, какая главная задача Христианского Содружества?.. Назови мне ее!

Очкастая Марита выпрямилась за своей партой и отчетливо произнесла:

— Космический Крестовый Поход!

Класс захохотал.

— Тише, — серьезно проговорил Учитель, и все успокоились. — Марита права. Миссионеры уходят к звездам, неся Слово Божие, — снова заговорил он. — Пока их немного, ведь в этот путь отправляются лишь самые достойные. Но прежде, чем будет объявлен Космический Крестовый Поход, как обещал нам сам Иесус, необходимо сделать так, чтобы заповеди Его победили на всей Земле… И поэтому миссия нашей страны заключается в том, чтобы объединить весь мир под флагом Христианского Содружества. В Библии сказано: “И придет Спаситель, и те, кто носят Имя Его в душе своей, объединятся под знаменем Его, ибо не прейдет еще род человеческий, как Царствие Божие воцарится на всей Земле”… На всей Земле, Бонга, хватит вертеться! Повтори, что я сейчас сказал?

Марек поглядел на Бонгу с насмешливым интересом. Красавчик Эни тронул его за плечо и стал что-то шептать. Марек кивнул головой и слегка улыбнулся.

Бонга встал из-за парты, оглядел класс страдальческим взглядом.

— Бог сказал, что его Царствие воцарится на всей Земле, — проговорил он.

— Молодец, — похвалил его Учитель. — Садись.

“Двадцать тысяч миссионеров пронзают пространство во имя Иесуса”, - подумала Грета.

— Бог будет управлять всей Землей, всем этим миром, — продолжал Учитель. — И тогда люди уничтожат все оружие, и больше не будет войн, не будет голода, наступит Рай!.. Наступит Царствие Божие!.. К следущему уроку всем написать сочинение на тему: “Каким я вижу Царствие Божие”…

В классе повис унылый гул.

— Следующий урок у вас только в пятницу, так что времени больше, чем достаточно! — повысил голос Учитель. — Сочинение должно быть минимум — два листа! Поразмыслите на эту тему! Все, можете идти!

Это был последний урок на сегодня, и Грета торопливо запихивала в бэг свои вещи. Гипс никак не влезал, она решила нести его просто так.

Анна-Люция шепталась о чем-то с очкастой Маритой, старательно делая вид, что не слышит, как поет Алдыбей:

“Люция-Люция,

Люция-поллюция!..”

Астронавт, шагая по проходу по направлению к Грете, сбился с шага.

— А ты, Астронавт, каким видишь Царствие Божие? — спросил Пол, заступая ему дорогу.

Астронавт, презрительно ухмыльнувшись ему в лицо, обошел его и с достоинством удалился.

— Видели? — спросил Пол у Клайса и Греты. — Они думают, раз меня избили сегодня электрокнутом, значит, можно ТАК улыбаться!

— Не здесь, — попросил Клайс. У Греты загорелись глаза. Конечно, не здесь! В школе драться нельзя, это поняли все, даже самые тупые (Грета взглянула на Лорди), но вот пропороть Астронавту шины…

— У меня есть идея! — сказала она Полу, и побежала следом за Астронавтом, надеясь его обогнать.

Краем глаза отметила, как Марек и Эни переглянулись между собой. Пускай! Пол был прав. Если его наказали при всех, это еще не значит, что каждое ничтожество может смотреть на него с презрением. Пол, Клайс, Бонга с Алдыбеем и здоровяк Лорди поспешили за ней.

Астронавта они подождали на школьной стоянке, возле его велосипеда. Шины были уже пропороты выкидухой Пола, оставалось лишь хорошенько унизить самого Астронавта. Но тот пришел не один.

— Вы что тут третесь? — крикнул Марек, подходя быстрым шагом, а Красавчик Эни добавил:

— Хотите украсть велосипед?

Грета с сожелением подумала, что стоило пропороть шины на всех Бродяжьих велосипедах.

— Вы приняли это ничтожество в свою банду? — поинтересовалась она. — Марек, как ты мог?

— Я как раз хотел поговорить об этом, — Марек подошел вплотную. За его спиной тяжело дышали запыхавшиеся Бродяги — Красавчик Эни, Готтлиб, весь в черном, похожий на князя Тьмы, тупорылый Биттер и рыжеволосый Фрайс. И даже… Грета, вытянув шею, заглянула Мареку за плечо.

— Дон Альварес, — медовым голосом пропела она. — Он-то как здесь оказался?

— Что ты хотел сказать? — Пол был абсолютно серьезен.

— Я предлагаю встретиться на Полигоне, — проговорил Марек негромко. — И решить все вопросы там.

— Тогда берите с собой Астронавта, — попросил Клайс.

— Договорились. — Марек, заложив руки в карманы, не двигался. Пол — тоже. Им не нужно было слов, ненависть в словах не нуждается.

— Идем, Пол. — Клайс обнял друга за плечи. — Идем же! Здесь полно людей!..

— Встретимся завтра на Полигоне, — согласился с Мареком Пол.

— После школы, — добавил Марек. — В шесть вечера. Можете взять с собой ваш детский сад, — он мотнул головой в сторону Бонги и Алдыбея.

— И вы захватите своих педиков, — указала Грета на Красавчика Эни и сумрачного Готтлиба.

— Ты за это ответишь, — прошипел Эни.

— Жду — не дождусь! — оскалилась Грета.

Марек развернулся и зашагал прочь.

4

Алдыбей, одержимый идеей взломать кодовую дверь военного бункера, принес взрывчатку, как и обещал.

Начинался вечер. Грета, Клайс и Пол жгли костер посреди своего укрытия, ожидая товарищей.

Грета смотрела на сводчатый потолок с облупившимися фресками. По потолку перемещались тени, смешивались с

клубами дыма. Пол привлек ее внимание, протянул баллончик.

— Два часа уже прошли.

Она поняла. Подождала, пока Пол задерет футболку. Электрокнут оставил какие-то ерундовые ссадины, и это удивило ее.

— Что? — спросил Пол.

Грета нажала на кнопку, струя пены ударила ему в спину.

— Как следует мажь! — проворчал Пол. — Размазывай руками!

— Почему у тебя почти не осталось следов? — спросила она, вдыхая мятный запах пены.

— Потому что я тех.

— А если честно?

Он недовольно посмотрел на нее.

— Железная Нога воспользовалась военной аптечкой, я видел. Она думала, что я без сознания… Только знаешь, она не обязана делать таких подарков. Ты молчи про это, хорошо?

И тут послышался условный свист, а минутой позже появился Алдыбей с небольшим рюкзаком за плечами.

— Я принес! — крикнул он. — Как и договаривались, да?

— Что ты принес? — лениво спросил его Клайс.

— Вот! — Победно оглядев товарищей, Алдыбей вывалил содержимое рюкзака к ногам Пола. Это были брикеты с маркировкой, судя по всему — взрывчатка.

— Одна из сторон намагничена, — пояснял Алдыбей, оживленно жестикулируя. — Вот в этот разъем вставляется шнур, здесь зажим, видишь? А вот шнур… Пары упаковок нам вполне хватит!

Клайс непонимающе поглядел на Пола.

— Хватит для чего?

— А бункер?! — воскликнул Алдыбей. — Ты забыл, да?!

Пол закрыл глаза.

— Только не бункер…

— Вы же хотели! — заморгал Алдыбей. — Мы же договаривались!.. Я же специально тащил все это!..

— Откуда у тебя взрывчатка? — хмуро спросил Пол.

— Откуда надо, оттуда и взрывчатка! — желчно отозвался Алдыбей. — Ну вас к черту! Сначала говорили, а сами!..

— Хорошо, — неожиданно согласился Пол. — Извини, я совсем забыл… — он повел плечами. Грета закончила размазывать мятную кашицу по его спине, оставалось подождать, пока все засохнет.

Алдыбей смущенно засопел крючковатым носом. Он

вспомнил, что Полу сегодня досталось, и устыдился собственного эгоизма.

— Это ты извини… Если ты не хочешь, я сам все сделаю.

— Нет, — сказал Пол. — Мы отправимся туда все вместе. Только дождемся Лорди и Крэша… И Бонгу, разумеется, тоже.

Алдыбей затанцевал с двумя упаковками пластида.

— Там стопудняк куча оружия! — затараторил он. — Мы перестреляем этих Бродяг, как щенков!

Грета глядела на него с улыбкой.

Снова послышался условный свист.

— А вот и Бонга! — воскликнул Алдыбей.

Он не ошибся. Бонга вошел в помещение святилища, вытирая пухлые губы. Он только что что-то доел.

— А мы идем взрывать бункер! — обрадовал его Алдыбей.

— У-у, — протянул Бонга, проглатывая последний прожеванный кусок. — И когда?

— Сегодня.

— Правда? — спросил Бонга у Пола. Тот кивнул.

— А это что? Взрывчатка? Дай заценить!..

— Не получится! — вдруг сказал Клайс, и все посмотрели на него.

— Шаман закрыл все дороги на нейтральной полосе, — добавил Клайс. — Если только…

Теперь все смотрели на Грету.

— В тумане нельзя ходить по закрытой дороге, — проговорила она. — Вы и сами все знаете.

— Ты ее откроешь! — почти прокричал Алдыбей.

Она отвернулась. Правда заключалась в том, что у нее могло не получиться, но как это объяснить друзьям, считающим, что магия — это просто?..

— Грета, — умоляюще протянул Алдыбей. — Ты хотя бы попробуй!

— Хорошо, — согласилась она. — Я попробую.

Постепенно все успокоились. Алдыбей и Бонга притащили еще досок, добавили в костер. Это было замечательно — сидеть вот так и смотреть на гудящее пламя. Говорить не хотелось. Грета положила голову Клайсу на плечо и закрыла глаза. Сначала она была погружена в свои мысли, но потом стала прислушиваться к рассказу Алдыбея про Хрустальный Дворец.

Алдыбей утверждал, что происходит из древнего рода, столь богатого и благородного, что до Второго Пришествия его предки владели целым островом. В знак своей власти они выстроили огромный дворец из горного хрусталя и украсили его золотом и

драгоценными камнями. И Алдыбей мечтал разыскать этот остров, когда вырастет, и обещал Бонге, если тот поедет с ним, золотые горы и место Главного Визиря. Поскольку сам Алдыбей является не кем-нибудь, а Наследным Принцем, этот дворец со всеми сокровищами принадлежит ему, как единственному потомку некогда многочисленного рода. По мнению Алдыбея, было достаточно приплыть на этот остров с верными друзьями, и Хрустальный Дворец обрел бы тогда своего настоящего хозяина.

— Бонга — Главный Визирь? — переспросил Пол с таким выражением, будто пелена упала с его глаз.

Алдыбей, уловив насмешку, сверкнул глазами.

— А что?

Пол недоверчиво хмыкнул. А Клайс сказал:

— Нет, мы не станем смеяться над такими вещами, как мечта. Может, и вправду есть Хрустальный Дворец, принадлежащий нашему другу Алдыбею. Может, есть и счастливая страна, где не сжигают по праздникам на кострах… Может, достаточно приплыть туда со своим лучшим другом, чтобы стать королем…

Грета услышала, как Алдыбей тяжело вздыхает. Бонга встревоженно посмотрел на него.

— Клайс, — умоляюще проговорил он. — Ведь такая страна есть… Это сейчас мы — никто. Но потом…

Он не умел так выражать свои мысли, как Клайс или Пол, но Алдыбей понял. На его лице расцвела улыбка.

— Ты станешь моим Главным Визирем, Бонга-бей, — произнес он очень торжественно.

Грета глядела на них во все глаза. Это напоминало древнюю сказку про Принца, который лишился всего, но не утратил силу духа, чтобы бороться за свое королевство. За то, что принадлежало ему по праву. Это было красиво.

— А вы… поплывете с нами? — осторожно спросил Алдыбей, глядя на Грету.

— Алдыбей, — сказала Грета. — У нас есть своя страна. Пускай в ней сжигают на кострах… Тем более мы должны остаться и попробовать хоть что-то сделать… Я могу рассказать, что я видела в своих снах.

Бонга подбросил щепок, костерок полыхнул с новой силой. Все придвинулись к огню, касаясь друг друга плечами.

— Когда-то здесь были поля, — тихо говорила Грета. — Здесь, на нашем Полигоне. И текла синяя река. Не было военных, не было техов, не было ракет, не было следов от танковых траков… А был добрый Бог, который за всем здесь присматривал. Но потом пришло Зло. Я знаю, я видела его. Ночью, когда туман, оно принимает свои истинные очертания, и тогда каждый, кто

рискнет войти в туман и пройти по закрытой дороге, увидит, что это — боевой дракон. Богу стерли лицо, чтобы он не видел, во что превращается мир… Так вот, Алдыбей, в этом и состоит моя мечта. Я хочу сразиться с Драконом.

Лорди и Крэш появились вместе с весенними сумерками.

— Чего так долго? — накинулся на них Алдыбей. — Не могли быстрее, да?

— Вы же сами сказали… — начал Лорди.

— …Прийти вечером, — закончил Крэш.

— Ну что, отправляемся в путь? — Пол встал, одернул военную куртку. — Алдыбей, клади взрывчатку в рюкзак и пошли.

При слове “взрывчатка” маленькие глазки Лорди выкатились из орбит.

— А что мы будем делать?

— Увидишь, — пообещал Пол. — По велосипедам!

Они вышли наружу и огляделись. Туман висел в неподвижном воздухе, было тепло. Дороги размокли. Кое-где все еще держалась твердая корка зимнего снега, все остальное покрывала весенняя грязь.

— Держитесь за мной, — сказал Алдыбей, включая рулевой фонарик.

И они поехали сквозь туман. Путь петлял через песчаные холмы, мимо крана, с которого Грета однажды падала, мимо сектора, обнесенного колючей проволокой и с заброшенными вышками, мимо куч щебня, белых от снега, по недостроенному мосту, а дальше, сразу за железной дорогой, начиналась нейтральная территория, закрытая шаманом. Они остановились, съехав с моста, и слезли с велосипедов. Грета посмотрела вперед. За канавой местность начинала понижаться, дорога уходила в туман. Между мостом и канавой лежал пласт нетронутого снега, чудом уцелевший в потоках теплого воздуха.

Грета положила велосипед на землю и шагнула за полосу черной земли. Она прекрасно знала, что ей делать. Каким бы ни было колдовство шамана, против ЭТОГО вряд ли оно устоит…

Дойдя до середины снежной поляны, Грета вытащила из кармана свое распятие. Намотала на руку цепь, сомкнула на кресте пальцы. Она знала, каким должно быть лицо Иесуса. И этот крест в ее руке тоже помнил, каким оно должно быть. Она рисовала по памяти, но получалось довольно похоже.

“Завтра подует теплый ветер, и ты растаешь”, - говорила она, рисуя Монстроборцу глаза. — “И этот мир снова окажется без лица. Как танк или боевой крейсер… Но сейчас ты можешь видеть то, что происходит… Посмотри на меня, Иесус. Это я, Грета! В

той книге было сказано — “ Если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю”, так я прошу…”

И, выпрямившись, крикнула в белую мглу перед собой:

— Именем Иесуса, я открываю эту дорогу!

Несколько минут ничего не происходило, потом поднялся ветер, и туман задвигался, нехотя расползаясь в стороны.

Дорога была открыта.

Бункер почти не выделялся среди холмов. Алдыбей отыскал его случайно и несколько раз прибегал сюда, чтобы проследить, есть тут кто или нет, но возможность вскрыть дверь выдалась только теперь. Алдыбей был счастлив. Монахи столпились возле бронированной двери, ожидая его распоряжений.

— Заляжем вон там, — указал Алдыбей на овраг, полный слежавшегося снега, метрах в пятидесяти.

— Ты точно уверен, что он заброшен? — в который раз переспросил Бонга.

— Зуб даю! — в который раз повторил Алдыбей. — Спрячешься в овраге, ты понял?

Бонга хмуро кивнул.

— Иначе тебе яйца оторвет, — засмеялся Юнит щербатым ртом. Он придерживал собаку за ошейник, собака улыбалась и виляла хвостом.

Когда все уяснили, куда им бежать, Алдыбей положил на землю рюкзак и неторопливо вынул оттуда два брикета взрывчатки. Осмотрел их со всех сторон, деловито поплевал сначала на один, потом на другой, и с размаху припечатал их к железной двери. Бункер ответил недовольным гулом. Алдыбей достал из рюкзака моток шнура, отрезал охотничьим ножом два одинаковых куска и вставил их в зажимы на брикетах. Лорди и Крэш следили за его действиями с нескрываемым уважением, Бонга потихоньку пятился назад.

— Дай зажигалку, — попросил Алдыбей у Юнита. Тот достал из кармана бензиновую зажигалку с колесиком, крутанул колесико о бедро и протянул ее, зажженную, Алдыбею. Алдыбей поджег по очереди оба шнура и обернулся к товарищам.

— А теперь — бежим!

И все побежали к оврагу.

Им оставалось прыгнуть вниз, когда земля и воздух мощно вздрогнули, а потом сила, пришедшая извне, швырнула их далеко вперед. Грета поняла, что кубарем катится по каменистому склону, рот был забит снегом и землей… Она прикрыла голову руками, но осознала это, когда уже лежала неподвижно, вниз

лицом. В ушах звенело. Она подняла голову и увидела снежную пыль, облаком оседавшую на землю.

Рядом лежал Юнит, глядя на нее округлившимися от шока глазами.

— Вот это да! — прошептали его губы. Грета поняла, что он сказал, и слегка улыбнулась.

Поднявшись на ноги, она огляделась. Пол и Клайс сидели в снегу справа от нее и смотрели друг на друга, и выражение их лиц было совершенно одинаковым, восторженно-ошарашенным, почти как у Юнита.

За кустами слева Бонга тормошил чье-то тело, его курточка мелькала за переплетением голых ветвей. Грета подбежала к нему и увидела Алдыбея, мертвенно бледного, с закатившимися глазами.

“Я же открыла дорогу!” — подумала она, чувствуя, как звон в ушах растворяется, уступая место панике. — “Никто не должен умереть!..”

Бонга хлестал Алдыбея по щекам, голова Принца безвольно моталась из стороны в сторону.

Толстяк что-то говорил, но Грета не понимала ни единого слова. Ее ноги подкосились, она упала на колени рядом с Бонгой и поймала его взгляд, полный отчаяния. Что-то прорвало плотину в ее ушах, звуки хлынули волной.

— Алдыбей! — повторял Бонга, едва не плача. — Алдыбей!.. Посмотри на меня… Это я, Бонга… Твой друг… Алдыбей! Грета, правда, он не умер? Он ведь живой? С ним все в порядке, правда?.. Грета, почему ты молчишь?..

Она протянула руку и коснулась груди Алдыбея. Закрыла глаза. Скулеж Бонги отодвинулся на задний план, вместе со стонами Лорди и звуком приближающихся шагов. Она постаралась почувствовать пространство, и у нее получилось. Она научилась этому в своих снах, после того, как у нее появилось распятие с лицом Бога…

Стены синего огня надвигались, они были силой в чистом виде, они текли через ее руки в грудь неподвижного тела, наполняя его жизнью. Ладони сделались горячими, как если бы в них лежали раскаленные угли, и Грета едва не кричала от боли. Синее пламя бушевало у нее в голове, оно струилось по венам, оно срывалось с кончиков пальцев, и главным было вытерпеть все это…

Потом навалилась тьма, и когда Грета снова открыла глаза, Клайс поддерживал ее за плечи.

Алдыбей метался на земле, будто всплывая со дна, потом он резко сел и судорожно втянул в себя воздух. Его лицо было

перекошено судорогой, он дышал так, будто пролежал несколько минут под водой. Взгляд черных глаз был диким, когда он по очереди оглядел собравшихся вокруг друзей. Бонга вздохнул с нескрываемым облегчением.

— Уф!.. Как ты напугал меня… Я уж было подумал…

— Мне выбило руку из плеча, — робко пожаловался Лорди. — Кто может вправить?

— Я! — вызвался Крэш.

— Нет! — закричал Лорди, махая здоровой рукой. — Только не ты!..

— Ты как? — спросил у Алдыбея Пол. Из носа того текла кровь, но он уже улыбался, так же самоуверенно, как и всегда.

— Порядок! Ну что, идем смотреть, да?

— Давайте отсюда уйдем! — попросил Бонга.

— Ну уж нет! — решительно ответил Алдыбей, вставая на ноги. — Ох, черт! — вырвалось у него в следующий момент. — Башка просто раскалывается… Я потерял сознание, да?

— У тебя сотрясение мозга, — сказал ему Пол, но смотрел он только на Грету. — ВСЕГО ЛИШЬ сотрясение мозга…

Его взгляд был взглядом инквизитора.

Он все понял.

— Нет у меня никакого сотрясения! — фыркнул Алдыбей, вытирая кровь рукавом. — Вы идете или как?..

— Кто-нибудь вправит мне плечо?! — потребовал Лорди, и Бонга истерично захохотал.

Кодовый замок не открылся, но зато образовалась пробоина, достаточная для того, чтобы пролезть. Изнутри валил дым. Грета увидела, что Пол засветил свой фонарик, и сделала так же.

Они поочереди пролезли в дыру и начали кашлять — пыль, смешанная с едким дымом, забивала легкие. Конусы света от фонарей зашарили по темному помещению. Когда пыль немного осела, стали видны темные экраны обзора вдоль стен, пульт со множеством кнопок и два стола.

— Ничего не трогать! — распорядился Пол, и Бонга испуганно отдернул руку от какой-то кнопки.

Алдыбей по-хозяйски прохаживался по помещению, разглядывая предметы обстановки. Клайса заинтересовал один из рабочих столов. Он направился к нему, начал выдвигать ящики и неожиданно замер. Грета увидела, как он что-то кладет во внутренний карман своей куртки. Она быстро осмотрелась. Похоже, никто не обратил на это внимания. Пол вытаскивал из соседнего стола какие-то папки.

— Ты что-то нашел? — подскочил к нему Алдыбей.

— Пока не знаю, — ответил Пол. — Положишь это к себе в рюкзак?

— Давай! — Алдыбей выхватил у него папки и затолкал внутрь рюкзака.

— Что это, Пол? — спросил Крэш, подходя к пульту и светя на него фонариком. — Это для чего?

— Это ключи от звезд, — усмехнулся Пол.

— Что? — не понял Крэш.

— Ключи от звезд, — повторил Пол. — Поворачиваешь ключ… и звезды падают.

Грета взяла со стола фотографию в рамочке. На ней была какая-то жирная баба с перепуганным ребенком, на фоне незнакомого пейзажа. Она поставила фотографию обратно. Брать здесь было совершенно нечего. Не сдирать же со стен экраны! Да и куда их потом девать?

— Уходим, — сказал Пол.

— Я что-то нашел! — вдруг завопил Алдыбей. — Я нашел рации!

— Бери их и пошли! — Пол уже вылезал. Грета и Клайс последовали за ним. Собака, стоявшая возле дыры, замахала хвостом.

— Что ты нашел? — шепотом спросила Грета, дергая Клайса за рукав.

— Пистолет, — так же тихо ответил он.

— Правда?!

— Тссс!

— Что такое? — заинтересовался Пол. — Что?

— Потом, — сказал Клайс, глядя, как Бонга протискивается в пробоину. На его яркой курточке грязь была особенно заметна.

СРЕДА

1

Грета стояла у окна, глядя, как белая пелена метели накрывает Полигон и подступает все ближе и ближе с порывами ветра. Колокола захлебывались снегом, казалось, что белые стены за окном — это тело какого-то существа, а колокольный звон — биение его сердца. Сегодня было замечательное утро — единственное на неделе, когда “они” сваливали на работу пораньше.

Сегодня можно было не торопиться.

— Ты уже проснулась? — спросил Клайс, заглядывая в комнату.

— Посмотри, — сказала Грета. — Там метель.

Он подошел, встал рядом.

Они замерли в неподвижности, глядя, как крупные хлопья стучатся в закрытое окно. Метель поглотила весь мир, Полигон утонул в белом.

— Каждое утро за этим окном пустота, — Грета прикоснулась пальцем к оконному стеклу, за которым шевелились белые стены. — Каждое утро Полигон рождается заново… За твоим окном — то же самое?

— Абсолютно, — ответил Клайс. — Все исчезло. Как если бы Бог сотворил этот мир и отказался от него.

— Его заставили отказаться, — проговорила Грета. — Если открыть окно, мы тоже исчезнем.

Колокола тонули в снегу, их перезвон становился все тише и тише.

Они, не торопясь, позавтракали, и Клайс притащил на кухню пистолет.

— Вчера не было времени рассмотреть его, я решил это сделать сегодня. — Он выщелкнул обойму и издал разочарованный стон.

— О, черт! Грета, посмотри!

Обойма была пуста. Вернее, не совсем…

— Вижу патрон, — Клайс передал Грете обойму. — Но он совсем один…

— Кто-то не успел им воспользоваться, — мрачно усмехнулась Грета.

— Возможно, — отозвался Клайс. Он вертел пистолет и так, и этак, щелкал предохранителем, клацал курком…

— Эх, — вздохнул он, наконец. — Это можно делать бесконечно.

Вставив обойму обратно, он отнес пистолет в свою комнату.

— Возьмешь его с собой на разборку? — поинтересовалась Грета, когда он вернулся.

— Скорее всего… Ну что, пошли в школу?

Острые шпили храма тонули в небе, снег сыпался так густо, что дальний конец площади терялся за белой стеной. Они залезли с ногами на скамейку и стали ждать. В верхних оконцах башенок горел мягкий свет. Грета покосилась на Клайса. Тот, не отрываясь, глядел на собор, и снежинки ложились на его отросшие волосы. Снег засыпал город, как и тысячу лет назад.

“Где же Пол?” — подумала Грета. — “Он же все пропустит! Как я потом смогу ему об этом рассказать?.. Про то, как снег растворяет целый город, а вспышки рекламных щитов напоминают сигналы бедствия?.. Мы оторваны от мира. Мы плывем на льдине посреди облаков…”

С хрустом наступая на снег новыми ботинками, к скамейке подошел Бонга. Сел рядом с Гретой и принялся вытаскивать сверток за свертком из своего бэга.

— Ты что, не успел позавтракать? — хмыкнула Грета.

— Некогда было, — отмахнулся Бонга, выбирая бутерброд покрупнее.

— Чем же ты был занят? — удивился Клайс.

— Хотел подольше поспать.

Он разорвал обертку и начал есть.

— Все эти люди заражены, — сказала неожиданно Грета, и Бонга поперхнулся.

— Чем? — спросил он, испуганно озираясь.

Прохожих было довольно много, как и всегда в этот час. Люди шли, пряча лица от метели, глядя под ноги, и, если присмотреться, двигались они примерно одинаково.

— Спорами инородного разума, — ответила Грета. — Они не понимают этого, но все они ужи мертвы.

— И как же заражаются этими… спорами? — Бонга, поняв, что Грета просто шутит, зачавкал с удвоенной силой.

— Очень просто, — негромко проговорила Грета. — Однажды на твоей ладони вырастет рот. Ты пожмешь ладонь своему другу и неожиданно откусишь ему полруки. А потом у тебя начнет расти голова. И однажды ты обнаружишь себя в толпе с таким же точно лицом, как у этих людей. А потом твоя голова взорвется, и споры рассеются по ветру…

Клайс засмеялся.

— Ты специально рассказываешь гадости, когда я ем? — возмутился Бонга. — Это у ТЕБЯ взорвется голова! Ты сама — инопланетный разум!

— Я ношу артефакт, — Грета брякнула в кармане звеньями цепи. — Монстроборец любит меня.

— Откуда ты знаешь? — прищурился Бонга.

— От него самого!

— А больше он ничего тебе не сказал?

— Сказал, что каждый вечер ты дрочишь в ванной на фотографию Гиты Ландриты…

Клайс захохотал. Бонга толкнул Грету в плечо, и она упала на Клайса.

— Над чем смеетесь? — Пол подошел совершенно бесшумно, как умел только он. За его спиной возвышалась фигура Лорди. Потом показался Юнит.

— Вы тоже сегодня без великов? — обрадовался он.

Все трое остановились напротив скамейки.

— Подвинься, — попросил Юнит у Бонги.

— Еще чего, — отозвался тот. — И так места мало…

— Еще бы, — ехидно заметил Юнит. — С такой-то жопой!.. Рассказать сказку?

— Расскажи, — хмыкнул Пол.

— Жили-были Нахуй, Похуй и Нихуясебе. Нахуй был очень агрессивным, Похуй — меланхоличным, а Нихуясебе все время чему-то удивлялся… Это я сам придумал, — добавил он какое-то время спустя, насладившись реакцией товарищей.

Бонга полез в карман за жвачкой и выронил ключи, и все увидели, что к брелку был приделан патрон на цепочке.

— Дай заценить, — тут же прицепился Юнит.

— Еще чего, — отозвался Бонга.

— Гондон ты… с квантовым генератором! — Юнит сплюнул через дырку между зубов.

— Зачем ты носишь этот патрон? — насмешливо прищурился Пол. — В тебя что, им стреляли?

Лорди гоготнул.

— А ты? — неожиданно вскинулся Бонга. — Ты-то сам? На фига ты носишь куртку с зашитыми дырками? — он демонстративно указал на аккуратную штопку. — В тебя, наверное, тоже стреляли? Или ты сам их ножницами прорезал, а потом зашил?

И Бонга поглядел на Лорди. Тот даже не дышал от восхищения. Так срезать самого Пола!..

Грета и Клайс захихикали.

Когда Бонга поворачивал голову обратно, Пол схватил его двумя пальцами за нос, и все неожиданно изменилось. Теперь Бонга повизгивал от боли, а Пол, не торопясь, водил его за нос из стороны в сторону, выговаривая ему строгим голосом:

— Это куртка моего отца, Бонга. Мой отец был техом на “М-1000”, ты даже не знаешь, что это такое. А это — инквизиционный крейсер, понял? Потом он зашил дырки от пуль и подарил эту куртку мне. И поэтому я ношу ее.

Он разжал пальцы, и Бонга с воем облегчения закрыл лицо руками.

— Он же не знал, — вступилась за Бонгу Грета.

— Так нечестно! — Толстяк даже не скрывал своих слез. — Ты же мог просто сказать!

— Ну, извини, — Пол развел руками. — Я думаю, все понимают, почему я так поступил: Бонга в издевательской форме намекнул на то, что я прорезал дырки сам, а выдаю их за пулевые отверстия. Я вышел из себя, поскольку это — дорогая для меня вещь, и сделал ему “сливку”. Или кто-то считает, что я не прав?

— Да ладно вам ссориться! — попросила Грета, а Клайс добавил: — Лучше покажи патрон!

Бонга засопел. Ему очень хотелось похвастаться брелком, но он опасался, что патрон у него заберут. Хвастовство пересилило. Он нехотя протянул Клайсу брелок вместе с ключами.

Все по очереди принялись трогать патрон.

— Это от Т-300, - уверенно заявил Пол, возвращая Бонге его вещь. — Это такой здоровенный пистолет, стреляет разрывными. Мне папа рассказывал…

— Лорди, а правда, что ты в детстве проглотил игрушечный автомат? — неожиданно вспомнил Юнит. — Мне Полли рассказывал…

Друзья захохотали.

Какая-то женщина, шедшая мимо, остановилась напротив.

— Ишь, расселись! — у нее был резкий, неприятный голос, даже более неприятный, чем лоснящееся щекастое лицо. — С ногами на скамейку залезли! Постыдились бы, около церкви!

Пол поглядел на нее расфокусированными глазами и сказал:

— Говорите громче, у меня плохое зрение!

— Я сейчас полицию вызову! — с неожиданной злобой взвизгнула женщина. — Ну-ка быстро слезть со скамейки!

— Мой папа — инквизитор, — откликнулся Пол. — Он сожжет тебя на костре!

— За такие слова ты попадешь в Ад, когда подохнешь! — заорала на него женщина.

— А разве вы не знаете? — удивился Юнит. — В момент смерти личность архивируется!

— Ах ты… — женщина кинулась к нему, пытаясь схватить, но Юнит увернулся. Моментально слепив снежок, он запустил им прямо в заплывшее кричащее лицо.

И Монахи с хохотом помчались через площадь.

2

На математику они опять не успели, поэтому отправились гулять. Метель утратила свою изначальную мощь, теперь снег падал плавно и неторопливо. Дороги замело, машины ехали медленно. Полицейский регулировщик напоминал живой сугроб.

Они зашли в кафе перекусить и молча смотрели в огромное окно. Говорить не хотелось.

Потом, не торопясь, побрели к школе.

Метель затихала. Наверное, это был последний весенний снег.

Они пришли в школу как раз к перемене. После математики начиналась сдвоенная физкультура, баскетбол, и этот предмет они не пропускали никогда.

Грета открыла свой шкафчик и быстро переоделась в спортивную форму. Застегнула защитные щитки на локтях и коленях, надела шлем и выбежала в зал. Начиналась разминка. Когда каждый пробежал положенные десять кругов по школьному стадиону, Тренер построил их в шеренгу. На его толстой шее висел светящийся свисток.

— Все знают правила? — крикнул он.

— В баскетболе нет правил! — хором ответил класс.

Всего игроков было двадцать, кто не хотел играть, тот не играл, но среди подростков это считалось позором — и у Монахов, и у Бродяг, и у тех, кто не был ни тем, ни другим. В основном из-за этого к Астронавту и относились с таким презрением — он не играл в баскетбол, а предпочитал отсиживаться в дальнем углу, куда не долетал мяч.

— Построились по командам! — крикнул Тренер.

Монахи, как обычно, заняли половину под синим кольцом. Вместе с Монахами играли трое Спортсменов, вместе с Бродягами — четверо. Спортсмены были отличными ребятами, полностью упертыми в спорт. Им не было дела до Полигона, а навалять они могли за милую душу, поэтому как Бродяги, так и Монахи

старались расходиться краями с этими баскетболистами.

Грета увидела, как входит Лейз — в юбке чуть ниже колен, в модных сапожках, и посмотрела на Клайса. Лейз махнула ему рукой, села так, чтобы лучше его видеть. “Зря ты туда села,” — злорадно подумала Грета и тоже помахала Лейз рукой. Та отвернулась. Бродяги стояли напротив, вдоль светящейся линии, их взгляды не предвещали ничего хорошего. Тренер дунул в свисток, одновременно подбрасывая мяч. И проворно отпрыгнул назад. Монахи и Бродяги бросились к мячу. Две волны столкнулись.

В баскетболе нельзя было драться распятием, все остальное было можно. Лорди, Крэш и Дафти клином вошли в строй Бродяг. Им навстречу прыгнули Биттер, Фрай и Мегапиксель. Все шестеро были примерно равны по силам, они и устроили основную драку. В эту давку лучше было не соваться. Грета, сбив с ног тощего Готтлиба, помчалась по территории противника. Мяч был пока что у Алдыбея. Перед Гретой возник Эни, он улыбался сквозь защитное стекло своего шлема.

— С дороги, дешевка! — крикнула ему Грета, напрыгивая плечом. Алдыбей бросил мяч, Грете удалось его схватить. Эни попытался выбить мяч коленом. Грета, не обращая на это внимания, бросилась вперед, прижимая мяч к груди. Марек и Готтлиб были уже совсем близко. Пол, вырвавшись из кучи-малы на центральной линии, неожиданно оказался под кольцом. Грета кинула ему крученую подачу, и Пол, подпрыгнув, с двух рук впечатал мяч в красный квадрат над кольцом. Мелодично скрипнула сирена.

— Один ноль в пользу синих! — прокричал Тренер в голосовой усилитель. — Мяч на линию!

Грета обожала баскетбол. Это был прекрасный способ досадить Красавчику Эни на совершенно законных основаниях. С Мареком она предпочитала не связываться, зная, что, как бы Марек ни ненавидел ее, первым он все равно не полезет. Готтлиба она отгоняла пинками.

Тренер подбросил в воздух мяч, и тут же вспыхнула новая драка.

Грета пыталась прорваться за линию, но ее уже поджидал Эни. Они столкнулись, покатились по полу, дубася друг друга изо всех сил. Кто-то упал сверху, и Грету впечатало в покрытие. Из легких выбило запас воздуха. Эни елозил по ней, пытаясь выползти из-под немыслимой тяжести.

Грета разглядела сквозь плавающие перед глазами пятна, что

на спине Красавчика лицом вниз лежит Лорди, которого мутузит Мегапиксель, не давая ему встать. Перекошенное лицо Лорди издавало вой ярости и бессилия.

“Господи, скорее бы сирена!” — подумала Грета. Эни судорожно конвульсионировал, сдавленно матерясь, но никуда не продвигался. Грета начинала задыхаться. Лицо Красавчика было прямо над ней, чуть наискосок, и она видела сквозь прозрачное забрало совершенно ясно, что у того опять накрашены губы. Когда она начинала терять сознание от нехватки кислорода, прозвучала сирена, и Мегапиксель упал на четвереньки. Он здорово увозился, сдерживая рывки разъяренного космодесантника. Красавчик Эни со стоном облегчения уронил голову Грете на плечо.

— Да слезь же с меня… пидарас несчастный! — просипела она, пытаясь вздохнуть.

Подошедший Марек стащил Эни за футболку. Улыбнулся Грете:

— Ты получила удовольствие?

Те, кто это услышал, рассмеялись. Грета заскрипела зубами. Прозвучал предупреждающий свисток, и Эни, похохатывая, отправился к светящейся линии.

Едва они успели отдышаться, как начался третий раунд. Теперь Грета была наготове. Она встретила Эни хуком под забрало и прорвалась на территорию Бродяг. Главным было бежать к кольцу изо всех сил, чтобы кто-то из своих смог перебросить мяч. Готтлиб самоотверженно нырнул ей под ноги, она споткнулась, потеряла равновесие и пропустила подачу, мяч перехватил Фруштес. На нем тут же повис Бонга. Грета успела удивиться — толстяку не очень-то часто удавалось забежать так далеко. Обычно он увязал в свалке на линии. Фруштес, прижимая мяч к животу, отбивался от Пола растопыренными локтями. Бонга, подогнув ноги, висел на мяче, а Клайс волочился по полу, вцепившись в ногу Фруштеса. Грета уже вставала, но Марек прыгнул ей на спину, снова сбивая на пол. Он был гораздо сильнее, Грета даже не пыталась сопротивляться.

Марек взял ее в борцовский захват и слегка расслабился. Он блокировал одного из активных игроков, выполняя свою основную задачу.

— Я не хотела нарушить Правило, — сказала ему Грета. — Я узнала об этом, когда вышла из больницы… Мне жаль, что так вышло с твоим братом…

— Меня не волнует, кто это сделал, — ответил Марек, прижимая забрало своего шлема к забралу Греты. — Ты, или кто-

то другой. Мне плевать. Понимаешь?

Он замолчал. Грета отчетливо ощущала, как в его груди колотится сердце.

— Это больше не игра, — сказал он тихо. — Мы больше НЕ ИГРАЕМ в войну. Если мой брат умрет, мы не успокоимся, пока не убьем одного из вас, я обещаю. А потом, когда счет будет равным, можно будет поговорить о прощении.

— А ты уверен, что счет будет равным? — спросила она.

Послышалась сирена.

— А это мы узнаем сегодня, — улыбнулся Марек, вставая.

Грета оглянулась на табло. На нем мерцали синие цифры: два — один, в пользу Монахов.

3

Грета вертелась под душем, смывая пот и усталость после баскетбольного матча. Она с удовольствием подставляла лицо под бьющие струи горячей воды, и ей не хотелось ни о чем думать, и никуда не хотелось отсюда идти. Она потянулась за мылом, и в боку закололо, довольно неприятно.

“Чертов Мегапиксель!” — вспомнила она, пытаясь не засмеяться, чтобы ребра не заболели еще сильнее. Со стороны, наверное, это выглядело безумно смешно: Грета лежит на полу, по ней елозит Эни с перекошенным лицом и накрашенными губами, а сверху Мегапиксель мутузит разъяренного Лорди…

— Ох, — простонала она, усилием воли скручивая хохот. — Черт бы тебя побрал… Жирная слолочь!..

Наверное, пора было идти — прошло уже минут двадцать, но ей не хотелось выходить из-под душа, пока не станет совсем жарко. Она вспомнила мокрый снег, бьющий прямо в лицо, а потом, по цепочке — Полигон и стрелку с Бродягами.

— Сегодня! — сказала Грета, делая воду еще горячее. — Сегодня вы ответите за все, вонючие уроды! Молись, Красавчик Эни!..

Когда она вышла в раздевалку, там уже никого не было — девчонки с параллельного потока, переодевавшиеся на урок физкультуры, уже ушли, и только одна стояла спиной к Грете, напротив большого зеркала.

- “Лейз!” — узнала ее Грета, поспешно вытираясь полотенцем и открывая свой шкафчик электронным ключом.

Лейз, увидив в зеркало, что Грета вышла из душа, медленно повернулась и стала к ней подходить. На ее лице появилась

недобрая усмешка, глаза нехорошо прищурились.

Грета постаралась поскорее одеться, так что, когда Лейз до нее, наконец, дошла, завязывала шнурок на спортивных штанах, в кармане которых лежало распятие.

— Куда-то торопишься? — прошипела Лейз. — Или прячешь от меня свою корявую фигурку?

У самой Лейз под обтягивающей футболкой перекатывались тяжелые груди размера третьего, а то и четвертого. Она специально двигалась так, чтобы Грете это было заметно.

— Да нет, — отозвалась Грета, пряча руку в карман и позвякивая цепью. — Ты, как я понимаю, хочешь со мной драться?

Лейз остановилась напротив. Их глаза встретились.

— Я пришла, чтобы тебя предупредить, — от Лейз пахло потрясающими духами, а еще — табаком и мятными конфетами. — Отстань от своего брата! Разве ты не понимаешь — с ним должна быть я!

И она улыбнулась с оттенком превосходства.

— Вы с ним — брат и сестра, — приподняла она тонкую бровь. — Или я что-то путаю?

— Ты сейчас получишь, — предупредила ее Грета, сжимая цепь. — Не шути со мной! Клайс никогда не полюбит такую шлюху, как ты!

— Я — шлюха? — удивилась Лейз. — Я — женщина, в отличие от тебя! И я буду за него драться… Нет, не так, как ты подумала, — поморщилась она, почти касаясь Греты своей грудью. — Женщины дерутся иначе… Он будет моим, и совсем скоро, вот увидишь! И мне плевать на эту вашу гоп- компанию! А если ты меня хоть пальцем тронешь, мой отец отправит тебя в монастырь для несовершеннолетних, ты меня поняла, сучка? Не становись между мной и Клайсом, не то пожалеешь!..

И, поскольку Грета молчала, смерила ее с головы до ног уничтожающим взглядом. А потом, спокойно повернувшись к ней спиной, пошла по проходу между спортивными шкафчиками.

Грета еще не настолько спятила, чтобы драться в школе, к тому же все знали, что папаша Лейз был другом Директора, а неприятностей у Греты и без того хватало… Она дала Лейз уйти, и, когда та бралась за дверную ручку, негромко сказала ей вслед:

— У тебя нет ни одного шанса, Лейз… Мне жаль тебя.

— Это мне тебя жаль, — улыбнулась та. — Пока, Грета!

И закрыла за собой дверь.

Метель закончилась. Снега нападало столько, что город снова превратился в зимнюю сказку.

Тяжелое небо нависло над шпилем Окраинного Храма, неоновый крест которого терялся на фоне белых облаков. Ветра не было. Пол вышел на школьное крыльцо последним.

— Ого! — вырвалось у него. — Вот это да!

Грета посмотрела вдоль улицы. Школа стояла чуть в стороне, в глубине небольшой площади, справа и слева простиралась улица, заметенная снегом. Если смотреть дальше, был виден кусочек Космического Проспекта, а еще дальше из-за домов выглядывал Окраинный Храм — готический собор с неоновым крестом, потерявшимся в облаках. И на всем этом — на деревьях, на черепичных крышах, на каминных трубах и рекламных светящихся буквах — лежали целые сугробы вернувшейся зимы.

— Здорово! — согласилась Грета и подумала, что снег, наверное, липкий, и можно покидаться в снежки.

— Куда пойдем? — осведомился Бонга, устраивая бэг у себя на спине и вытаскивая из-под него капюшон.

Клайс пожал плечами, а Алдыбей несколько раз подпрыгнул — боевой задор после баскетбола еще не выветрился из его головы.

— Лорди и Крэш уже ушли? — спросил у него Пол. — Ты не видел?

— Я им все сказал, — ответил тот, продолжая прыгать. — Сбор в Фундаменте ровно в пять. Как раз темнеть начнет…

— Хватит прыгать! — попросил его Пол. — Я предлагаю отправиться в кафе. Не знаю, как вы, а я бы поел.

— В кафе! — воскликнул Бонга, надевая капюшон и затягивая веревочки, отчего ткань съехалась на его лице, оставив только два веселых глаза и курносый нос.

— Тебе бы только пузо толстое набить! — поддел его Юнит, до сих пор сидевший на перилах в гордом молчании. — И как тебя только в баскетбол пускают играть? Ты же можешь мяч запросто сожрать!..

Монахи засмеялись. Юнит лениво слез, встал рядом с Полом. Бонга показал ему средний палец.

— Пойдемте, — кивнула Грета.

Бонга, улучив момент, сгреб с широких перил снег, смял из него снежок и удачно попал Юниту в лицо, а затем с хохотом помчался вниз по ступенькам.

“Это — новое средневековье”, - думала Грета, глядя по сторонам.

Они шли по улице, поддевая снег ногами. Крыши на соседних

домах были остроконечными, на некоторых коньках, будто в старину, застыли флюгеры в ожидании ветра. Только эти фигурки, как и крест на шпиле собора, светились по ночам, а вместо лошадей по асфальту проносились редкие машины. Больше ничего не изменилось, ну разве что никто не умирал от бубонной чумы… Это было все то же средневековье, только еще более дикое, возможно, от того, что флюгеры и крест сияли неоновым светом.

Это было новое средневековье, в котором стартуют космические корабли, а инквизиторы зажигают костры с помощью электрофакела…

Трое инквизиторов застыли на ступенях храма, о чем-то разговаривая между собой, Грета скользнула по ним взглядом — и ей стало тревожно.

Техи были одеты в плащи из бронеткани, с серебряными крестами вместо знаков различия. Они небрежно держали громоздкие энергетические пушки. На шее у каждого поблескивал ошейник, по металлу проскальзывали синеватые сполохи.

— Патруль, — глядя перед собой, сообщил Пол. — Не смотрите на них!

Но Грета смотрела, потому что инквизиторы, вдобавок ко всему, были фантастически красивы.

Длинные волосы, ухоженные и блестящие, падали на их широкие плечи, на лицах читалась печать утонченной жестокости, свойственной лишь техам. Все трое здорово напоминали демонов, патрулирующих вымерший город.

Пол дернул ее за рукав, Грета отвела взгляд, но было поздно: инквизиторы синхронно повернули головы и уставились прямо на нее. Она почувствовала, как отнимаются ноги. Это была правда — они ДЕЙСТВИТЕЛЬНО смотрели…

Но Пол, догадавшись об ужасе, охватившем Грету, привлек ее внимание и понес какую-то чушь про сладкие булочки с джемом, незаметно ускоряя шаг.

— Что ты сказал? — спросила Грета, переводя дыхание, когда они отошли достаточно далеко.

— Я сказал, что меньше на них надо пялиться, твою мать! — выругался в полголоса Пол. — Я же сказал, не смотри на них!

— А почему на них нельзя смотреть? — удивился Бонга.

— Да я не тебе! — раздраженно махнул рукой Пол. — Ты-то можешь хоть обсмотреться!

Блики скользили по фрескам и алтарю с распятой куклой, Грета глядела в огонь. Булочки с джемом уютно лежали в животе, было тепло и хотелось спать. Стрелка с Бродягами забита только

на шесть, времени предостаточно… Может, действительно немного поспать?.. Пока не пришли остальные, пока так тихо и спокойно?.. Клайс склонил голову ей на плечо, закрывая глаза. Доски потрескивали и чернели, пламя над ними было желтым, с синими сполохами, такими же, как на ошейнике инквизитора.

Интересно, зачем они носят эти ошейники?..

Пол сидел напротив. Он больше не подкладывал обломки в костер — в этом не было необходимости. Теперь он замер, не шевелясь. Грету всегда поражало, как братья Юргенсоны умеют застывать в неподвижности. Будто выключаются. У Пола, как всегда в таких случаях, было отсутствующее выражение лица, а зеленые глаза становились темно-серыми, верный признак того, что он находился где-то далеко…

Пол почувствовал ее взгляд, оглянулся по сторонам.

— Почему инквизиторы носят ошейники? — тут же спросила Грета.

Пол вытянул руки, почти касаясь огня.

— Потому что в эти ошейники встроены детекторы, — ответил он. — Если инквизитор будет ранен, он не почувствует боли и сможет продолжить выполнять свое задание.

— Они охотятся на еретиков? — Грета вспомнила, что им говорил про это Учитель, недели три назад, как раз перед тем, как она угодила в больницу со сломанной рукой.

Пол кивнул.

— Иногда еретики оказывают сопротивление, — пояснил он. — И инквизиторы, несмотря на свои бронеплащи и ошейники, терпят поражение. Но, поскольку они ничего не чувствуют, шансов у них гораздо больше, чем у еретиков, которые к тому же самые обычные люди.

— А среди техов бывают еретики?

— Да, — снова кивнул Пол, и Грета неожиданно вспомнила казнь на Площади Милосердия.

— Такие, понятно, еще опаснее… Инквизиторы носят длинные волосы потому, что им слишком часто приходится стричься. После рейда их обычно кладут в криоколбу, ведь к тому моменту они живут только благодаря ошейнику. А в криоколбе волосы растут очень быстро, постоянно стричься надоест…

— И так — каждый раз? — ужаснулась Грета.

— Ну да… Ерундой они не занимаются. На ерунду Легионеров посылают…

— То есть их постоянно реанимируют в криоколбе? — уточнила Грета. — Должно быть, инквизиторы — редкостные отморозки…

— Мой отец — потрясающий отморозок, — подтвердил Пол,

но углубляться в эту тему не стал.

— И почему мне нельзя на них смотреть? — спросила Грета напрямик.

— Потому что ты — человек с запрещенными способностями, — нехотя ответил Пол. — Помнишь, что сказал Юнит? Ты — ведьма. А людям запрещается колдовать. И вообще, хватит глупых вопросов! Думайте сами, в конце концов!

— Ты боишься, что они почувствуют это… в моем взгляде?

— Ну наконец-то дошло! Все, Грета, довольно! Я не твой учитель по магии!

— Я понимаю. И все равно… Они такие красивые… — она вздохнула.

— Я слышал, в Конфедерации есть сетевые игры, где можно играть за колдуна, — проговорил Клайс, выходя из задумчивости.

— Как интересно, — ледяным тоном произнес Пол. — И от кого ты это слышал?

— А если я не скажу? — прищурился Клайс. — Что, будешь меня пытать? Недо-инквизитор!..

— Если так однажды случится, я не стану тебя пытать, — ответил на это Пол. — Я убью тебя быстро, максимально безболезненным способом. Обещаю.

— Спасибо, — поблагодарил Клайс, прекрасно понимая, что его друг говорит совершенно серьезно.

Пол усмехнулся. Потом взял еще одну доску, сломал с громким хрустом об колено и положил в костер. Сухое тепло обволакивало, расслабляя мышцы, Грете захотелось прилечь. Она облокотилась на Клайса, повернувшись к нему спиной, и посмотрела на фреску.

Человек с рыболовной сетью глядел на безлицего Бога с некоторым недоумением, будто не веря, что ключи от Рая достанутся именно ему. А юноша, держащий за спиной кулак, буравил Бога ненавидящим взглядом. Еще выше, на потолке, темнело пятно, практически неразличимое из-за сполохов света.

Грета откинула голову Клайсу на колено, тогда он обнял ее и тоже посмотрел вверх.

— Может, пустота — это и есть его настоящее лицо? — негромко проговорил он, его дыхание щекотало Грете шею. — Во что я не верю, так это — в Рай… Вернее, я НАДЕЮСЬ, что его нет…

Потому что если он есть…

Он замолчал, вглядываясь в замазанное краской лицо Иесуса.

— Если он есть, это может быть очень страшно, — закончила за него Грета.

— Мои лучшие друзья — еретики! — простонал Пол, сидящий по ту сторону огня, и тогда все трое рассмеялись.

5

Они вышли из Фундамента и Клайс поднял воротник, а Грета забко поежилась.

— Догоняйте! — сказал Пол и зашагал вперед. Остальные Монахи поспешили за ним.

Снегопад прекратился. Полигон тонул в снегу, но этот снег был легким, и от подошв оставались черные отпечатки.

— Сколько снега нападало, — заметил Бонга, гарцуя на своем велосипеде. Он был единственным, кто взял на стрелку велосипед.

Полигон казался абсолютно зимним. Снегопад прекратился, но тяжелые тучи никуда не ушли. Еще чуть-чуть, и наступят сумерки… Собака бежала рядом с Юнитом, это был дополнительный козырь Монахов. Грета надеялась, что собака будет кусать кого надо, а не кого попало. Пол нес с собой раскладную железную трубу, Бонга — два свинцовых кастета, Алдыбей был вооружен маленьким ножом и ножом побольше, Лорди и Крэш взяли биты для лапты без правил, под стать своей комплекции, у Юнита из-за ремня выглядывала рогатка, а у Клайса был пистолет, но об этом никто не знал.

Двигались они быстро и молча, поглядывали по сторонам. Дойдя до нейтральной полосы, замедлили шаг и остановились. Дальше была пустошь. Канава петляла, сворачивая в пролесок, а по левую руку возвышалась заметенная снегом гора щебня. И, невдалеке, над этим сугробом, возвышался ржавый ковш экскаватора.

— Мы первые, — сказал Пол. — Я думаю, все случится здесь.

Все посмотрели на гору. С той стороны горы на вершину поднялся незнакомый длинноволосый парень, замер на фоне темнеющих облаков. Через несколько секунд справа и слева от него появились Марек и Эни.

— Это Бродяжий шаман, — догадался Пол. — А где же остальные?

Клайс бросил быстрый взгляд в сторону канавы. Никого…

— Кровью написан закон очищения!.. — с издевкой в голосе прокричал Шаман. — Без пролития крови не бывает прощения!..

Грета и Клайс переглянулись. Бродяга цитировал “Псалом 666”. Пол вздрогнул и вперил в лицо Шамана мрачный взгляд

дознавателя Святой Палаты. Пол никогда не слышал “Кодекс Эм”, но зато читал Истинную Библию. Он узнал эту цитату. Все по закону очищается кровью… И без пролития крови…

Марек вскинул на плечо обрезок трубы. Красавчик Эни щелкнул кнопкой выкидного ножа. Шаман сунул руки в карманы и, слегка ссутулившись, пошел вниз по склону, взметая снег высокими ботинками.

— Их что, всего трое? — недоуменно проговорил Бонга, слезая с велосипеда. — А где же остальные?

Пол нахмурился. Что-то было не так. Грета вынула из кармана распятие, намотала на руку цепь. И поглядела на Красавчика Эни. Шаман легко побежал. Монахи расходились полукольцом, как в баскетболе. В центре — Лорди и Крэш, по краям — Алдыбей и Грета. Пол перехватил “телескоп” поудобнее. Клайс находился по ту сторону Лорди и Крэша, и Грета не могла его видеть. Она стала забирать вправо, направляясь исключительно к Эни. Шаман вклинился в толпу, и Монахи сомкнулись вокруг него. Пол побежал навстречу Мареку. Грета, улыбаясь Эни, раскручивала цепь. Красавчик ловко вертел нож в наманикюренных пальцах. Даже на разборку он приперся в кожаном плаще. Краем глаза Грета заметила какое-то движение, быстро посмотрела налево. Бонга, Лорди и Крэш кубарем катились по снегу, Клайс падал на спину, а Шаман, продолжая вертушку, начатую в воздухе, приземлялся на землю.

— Привет! — услышала она совсем близко, и, поднырнув, шибанула Красавчика распятием по ногам.

Он успел выбросить руку с ножом вперед, острие прошло рядом с ее ухом, оцарапав шею. Она увернулась и снова ударила цепью. Дистанция была слишком близкой, хорошего удара не получилось. Эни бил ножом снизу вверх, но оба раза ей удавалось уклониться практически в последний момент. Тогда она ударила Эни кулаком с намотанной цепью в нос и усела отскочить от ножа в третий раз. Эни явно проигрывал ей в реакции. Пока он вытирал рукавом кровь, она получила передышку. Снова стала раскручивать цепь. Теперь ему не удастся сорвать дистанцию так легко… Прямо за спиной Эни Марек, оседлав Пола, душил его, Пол пытался развести его руки в стороны.

Эни сделал шаг, и вместе с ним — выпад, но Грета ударила его цепью по руке, нож улетел в снег. А следующий удар распятием пришелся Эни по лицу. Тот отскочил, держась за правую щеку. Из- под пальцев потекло. Когда он отнял ладонь, чтобы посмотреть на свою кровь, Грета увидела на его прекрасном лице рваную рану.

— Хороший ударчик! — крикнула она.

Эни жутко закричал и в прыжке сбил ее с ног. Она успела достать его распятием еще раз, пока он летел на нее, но больше сделать ничего не смогла. Они вместе упали, Грету проволокло по снегу. Мгновенно вскочив, Эни пнул ее под ребра ногой. Дикая ярость сделала его очень быстрым. Грета закрылась руками, подтянула колени к животу, но следующий удар пришелся сверху — Эни бил пяткой.

— Сука! — орал он. — Убью!.. — и вдруг оказался на земле рядом с ней. Грета с удивлением увидела, что Шаман, заломив руку ему за спину, упирается коленом Красавчику в поясницу.

— Отпусти! — у Эни начиналась истерика. — Пусти меня!.. Пусти!..

Шаман повернул голову, посмотрел на Грету.

— Почему?! — крикнул Эни. — Она хуже их всех!..

Шаман отпустил его и оказался рядом с Гретой. Прижал ее руки к земле, выбивая из пальцев цепь. Его взгляд упал на распятие.

— Ты дерешься ЭТИМ?!

— Убей ее! — орал Эни. — Убей эту чертову тварь!.. Чего ты ждешь?!.

— Ну да, — ответила Грета Шаману. — Я же дерусь с еретиками!

— На сегодня драка закончена, — сообщил Шаман.

— Что? — переспросила Грета. Шаман улыбнулся ей.

— А ты посмотри!

Он резко встал, вздернул ее вверх. Грета утвердилась на ногах, оглядываясь вокруг.

Монахи лежали в снегу, кто где. Бонга потирал плечо, Пол тряс головой, приподнявшись на локтях. Лорди и Крэш валялись без движения. Марек, прихрамывая, направлялся к Шаману и Грете. Эни сидел на земле, прижимая к щеке окровавленный снег. Алдыбей громко стонал, держась за колено обеими руками. Юнита и его собаки нигде не было. Грета поискала глазами Клайса. Похоже, тот был без сознания.

Она посмотрела на Шамана с удивлением.

— Неплохо!

— А, ты поймал ее! — обрадовался Марек, подходя. — А это что?

Он наклонился, чтобы поднять цепь с распятием.

— Не тронь! — Грета дернулась, но Шаман крепко держал ее. Марек подобрал цепь.

— Это она ЭТИМ так тебя приложила? — спросил он у Красавчика, показывая ему крест. Тот не ответил.

— Дай мне это, — попросил Шаман, забирая распятие у

Марека. — Я думаю, они все уже поняли, — добавил он, возвращая Грете ее артефакт.

— На, держи!

— Что? — не понял Марек. — Ты отдаешь ей эту штуку? А как же Эни? А как же мой кузен? Думаешь, мы отомстили за него?

— Ну так иди, прибей кого-нибудь, — пожал плечами Шаман. — Или ты хочешь, чтобы это сделал я?

Грета вдруг поняла, что Шаман ее не тронет, и слегка расслабилась. Сразу же заныли ушибы.

— Как тебя зовут? — спросил у нее Шаман, не отрывая взгляда от ее глаз.

Марек в сердцах плюнул и пошел к велосипеду Бонги, руль которого торчал из сугроба.

6

— Вряд ли у меня сотрясение, — Клайс выбросил снег, который держал у виска всю дорогу. — Просто он вырубил меня с одного удара. Представляешь? Он подпрыгнул метра на два, р-раз! — и Лорди с Крэшем летят вверх тормашками! А у бедняги Алдыбея сломана нога!.. А у Бонги свиснули велосипед…

— Зато я заехала крестом по роже Красавчику Эни! — похвасталась Грета. — Красиво получилось.

— Ну хоть что-то… — тяжело вздохнул Клайс. — В общем, наваляли нам знатно, — прибавил он с еще одним вздохом.

— Пол что-нибудь придумает, — сказала Грета, но в ее голосе не было особой уверенности.

Они остановились у своего подъезда, посмотрели друг на друга.

— Все в порядке? — спросил Клайс.

Грета отряхнула кусочки снега, застрявшие в его волосах.

— Да. Пошли!

Мать стояла на пороге, и это было худшим знаком. Грета встретилась с женщиной глазами, и ей стало страшно.

— Мы задержались у Пола, — сказал Клайс, как они и договаривались, но женщина никак не отреагировала. Она по-прежнему молча смотрела на Грету.

Клайс слегка пожал плечами в знак того, что он ничего не понимает, и начал расшнуровывать ботинки, но женщина сказала слегка изменившимся голосом:

— Клайс, сходи за солью.

— Что? — удивился тот.

— Купи соли. Сейчас.

— Где?!

— Съезди в круглосуточный. — И сунула в рук ничего не понимающего Клайса несколько монет. — Что, так и будешь стоять?

— Ладно… — Клайс спрятал деньги в карман и вышел.

Женщина какое-то время стояла у двери, глядя в глазок. Потом заперла замок и повернулась к Грете. Маска исчезла, перед Гретой стояло существо, лишь отдаленно напоминающее человека.

Грета отпрянула к стене. Почувствовала лопатками ткань восточного коврика, сквозь футболку, влажную от пота.

Словно повинуясь телепатическому сигналу, из комнаты вышел мужчина. Он так же сбросил знакомый облик, в его глазах стояло что-то омерзительно-пустое, и таким же было все его лицо, включая улыбку.

— Что-то случилось? — испуганно спросила Грета, прижимаясь к коврику еще сильнее. Мужчина направился к ней в жуткой тишине. Он подходил справа, женщина двигалась прямо на нее.

Неожиданно Грета поняла, что сейчас они убьют ее. Она метнулась в комнату Клайса, где дверь была крепкой и запиралась на замок, но женщина прыгнула на нее сзади, вцепилась в волосы и одежду, и со свирепым воплем швырнула под ноги мужчине. Грета подогнула колени к животу и прикрыла голову руками, ожидая удара каждую секунду.

Мужчина, тяжело дыша, схватил ее за запястья и поволок по коридору, в ее собственную комнату.

— Что ты делаешь? — закричала Грета. — За что?! Что произошло? Вы можете мне сказать?!.

— Тебя видели в метро, — проговорила женщина. — Как ты обжималась со своим братом, чертова шлюха. С собственным братом!.. И давно это у вас?..

Грета сглотнула.

— Это правда? — спросил мужчина, и снова послышался запах чужих духов, которыми была пропитана его лоснящаяся кожа.

— Нет, — прошептала она.

— Признайся, — попросила женщина медовым голосом. — Скажи честно… Ты спала с Клайсом? У вас что-нибудь было?

— Что? — не поняла Грета, поднимаясь.

Тень падала женщине на лицо, и оттого казалось, что черты

искажаются, превращаясь в злобную нечеловеческую маску.

“Она одержима!” — ударила мысль. — “ОНИ одержимы… Сейчас они убьют меня!”.

Грета вдохнула побольше воздуха, как перед прыжком в холодную воду. Зло стояло напротив нее, задавая чудовищные вопросы. Тень Дракона добралась и сюда…

— Тетя Роза ехала в метро на Праздник Милосердия, — заговорила женщина, двигая одними губами.

— И видела, как ты обнималась с Клайсом. В метро!.. Посреди вагона!.. Говори! Ты спала с ним?! Развратница! Малолетняя шлюха!.. А ты что стоишь? — набросилась она на мужчину. — Что ты смотришь?! Твоя дочь спит с собственным братом!..

— Это неправда! — крикнула Грета, даже не сдерживая слез.

— …А тебе все равно!.. Сделай что-нибудь!.. Твоя дочь — потаскуха!.. Я давно подозревала!.. Я чувствовала!..

Женщина почти орала. Ее лицо было перекошено ненавистью, в глазах стояла пустота.

Неожиданно мужчина схватил Грету за плечо и швырнул из коридора в комнату. Она попробовала вырваться, но он с силой толкнул ее, сбивая с ног, и Грета ударилась лбом об стену.

На несколько секунд сознание покинуло ее, потом Грета пришла в себя на том же месте, куда упала, а мужчина стоял прямо над ней. В его руке что-то было, когда он замахнулся для нового удара, и секундой позже Грета услышала сначала свист, затем — хруст разрываемой ткани, а через перестук сердца дикая боль в рассеченной спине оглушила ее. Она поняла, что не может закричать, потому что горло свело судорогой, она могла лишь пытаться отползти, до тех пор, пока разум снова не включился. Инстинкты гнали ее под кровать. Грета постаралась прогнать с лица какие-либо эмоции, но ей хватило времени только на то, чтобы заслонить его локтями. Кнут с тем же отвратительным свистом вспорол плоть на ее руках. Она упала на живот, прижимая к себе запястья, ее футболка тут же промокла от горячих толчков пульсирующей крови. Голова прояснилась. Теперь Грета могла контролировать свой страх — боль вполне позволяла ей это делать. Она попыталась закатиться под кровать. Кто-то схватил ее за ногу и потащил обратно, и она, позволив выволочь себя практически полностью, с наслаждением впечатала носком свободного ботинка в мягкое и живое. Женщина закричала.

“Она закричала!”

Новый удар кнутом заставил ее саму завизжать от боли. Грета, задыхаясь, попробовала выползти в коридор, но пинок в

живот отправил ее назад, в глубину комнаты, а женщина захлопнула дверь.

Она лежала посреди комнаты, глядя в темноту перед глазами. У нее больше не было воли, она не могла даже пошевелиться — ее мышцы окаменели в позе эмбриона. В голове не осталось ни одной мысли.

Хлопнула входная дверь, и это отчасти вернуло ее в реальность.

— Вот соль.(Это голос Клайса).

Что-то невнятное со стороны кухни, и, самым обыденным тоном: “Иди спать! “, как будто ничего не произошло.

— Я оставлю на кухне! (Это — снова Клайс).

Легкие шаги в коридоре. Скрип двери.

— Грета? Что ты… делаешь?

Теперь можно было, наверное, заплакать. Клайс оказался рядом, он мог ругаться только шепотом, и Грета слышала обрывки мата, пока он переворачивал ее на спину.

— Это они? — потребовал он ответа, заглядывая ей в лицо. — Говори! Они?.. Хотя что я спрашиваю… Что мне, черт возьми, делать?..

Он обнимал ее, и теперь она понимала, насколько замерзла, пока лежала без движения на сквозняке. Клайс прижался щекой к ее щеке и, ничего не говоря, покачивался из стороны в сторону.

— Однажды это закончится, — прошептала Грета.

— Замолчи, — простонал Клайс. — Или я убью их. Прямо сейчас.

Луна освещала его лицо, превращая в демоническое существо, в глазах разгоралось безумие.

Он мог убить их прямо сейчас, это была правда.

ЧЕТВЕРГ

1

Колокола продолжали звонить, набирая силу, до тех пор, пока их звук не перерастал в оглушительный рев. Потом снова становилось тихо, только стучала кровь в ушах. Она разжимала пальцы, выпуская измятое одеяло, но колокола звонили вновь, сначала — чуть слышно, на грани ощущений, потом — все сильнее и сильнее. Иногда она видела их — черные, огромные, они медленно раскачивались над Полигоном, серебряные кресты на них были небесными звездами.

Дракон расправлял реактивные крылья, готовясь к полету. Из дюз, расположенных под хвостом, вырывалось пламя, вместо зубов в открытой пасти клацали ядерные ракеты. Помогая себе корявыми лапами, Дракон выползал на старт.

Дорога была из костей. Она стояла на ней босыми ногами, чувствуя, как проваливается вниз, все глубже и глубже. Маленькие черепушки мерцали то здесь, то там, кости были неровными, с обломанными острыми краями, с осколками, готовыми пропороть ступню, но надо было идти. Она пошла вперед. Справа и слева вставали стены тумана, изменялись миражами, напоминая то лес, то каменную стену, но не исчезали. Правда, иногда ненадолго расступались, пропуская языки холодного огня.

Грета все ускоряла шаг, прекрасно понимая, что стоит ей побежать, как безумие накроет ее с головой, и тогда останется лишь кричать от страха. Она все понимала, но сделать ничего не могла.

И вот, когда ужас уже почти вывернул ее наизнанку, она неожиданно услышала чьи-то шаги.

Она замерла, закрывая рот руками, чтобы не закричать. Ноги ушли по щиколотку в кости. Кто-то стоял напротив нее. Кто-то высокий, с длинными волосами и странно знакомой фигурой. Грета не видела его лица, но неожиданно страх исчез.

Теперь она была не одна.

— Т-ты кто? — спросила она, стуча зубами. — И что ты здесь… делаешь?

Тот, кто стоял напротив, вдруг помчался прямо на нее, и тогда она, наконец, закричала.

Добежав, он схватил ее, выдергивая из костей, поставил обратно.

— Бежим! — выдохнул знакомый голос.

И они побежали.

Они мчались сквозь пустоту, а стены тумана клубились, выбрасывая щупальца. Кости сами прыгали им под ноги. Грета то и дело спотыкалась, поэтому тот, кто бежал рядом, неожиданно подхватил ее и вскинул себе на плечо.

— Отпусти меня! — взвизгнула Грета.

— Заткнись!..

Кажется, он выбивался из сил, Грета слышала его тяжелое дыхание. Еще несколько мгновений стремительного бега, и стены тумана неожиданно кончились. Грета увидела поляну, напоминавшую кусок Полигона, всю в выбоинах, заполненную искореженным железом — и залитую звездным светом. Ее отпустили. Она испуганно подскочила, но поняла, что больше не проваливается в кости. Костей не было, была самая обычная дорога, изъезженная тяжелой бронетехникой.

Тогда Грета поглядела в лицо стоящего напротив и неожиданно рассмеялась.

Это был Шаман.

Пока она смеялась, Шаман пристально глядел на нее.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он, закрывая ей рот рукой. — Перестань хохотать, отвечай на вопрос.

— Здесь — это где? — она легко отпрыгнула, закружилась на пятке. — Я не знаю, где я, но мне здесь нравится! Совсем как на нашем Полигоне!

Он шагнул к ней и взял за руки. Теперь она рассмотрела Шамана как следует. Он был выше Клайса где-то на полголовы, и гораздо шире в плечах. Его волосы были длинными, как у Бродяги, и отливали красным, падая на бледное лицо, отчасти скрывая мрачный взгляд и хищную линию губ. Он так же разглядывал ее, не отпуская.

— Кто это сделал? — спросил он, наконец.

— Сделал что? — не поняла Грета.

— Ты здесь, значит ты — мертва. И я спрашиваю, кто это сделал? Кто-то из Бродяг?

— Как это — мертва? — Грета отдернула руки, ощупала свое тело. Поднесла пальцы к глазам. — В каком смысле… мертва?..

— Мне повторить свой вопрос?

— Подожди… Я не понимаю… Мне снились колокола, а потом…

— Кто? — он шагнул к ней, вздернул вверх ее подбородок, заглядывая в глаза.

— Ты правда шаман? — спросила Грета, прекрасно зная

ответ.

Он молчал, ожидая ответа на свой вопрос.

— Это не важно, — проговорила она, отворачиваясь.

— Тебя надо вернуть назад. — Шаман отступил на шаг, и Грета увидела коготь Дракона.

Коготь масляно блестел в звездном свете, он был довольно здоровый и, кажется, острый. Он висел на кожаном шнурке, ударяясь об грудь Шамана при резких движениях, как, например, сейчас, когда Шаман заплетал свои волосы в косу, рывками закладывая прядь за прядь. Грета никогда не видела, чтобы вместо креста носили шаманский амулет, это было так дерзко и так восхитительно, что ей опять захотелось смеяться и танцевать.

— Я не хочу назад! — крикнула она.

— Раздевайся! — приказал Шаман.

— Какого хрена?!.

— Нет времени объяснять! Быстро снимай одежду!

Сорвав с груди коготь Дракона, он начал чертить на земле круг. Наверное, это было действительно серьезно. Грета зажмурилась и стащила с себя ночную рубашку. Холодный ветер тут же укутал ее тело с ног до головы, принося неожиданное облегчение.

— Ложись на землю!

Грета посмотрела под ноги и увидела, что линия, очерченная когтем, замкнулась и интенсивно светится в полумраке, почти как разметка школьного стадиона. Она легла так, чтобы оказаться в центре круга. Шаман встал на колени рядом с ней.

— Я спрашивал тебя про это, — сказал он совсем тихо, касаясь пальцами воспаленных рубцов на ее теле. Грета поняла, что сейчас заплачет.

— Это сделал мой отец, — сказала она. — Ты это хотел узнать?

— Да. — Шаман полоснул себя когтем по запястью, и его кровь потекла по ее коже.

— Это коготь Дракона? — спросила Грета, закрывая глаза. Боль, ставшая уже привычной, уходила.

Становилось хорошо.

— Ты видела Дракона? — теперь голос Шамана звучал издалека.

— Не один раз, — ответила Грета, засыпая. Потом она снова услышала колокола, но это были уже другие, утренние колокола, и звонили они совершенно иначе.

2

Она проснулась из-за возни в коридоре. Кто-то пришел. Свет падал на распятие, за окном светило солнце. Открылась дверь, и в комнату вошли на цыпочках Бонга, Юнит, Пол, и последним — Клайс.

— Она уже проснулась! — громко объявил Юнит.

Бонга подошел к окну и распахнул рывком занавески. Комнату наполнил солнечный свет. Грета зажмурилась.

— Клайс, притащи кресло, — попросил Пол.

— Ты как? — спросил он, присаживаясь на корточки рядом с кроватью. — Я тебе спрей принес, будешь мазаться раз в два часа… Спорим, я понимаю тебя лучше остальных!

Грета улыбнулась.

Послышался шум передвигаемого кресла. Клайс подтащил его к кровати, и Пол тут же занял единственное место, где можно было комфортно сидеть. Бонга и Юнит встали поблизости.

— Это тебя так наказали за то, что ты пропустила математику? — изумился Юнит. — Что же тогда сделали с Клайсом?

Пол и Клайс захохотали. Грета тоже попробовала смеяться, но закашлялась, хватая ртом воздух.

Клайс тут же оказался рядом, обнимая ее. Пол, видя это, тяжело вздохнул и закатил к потолку глаза. Бонга и Юнит не обратили внимания. Бонга с печальным видом вынул из бэга бутерброды и положил их на письменный стол.

— Вот, это тебе, — сказал он Грете, тяжело вздохнув. — Можешь все съесть.

Юнит мерзко захихикал. Грета поглядела на Бонгу с благодарностью.

— Бери, бери, — сказал Юнит. — Бонга не может есть.

— Что? — удивилась Грета.

— То, — отозвался Бонга. — Вот! Разве не заметно?

И он, вытянув шею, наклонил к ней лицо.

Одна из его щек была здорово больше другой.

— У меня флюс! — сказал он с непередаваемым отчаяньем.

— Бог наказал его за чревоугодие, — пояснил Пол. — И теперь он совершенно не может есть. А к зубному идти — боится.

— А кто не боится? — огрызнулся Бонга. — Вон, у нас парни во дворе рассказывали… У Ганса заболели зубы, его потащили к врачу. А там стоит ржавая бормашина, еще до Второго Пришествия сделанная… Ганс сел в кресло, а его пристегнули за руки и за ноги, чтобы не дергался, а в рот засунули распорку, чтобы не закрывал… И час сверлили зубы без наркоза, так, что у

него до сих пор щека дергается!.. А потом оказалось, что вылечили не тот зуб!.. — На глаза Бонги навернулись слезы. — И ты хочешь, чтобы меня так же?.. Да?..

— Ну, если ты знаешь другой способ… — развел руками Пол.

Бонга кинул на Грету быстрый взгляд.

— Я слышал, что в Конфедерации, — продолжал он, — всем делают наркоз. А в больницах для богатых бормашин нет вообще!

— Но мы-то живем не в Конфедерации, — совершенно справедливо заметил Пол. — И бормашины у нас есть! А что касается наркоза, так у нас в спецбольницах тоже лечат зубы под наркозом. И вообще, медицина в Содружестве — на высоте. Просто таким, как ты, Бонга, у нас в стране зубы под наркозом не лечат!

— Коз-зел, — добавил Юнит недостающее слово.

— Грета, ты ведь можешь вылечить мне зуб? — выпалил Бонга давно приготовленную фразу. — Ну пожалуйста! Не сейчас, конечно, а потом, когда поправишься?..

Грета через силу улыбнулась.

— А ты так и будешь ходить с раздутой щекой все это время? — насмешливо осведомился Клайс. — Твои родители заметят и сами отведут тебя к врачу!

— Я что-нибудь придумаю, — буркнул Бонга. И тяжело вздохнул.

— Подложи под другую щеку мячик, — посоветовал Пол. — Тогда они точно ничего не заметят!

— Я сам могу вылечить тебе зуб, — неожиданно заявил Юнит. В глазах отчаявшегося Бонги появилась надежда.

— Ты? А как?

— Тебе придется… — торжественно произнес Юнит. — Тебе придется отсосать у меня хуй!

Пол и Клайс зашлись в диком хохоте.

— Взять за щеку! — Не унимался Юнит. — И тогда твой зуб поправится!..

Пол со стоном сполз с кресла на пол.

Бонга побагровел и вскочил на ноги. С пунцовым от гнева лицом, перекошенным от флюса на одну сторону, он являл собой столь уморительное зрелище, что Пол забился в конвульсиях на полу, а Клайс, согнувшись, попытался выползти за дверь. Грета тоже хохотала и не могла остановиться.

— Хватит!.. — говорила она сквозь смех. — Не надо!.. Бонга!.. Пожалуйста, отвернись!.. Я больше не могу!..

— Да идите вы к черту! — заорал Бонга. Он попытался выскочить из комнаты, но наткнулся на Клайса, который, обессилев от смеха, стоял на коленях, держась за дверную ручку.

Бонга в ярости отшвырнул его в сторону и выбежал вон. Было слышно, как хлопнула входная дверь.

Постепенно воцарилась тишина. Клайс поднялся на ноги, дополз до кресла и рухнул в него.

Встретился взглядом с Полом. Они снова захохотали, но это было совсем не то.

— Бедный Бонга, — вздохнула Грета.

— Ничего, — отмахнулся Пол. — Я подарю ему фломастер, и он все забудет.

— Принести тебе воды? — спросил у Греты Клайс.

— И мне, — попросил Пол.

— Принеси лимонада, — подытожил Юнит. — Клайс, здесь можно курить?

— Нет!

— Блядь! — вырвалось у мальчика.

— Выйди покури на улицу, — приказал Пол.

— Я тогда, наверное, пойду, у меня еще куча дел… — Юнит пошарил по карманам мешковатых штанов, должно быть, проверяя сигареты. Удовлетворенно хмыкнул.

— Ну, покеда! Грета, поправляйся! Пока, пацаны!

Он подождал, пока Клайс распахнет перед ним дверь, и важно вышел из комнаты. Пол рассмеялся.

— Честное слово, я его всему этому не учил… Я сам многому у него научился, — добавил он чуть позже.

Они молчали, пока не вернулся Клайс, ходивший на кухню за водой, и все это время Пол рассматривал аскетичную обстановку Гретиной комнаты.

Клайс вернулся, закрыл за собой дверь и подошел к кровати. Протянул сестре кружку.

— Держи. Тебе помочь?

— Кстати, Клайс!.. — проговорил Пол, будто бросаясь в омут. — Ты слышишь?

Ему пришлось повторить это несколько раз. Клайс повернулся, чтобы поставить кружку на стол. Пол плюхнулся в кресло, откуда мог видеть лица обоих.

— Эй, Клайс! — сказал он развязным тоном, каким обычно пародировал Красавчика Эни. — Клайс, ты меня слышишь?..

Тот с удивлением посмотрел на него.

— Кла-айс, — протянул Пол, помахивая расслабленной кистью у себя перед лицом, совсем как Эни.

— Что, Пол?

— Как ты счита-аешь, я веду себя норма-ально? Наверное, не хватает маникюра… — Он критически осмотрел свои обломанные

ногти. — Кто бы мне сделал маникю-юр?..

— Пол, ты чего? — на лице Клайса застыло недоумение.

— И педикю-юр, — Пол закинул правую ногу на ручку кресла, пошевелил пальцами сквозь толстые носки. — Твоему другу Полу необходим педикю-юр… — и, совсем уже другим тоном: — Что ты на это скажешь?

— Что ты делаешь? — спросил Клайс в крайнем замешательстве. Грета также смотрела на Пола во все глаза.

— Это ТЫ что делаешь?!. - заорал неожиданно Пол, выпрыгивая из кресла. — ТЫ скажи МНЕ, своему другу Полу, что ТЫ делаешь?

— Ты о чем? — спросил Клайс, прекрасно понимая, о чем говорит Пол.

— Вот-вот, — Пол утвердительно кивнул головой. — Наконец-то! Теперь я вижу, что до тебя наконец- то дошло!

Клайс резко поднялся.

— Пол, а что я могу сделать, если она… — он указал рукой на Грету.

— Не может самостоятельно напиться из кружки? — докончил за него Пол, издевательски скалясь. — Я думаю, ты понимаешь меня… Я знаю, как ты относишься к Грете…

— Пол!

— Но ты мог бы НЕ ОБНИМАТЬ ЕЕ, хотя бы при посторонних! — проорал Пол ему в лицо. Потом шагнул к двери, и, открыв с ноги дверь, с силой захлопнул ее за собой.

— Это не твое дело! — крикнул Клайс ему вдогонку. Несколько раз прошелся по комнате, сжимая и разжимая пальцы, потом, не выдержав, ударил в стену кулаком.

— Черт!..

— Это какой-то кошмар, — пожаловался он Грете. — Нет, он правда так сказал?.. Что ты смеешься? — он снова оказался рядом с ней. — Что?.. Что не так?..

— Они никогда от нас не отстанут, — Грета попыталась сесть, но Клайс помешал ей, укладывая обратно.

— Я не понимаю, что им за дело до нас? — заговорил он вполголоса. — Я… не понимаю! Почему ты молчишь? Что я могу для тебя сделать? Скажи мне…

У Греты защипало в глазах, она прижалась щекой к его груди. Она чувствовала, как вплотную подбирается жар, и как рубцы от кнута начинает жечь все сильнее.

— Я вчера чуть с ума не сошел, — продолжал Клайс, уже совсем тихо. — Я думал, что ты умираешь. Я спросил… у НИХ, что случилось, но ОНИ не стали со мной разговаривать…

— ОНИ сказали, что тетя Роза видела, как ты обнимал

меня, — ответила Грета. — Когда мы ехали на праздник…

Клайс глухо застонал, Грета почувствовала, как напряглись мышцы на его руках.

— Господи, как же я их всех ненавижу! — теперь он смотрел ей в глаза. — Меня бесит, что я не могу тебя защитить!

— ИХ слишком много, — проговорила она чуть слышно. — А нас всего двое…

— И что? — крикнул Клайс. — Какого черта им от нас надо?! Даже Пол, и тот!..

— Тень Дракона одержала весь мир, — вздохнула Грета. — Помнишь, я рассказывала тебе про Дракона из моих снов?.. Я чувствую эту тень. Она вокруг… Она — во всем, что происходит вокруг… Она сгущается… Клайс, ты мне веришь? Я боюсь. Я знаю — что-то должно произойти. Что-то, от чего нет спасенья…

Клайс коснулся губами ее лба.

— У тебя жар! — вырвалось у него.

Он обнял ее еще сильнее, пытаясь согреть. Грета дрожала.

— Помнишь, Алдыбей говорил про остров, на котором стоит Хрустальный Дворец? — Ее дыхание обжигало. — Это все сказки. Такого острова в нашем мире нет. Потому что для него не осталось места…

— Почему ты так решила? — теперь он встревоженно вглядывался в ее лицо.

“Он думает, что я брежу”, - догадалась Грета.

— Потому что этот остров — цветной. Как сказка… А в нашем мире есть лишь черное и белое. Мир, где Иесус победил, и мир, где пока что нет…

— Почему это так важно для тебя… сейчас?

— Потому что я видела Дракона!

— Успокойся… Это — задача для взрослых людей… Хочешь еще воды?

— Нет! Разве ты не понимаешь? Им уже все равно! Они не отличают черного от белого! Главное для них — это война!

— Тебе надо поспать…

— Ну что ты такое говоришь, Клайс! Как мне спать, если там ничуть не лучше, чем здесь! Здесь везде одно и тоже… Стоит мне закрыть глаза — и я вижу Зло… Стоит мне их открыть — и я вижу все то же Зло… И я не знаю, что мне делать!..

Он лег рядом, прижал ее к себе, зарываясь лицом в ее волосы.

— А я? — прошептал Клайс. — А Пол? Ты уверена, что Зло — повсюду?

— Я не знаю… Я знаю лишь то, что нет хрустальных дворцов…

— Они есть, — улыбнулся Клайс. — Просто за них надо

сражаться. Спи… “Они” придут еще не скоро.

— Да, — согласилась Грета. — Я успею поговорить с Иесусом.

— Поговорить… с кем?

Но Грета уже засыпала.

3

Если идти по закрытой дороге сквозь клочья тумана, она обязательно приведет в логово Дракона.

Главное — это не оглядываться и не смотреть по сторонам, потому что иначе мужество может оставить, а воля обязательно пропадет.

Под ногами опять хрустели кости, тускло светились глазницы крошечных черепков. Здесь лежали все те, кто ходил на битву со Злом и не вернулся, Грета ступала по костям таких же, как она. Чтобы поговорить с Монстроборцем Иесусом, надо вначале встретиться с Драконом, это она знала наверняка. Поэтому она ступала по костяной дороге, сжимая в руке цепь с распятием. Так было не очень страшно.

Дорога поднималась вверх, и вот стены тумана отступили. Стали видны яркие звезды. Грета остановилась. Она опять стояла на той самой поляне. Ветер унес последние клочья тумана, стало светло. Звездный свет преобразил местность, он почти уничтожил следы взрывов и остатки танковой брони. И вдруг, неожиданно, Грета увидела “Архангел”. Крейсер летел совсем низко и был чудовищно огромен. За ним тянулся шлейф жирного дыма.

“Архангел” был расстрелян ракетами, из оплавленных пробоин вырывалось пламя.

“Мне надо попасть туда,” — догадалась она. — “Я точно знаю, что Иесус находится там.”

Наверное, это был хороший сон, потому что все ее желания сбывались. Стоило ей пожелать, как “Архангел” с загробным скрежетом рухнул с небес к ее ногам. Радиоактивная пыль взметнулась и осела мерцающим потоком, и Грета побежала вперед, торопясь поскорее добраться до одной из пробоин. Металл обшивки дышал раскаленным жаром. Наверное, это был всего лишь сон, но больно было по-настоящему. Она подпрыгнула, уцепилась за рваный металл, и ее руки неожиданно вспыхнули. Она закричала.

Пальцы спеклись с расплавленной сталью. “Архангел” дрожал, как раненое животное, издавая мучительный скрежет. “Архангел” умирал.

— Иесус! — закричала Грета. — Помоги мне!

Слезы текли по ее лицу и тут же испарялись, потрескивали волосы. На ней загорелась одежда.

Извиваясь, как ящерица, Грета поползла вверх по тягучему металлу, оставляя на нем следы. Она чувствовала себя, как муха, попавшая в кипящую смолу, она завязала в обшивке крейсера все глубже и глубже. Она больше не звала Иесуса, ей хватало воли ровно настолько, чтобы остаться внутри своего сна.

А потом она вдруг окончательно поняла то, что знала уже довольно давно.

Что никакого “Архангела” нет. Что она ползет вверх по чешуе Дракона. Что нет никаких миссионеров, пронзающих пространство, а есть лишь спецчасти, призванные покорить весь мир во имя Иесуса.

И тогда она увидела Его, стоящего на краю пробоины в лучах искуственного света.

Он протянул ей руку. Она схватилась за Его пальцы — и Дракон исчез. Исчезло все, кроме Его голоса.

— Ты хотела меня видеть? — спросил Монстроборец. Он очень устал, Грета догадалась об этом по его тяжелому дыханию. — Зачем?

— Потому что я должна увидеть твое лицо! — крикнула она. — Потому что если у ТЕБЯ нет лица, это все!.. Понимаешь, все!

— Мне жаль, — вздохнул Монстроборец. — Но у меня больше нет лица.

— Я могу тебе помочь? — Грета вглядывалась в сияние, пытаясь разглядеть хоть что-то.

Бесполезно…

— Понимаешь, — сказал ей Монстроборец, — мне невозможно помочь, да и не стоит этого делать…

У этого мира слишком много грехов.

Я должен умирать каждый день.

Иначе мир погибнет.

ПЯТНИЦА

1

Всю ночь по подоконнику барабанил дождь. Иногда с небес доносились глухие раскаты. Грета слышала, как дребезжали стекла — то ли от грома, то ли от потоков дождя: к утру он начал превращаться в ливень. Она окончательно проснулась, когда зазвучали колокола, и, к своему удивлению, довольно легко поднялась с кровати. Осторожно подошла к окну. Гроза была в полном разгаре, такая же, как летом — с неба рушились целые волны, на темном горизонте змеились молнии. С треском лопались тучи, и тогда становилось настолько светло, что Полигон озарялся, как в ясный солнечный день. А потом опять наступала тьма, еще более густая, чем пару секунд назад.

Наверное, небо хотело смыть костяную дорогу и всю ту грязь, что оставил после себя Дракон.

“Если землю поливать кровью, кости обязательно взойдут,” — подумала Грета. — “Они будут расти, пока не проткнут небо насквозь. И тогда Бог умрет.”

— Среди закрытых дорог, — прошептала она, — в центре железобетона, начинается Темный Путь. Иди по нему босиком. Не говори никому ни слова. Постарайся никуда не свернуть. Постарайся никогда не вернуться. Постарайся никогда не проснуться. Даже если появится шанс…

Дождь поливал кости. Это был очень странный дождь. Его брызги отскакивали от неплотно закрытой форточки, рикошетили ей в лицо. Они были соленые, как слезы Иесуса.

— Среди забытых имен, — проговорила она чуть громче, — через пропасти и Адское пламя, по дороге из белых костей… Не слушать, что тебе говорят. Не смотреть по сторонам их глазами. Цель маршрута — уйти насовсем. Постарайся никогда не вернуться. Постарайся никогда не проснуться.

Даже если появится шанс…

Молния ударила где-то совсем рядом, уши заложило от грохота. Гроза напоминала войну.

Грета оделась и стала ждать, пока Клайс зайдет за ней. На кухне о чем-то говорили, там ели фасоль и пили кипяченое молоко, как и всегда по утрам, и Грета была только рада, что ее никто не позвал.

Потом раздался голос Клайса. Он что-то говорил женщине, о

чем-то с ней спорил.

— А мне плевать, что сказала тетя Роза, — услышала Грета его слова, прежде, чем он открыл дверь ее комнаты.

— Ты… пойдешь в школу? — удивился Клайс. — Но тебе же…

— Я здесь не останусь, — быстро проговорила Грета. — Как только ты уйдешь, “она” придет сюда, будет орать…

Он с сомнением поглядел на нее. Понял, что она все уже решила, и со вздохом подобрал ее бэг, стоящий у двери.

— Наденешь мою куртку!

— Хорошо, — ответила Грета. Это было совершенно неважно — такого дождя не выдержит ни одна куртка на свете…

Они вышли во двор, взяв один из велосипедов, и их обступили стены воды. С тем же успехом можно было бы ехать по морскому дну, подумала Грета, садясь на раму впереди Клайса.

2

В городе что-то произошло. Инквизиторы в бронеплащах с серебряными крестами вместо погон не обращали на грозу никакого внимания. Они сканировали прохожих уловителями эмоций. Грета и Клайс проехали мимо двух таких постов, прежде чем спешились возле Окраинного Храма.

Прижались к стене около входа. Козырек защищал их от потоков воды, которые падали, подобно водопаду, прямо перед ними. Грета вытерла ладонью лицо, стряхнула воду с руки.

— Обалдеть, — сказала она.

— Промокла? — спросил Клайс.

— Кажется, да. Как искупалась!

Тогда он обнял ее, желая согреть, и они стояли так целую вечность, слушая, как падает дождь.

Пол остановился около ограды. Клайс заметил его силуэт, окутанный потоками воды, и шагнул ему навстречу. Грета — следом за ним.

— Привет, — сказал Пол, пожимая им по очереди запястья. — Я думаю, не имеет смысла мерзнуть, ожидая Бонгу.

— Я тоже так думаю, — откликнулся Клайс, садясь на велосипед.

Они постарались поскорее добраться до школы и укрылись в рекреации первого этажа, среди таких же мокрых учеников.

Кондиционеры нагнетали сухой горячий воздух, из динамиков звучал голос Белоснежки, повторяя одно и то же:

— Всем промокшим переодеться в спортивные костюмы!..

Немного согревшись, они отправились в раздевалку. Грета быстро сняла с себя мокрую одежду, повесила ее в шкафчик и включила встроенный фен, чтобы одежда обсохла. Переоделась в сухое.

Подумала — и надела щитки, на локти и колени. Переложила распятие в карман и отправилась на второй этаж.

Коридоры заполнились ребятами в баскетбольном снаряжении. Щитки были почти у всех, а кое- где мелькали шлемы. Юнит выделялся на общем фоне — его привезла на “Микробусе” мама, и он не счел нужным переодеваться в спортивную форму. Он стоял рядом с Полом, нагло ввертя в пальцах неприкуренную сигарету.

— Почему твоя собака не кусалась, когда было надо? — спросила у него Грета, становясь рядом с Полом.

— А хуй его знает, — отозвался Юнит.

Бонга засмеялся.

— Я видел, как по одной колее дороги полз Юнит, а по другой — ползла собака, — сообщил он. — Сразу же, как этот Шаман набросился на нас.

— А я видел, как Бонга съебывал во все лопатки, — ответил на это Юнит. — Перед тем, как Шаман догнал его и дал ему пизды!

— Почему не пришел Наследный Принц? — спросила Грета у вспыхнувшего Бонги.

— У него сломана нога, — буркнул тот. — Но сломана несильно. Ему гипс не стали накладывать, просто залили блокпеной. Теперь ему нельзя бегать, но на велике ездить можно, если не очень быстро… — Бонга вздохнул.

— Ты поэтому такой хмурый? — поинтересовался Клайс.

— Если бы! Вчера выяснилось, что велосипед пропал… Я прихожу вечером домой, и тут папа у меня спрашивает: “Бонга, а где твой велосипед?..” Ну, был скандал… Пришлось сказать про флюс. Отвезли меня к зубному… Челюсть до сих пор болит… А тут еще этот ливень, — добавил он, снова вздыхая. — Врач сказал, если я простыну, флюс может повториться, и тогда придется резать десну…

— Это не простая гроза, — заметил Пол, и все посмотрели на него.

— Я просыпался ночью два раза, — продолжал Пол. —

Подходил к окну и видел, как над тучами полыхали зарницы… Было очень похоже на орбитальные взрывы.

— И много ты видел орбитальных взрывов? — поддразнил его Бонга.

— Мне папа хронику показывал, — улыбнулся ему Пол. — Когда он работал инквизитором на “М- 1000”, они проделывали и не такое.

— Да ерунда это все! — отмахнулся Бонга. — Это самая обычная гроза! В грозу хорошо спится… Я так хорошо соснул! — добавил он, потягиваясь.

— И у кого же ты соснул? — тут же поинтересовался Юнит. — Все слышали?

Он посмотрел на смеющихся друзей.

— Бонга-то, оказывается, отлично соснул!

Бонга пихнул его локтем в бок, под общий хохот. Грета краем глаза заметила Лейз — та, покачивая бедрами, медленно направлялась к ним.

— Мальчики, привет! — протянула Лейз, подходя к Клайсу вплотную. — Здравствуй, Клайс.

Она поцеловала его в щеку.

— О-о-о! — протянули Бонга и Юнит.

Клайс покраснел. Лейз переоделась, как и все, но спортивную курточку надевать не стала, ее груди выпирали из-под обтягивающей майки и упирались в Клайса.

— Как тебе гроза? — промурлыкала Лейз.

— Ну…

— Ты сильно промок? — Она взлохматила его волосы.

Грета отвернулась и стала смотреть в толпу, где то и дело мелькали знакомые лица. Готтлиб как раз проходил мимо них, направляясь к Мареку, стоявшему у голографического водопада. Грета окликнула его, и, когда он обернулся, спросила:

— Готтлиб, ты сегодня хорошо соснул?

— Что? — не понял тот.

— Соснул… хорошо? — рассмеялся Пол.

— А вот Красавчик позавчера классно соснул! — припомнила Грета. — Так соснул, что треснула щека!

— Да вот он, — Юнит указал рукой вправо.

На голове у Эни, шедшего мимо, красовался баскетбольный шлем с наглухо закрытым забралом.

Грета зашлась в припадке истерического смеха.

— Эни уже свое отсосал, — добавил Юнит.

— Какие-то у вас разговоры глупые, — Лейз наморщила хорошенький носик.

— Вот именно, — поддержал ее Готтлиб, поворачиваясь к

Монахам спиной.

— Неприятная тема? — не удержалась Грета, обращаясь к Лейз. — Много приходится сосать?

Юнит и Бонга фыркнули.

Лейз собиралась что-то ответить, но тут прозвенел звонок, и двери кабинетов автоматически открылись. Грета подхватила с подоконника бэг, и, довольно улыбаясь, направилась в кабинет истории Церкви.

3

— Зачем вы надели защитные щитки на урок истории Церкви? — удивился Учитель. — Эни, сними, пожалуйста, шлем… Что у тебя со щекой?

— Поцарапался, когда брился! — крикнул кто-то.

— Девочка, что-то ты сегодня плохо выглядишь, — обернулась к Грете Лейз. Они стояли почти рядом в проходе между партами, вынимая из рюкзачков письменные принадлежности.

Грета промолчала. Ей хотелось одного — спокойно посидеть, ей опять нездоровилось.

Она упала на стул и положила на руки подбородок, изподлобья глядя на Учителя. Тот говорил о чем-то с Юккеле, старостой класса.

— Юккеле утверждает, что два оставшихся урока отменяются, — сообщил Учитель. Все закричали “Ура!”.

— Поэтому мне нужно все ваше внимание, заранее рассчитанное на три урока, — продолжал Учитель. Гул постепенно стихал.

Установилась относительная тишина.

— Сегодня речь пойдет об очень важных вещах, — сказал Учитель. — И я очень прошу Бонгу оторваться от бутербродов…

В классе засмеялись. Бонга, весело округлив глаза, тут же спрятал сверток под парту.

— …И послушать то, что я собираюсь вам рассказать, потому что речь пойдет о Втором Пришествии. Когда Его распяли в первый раз и Он умер за наши с вами грехи… так вот, когда все закончилось, Его тело было завернуто в плащаницу. Церковь на протяжении всех Темных Веков хранила этот артефакт. Мир менялся, развивались технологии, и вот однажды… — Учитель выдержал хорошо рассчитанную паузу, потом заговорил совсем тихо:

— Когда-то давно мир был погружен во тьму. Но все знали, что Иесус должен вернуться и спасти его. Сам Он сказал он этом так: “И не прейдет еще этот мир, как я вернусь в него…” Это — Его подлинные слова. И вот, сорок восемь лет назад, Второе Пришествие стало возможным. Как я уже сказал, Церковь хранила ткань, в которую было завернуто тело нашего Бога после того, как Его сняли с креста. И сорок восемь лет назад, — возвысил голос Учитель, — стало возможным выделить ДНК Бога, для того, чтобы клонировать Его! Таким образом, Он с нами всегда и везде — на каждом корабле, отправляющемся за пределы Земли с Божественной миссией, в каждом Божьем Храме, Он — повсюду, вечно живой, мудрый и справедливый…

Слова Учителя падали в гробовой тишине, и Грета видела расстрелянный “Архангел”, окутанный сиянием, несущийся навстречу земле… Боевой крейсер “Архангел” с двадцатью тысячами десанта и Богом, распятым на пусковой установке…

— Он в каждом сердце любого из нас, — говорил Учитель, — но если есть нужда в Его физическом воплощении, Он является туда, где без Него все бы погибло, обратившись в прах…

И Грета видела, как сотни Иесусов, совершенно идентичных друг другу, поднимаются на боевые корабли, чтобы возглавить Новый Крестовый Поход против ереси и зла… Зла?

“У меня больше нет лица”, - вспомнила она слова Монстроборца из своего сна, его печальный смех. Кем ты стал, Иесус? Что они сделали с тобой?..

— А когда Христианство победит на всей планете, — говорил Учитель, — и больше не будет войн с Еретическими странами, Он воссядет на Мировой престол, и тогда пророчество сбудется. И тогда наступит что? Марек?

— Царствие Божие, — сказал Марек, поднимаясь.

— Совершенно верно, — согласился Учитель. — Впрочем, до этого еще далеко. Все помнят Историю Второго Пришествия?

Класс загудел.

— Ничего, я напомню, — Учитель, плавно двигаясь, вышел на середину класса, и Грета впервые подумала, что он наверняка — тех.

— Когда Иесус вышел из Лаборатории, на Него было совершено первое покушение. Его жизнь удалось спасти ценой жизни одного из Двенадцати Апостолов, который закрыл Его от пуль своим телом. Потом Монстроборца спрятали на крейсере, и долгое время Он скитался в космической пустоте, вместе с верными Ему Апостолами. И первую проповедь Второго Пришествия Он прочитал прямо оттуда, из космоса. Поэтому,

Пельке, как называется первая проповедь Второго Пришествия?

— Космическая Проповедь!

— Отлично!.. Молодец, садись. Космическую Проповедь мы будем изучать только в следующем классе, так что узнать ее текст вы сможете ровно через год…

По классу пронесся вздох разочарования, и Учитель негромко рассмеялся.

— Так вышло, что Его слова неслись в прямом эфире по всем каналам, и те, кто их услышал, не сомневались более, что Он вернулся. Тогда страны, принявшие Его, заявили: “Дайте Его нам, раз Он вернулся, и пусть Он будет с нами всегда…” Но так поступили далеко не все. После того, как Двенадцать Апостолов встали во главе принявших Его стран и объединили их в Христианское Содружество, Конфедерация Гигаполисов выступила с протестом.

Учитель снова замолчал. Вероятно, он наслаждался гробовой тишиной, повисшей в классе — ведь это была такая редкость!

— Эни, скажи-ка нам, что такое “Редонна”? — попросил он пару минут спустя.

— Столица Мирового Зла! — глухо донеслось из-под забрала, и Грету затрясло от беззвучного смеха.

Она спрятала лицо, пригнувшись к парте.

— Именно так! С той стороны Земли есть целый континент, принадлежащий Злу… Хорошо, Эни, садись!.. В то время, про которое пойдет речь, в первые годы Второго Пришествия, у этого континента была столица, которую называли “Редонна”. И жили в ней твари, души не имеющие, но выдающие себя за людей. А чтобы кара Божия не настигла их, они укрыли свой город энергетическим куполом.

Ночью над безжизненной равниной лился сумеречный свет силового поля. Полагая, что теперь они в безопасности, эти демоны поставили генетические плодильни и делали таких же, как сами, существ, с каждым поколением все более опасных. И правили оттуда всей Конфедерацией Гигаполисов, так как их эмиссары умели убивать одним лишь усилием воли…

Отчего-то Грета вспомнила инквизиторов на пороге храма, невероятно красивых и невероятно опасных.

“Вот кто умеет убивать усилием воли”, - с замиранием подумала она.

— Так вот, когда твари узнали, что Монстроборец вернулся, они пришли в ярость и потребовали, чтобы Его отдали им на расправу. Они предупредили, что в противном случае устроят ядерную войну. У Христианского Соднужества в то время не было ни космического флота, такого, как сейчас, ни энергетического

оружия, а Материк Зла, напротив, обладал самыми передовыми технологиями.

И вот, узнав про опасность, грозящую всему миру, Иесус просил Апостолов выдать Его, желая вновь спасти всех ценой своей жизни. Но они отказались.

А сейчас я спрошу у всех: все в курсе, кто такой Апостол Бен?

— Да! — прокатилось над классом.

— Я продолжаю! — И Учитель присел на краешек парты, первой в центральном ряду.

— Апостол Бен предложил следующий план: сказать эмиссарам Редонны, что Иесус находится на его космическом корабле, а когда ему дадут “зеленый коридор”, он обстреляет Редонну ядерными ракетами. Ведь уничтожить столицу Мирового Зла — это все равно, что отрубить змее голову!.. Но все осложнялось тем, что над Редонной был силовой купол.

Тогда аналитики рассчитали, что купол возможно пробить только в том случае, если выпустить по нему ракеты с минимальной дистанции, а именно — во время тарана. Апостол Бен прекрасно понимал, на что он идет, но другого выхода не было. Если Редонна отдаст приказ, война начнется в любую минуту!.. Он попрощался с друзьями и поднялся на крейсер “Лотгалия”. Эмиссары Редонны поверили, что Апостол может предать своего Бога, и пропустили “Лотгалию” в космическое пространство Конфедерации. И лишь когда он подлетал к Реоднне, почувствовали опасность, обстреляли крейсер ракетами… Но было слишком поздно.

А теперь представьте себе падающую звезду… Звезду Возмездия.

“Лотгалия” горела и падала, падала прямо на столицу Конфедерации, и ничего с этим поделать было уже нельзя. Это произошло перед рассветом. Небо начинало светлеть, и вот одна из звезд сорвалась и полетела вниз… Превращаясь в пылающий крейсер… Чтобы в следующую минуту отстрелять ядерные ракеты и стать вспышкой плазмы, такой непередаваемой мощи, что на месте Редонны остался лишь оплавленный котлован. Все сгорело. Даже земля…

Учитель замолчал. И все молчали вместе с ним, только Астронавт робко тянул руку, собираясь спросить очередную глупость.

Учитель не стал на это реагировать. Он встал и захлопнул журнал.

— Все, кто написал сочинение на тему: “Каким я вижу Царствие Божие”, могут идти домой, — сказал он. — Кто не написал, поднимите руку!

Грета подняла руку, оглядываясь. Кроме нее, сочинение не написала половина класса, и она облегченно вздохнула.

— Что же вы? — огорчился Учитель. — Вероятно, у вас были более важные дела… Бонга, почему ты не написал сочинение?

На вопросы Учителя всегда полагалось отвечать правду. Бонга покраснел и встал, выходя из-за парты.

— Я забыл, — пропыхтел он. — Простите меня… Можно, я останусь после урока и напишу?

— Конечно, — разрешил Учитель. — И не ты один. Все, кто ЗАБЫЛ написать сочинение вместе с Бонгой, остаются после этого урока в обязательном порядке. По-моему, это справедливо?

Над классом прогремело радостное “Да!”

В отличие от других преподавателей, Учитель никогда никого не наказывал, не бил линейкой по пальцам, не ставил в угол на колени, не мучил, не истязал и не таскал за ухо к Директору или в школьный подвал, где находился карцер. Именно поэтому его звали “Учитель”.

Из Бродяг сочинение не написали Марек и Эни. Из Монахов — все, исключая Алдыбея, которого сегодня не было. Плюс еще несколько человек, не принадлежащих ни к каким группировкам.

Учитель обвел их глазами.

— Можете начинать. Как раз ливень закончится, пока вы пишете…

Грета посмотрела в окно. Гроза уходила. Она попыталась представить себе Царствие Божие, но видела лишь плакаты с безлицым Иесусом, висящие на колючей проволоке… Прожектора, обшаривающие вымершие города, патрули на захваченных улицах… Черные флаги с серебряными крестами, намокшие от дождя, такие же, как за этим окном… “Неужели Царствие Божие превратится в Полигон?”, - думала она, — “Как я напишу об этом? Учитель хочет, чтобы я описала свою мечту, правду он знает и так… Но если бы что-то изменилось… Если бы к Монстроборцу вернулось лицо… Что было бы тогда?

Она представила, как Дракон со скрежетом разваливается на части, уходит в землю, а потом на этом месте вырастает трава. И все железо Полигона исчезает, рассыпаясь бурой пылью, даже Химический Комбинат перестает выделять в небо свой ядовитый дым. Река снова становится чистой, в городе весело перекликаются колокола, и Бродяги идут по улице вместе с Монахами, подшучивая друг над другом. Но не так, как обычно, а совершенно без злобы, потому что ненависть растворилась в небе, ненависть ушла навсегда…

Учитель наклонился над ней, заглядывая в тетрадку.

— И лишь когда над всей планетой поднимется черный флаг Межконтинентального Христианского

Содружества, — негромко прочитал он вслух, — война закончится и наступит мир, вечный мир навсегда!

4

Дождь почти прошел, превратившись в мелкую морось. Было тепло. Земля готовилась рожать, ей не было дела до кусков железа, торчащих из ее плоти. Она испускала пьянящий аромат, и где-то там, в черной жирной каше, шевелились семена растений, разбуженные дождем. Дороги размыло так, что проехать можно было лишь на рубчатых протекторах. Бонга, оставшийся без велосипеда, заерзал на багажнике. Пол обернулся и подмигнул ему.

— Придется повозиться.

Грета понимала ужас Бонги — ему только вчера перепало за пропавший велосипед, а сегодня вся его модная куртка окажется заляпана грязью, летящей из-под заднего колеса на пробуксовках.

— Скользко будет, — хмыкнул Юнит.

Бонга уселся поудобнее.

— Только, Пол, ты не очень…

— Грязевые гонки! — объявил Юнит.

Бонга взвыл. Пол, Клайс и Юнит сорвались с места и погнали по дороге, полого уходящей вниз.

Бонга орал “Не надо!”.

Грета поехала не торопясь. Меньше всего ей хотелось упасть с велосипеда. Она видела, как Юнит бортанул Пола, и тот, поскользнувшись, потерял равновесие, успел подставить ногу и удержаться, но вот Бонга кувырнулся прямо в густую грязь. Толстяк заорал, матерясь не хуже Юнита. Юнит с хохотом помчался дальше. Грета, посмеиваясь, подъехала к Полу. Тот терпеливо ждал, пока Бонга займет свое место сзади. Его лицо просто сияло.

Бонга был грязным с ног до головы, его глаза блестели от злости. Пол оттолкнулся, выровнял равновесие и поехал рядом с Гретой.

— Ур-род! — сердито выплюнул Бонга. — Мне знаешь как за это влетит от отца?

— Ну подумаешь, немного испачкался! — фыркнул Пол. Его одежда была практически чистой, но Грету это не удивляло —

Пол оставался чистым всегда.

Они доехали до Фундамента, ни разу не потеряв равновесия на скользких участках, и Бонга с облегчением вздохнул.

За толстыми стенами накрапывал дождик, а в Фундаменте было тепло и сухо. Бонга и Юнит быстро наломали досок, ножом настрогали щепок и Пол сделал костер, такой, чтобы как следует обсохнуть. Потом Бонга взял пятилитровую канистру с магазинной водой и вышел под дождь, желая хоть как-то оттереть грязь, заляпавшую жирным слоем его нарядную курточку. Грета легла на скамейку, положила голову Клайсу на колени и глядела, как перемешиваются языки пламени, облизывая сухие доски и пару узловатых древесных сучьев. Было спокойно и хорошо. Рубцы от кнута больше не болели, они заживали с пугающей скоростью, и Грета ощущала легкий зуд там, где начинала нарастать новая кожа. Бонга вернулся гораздо более чистым, он даже умылся и сполоснул волосы. Бросив у входа пустую канистру, он расправил отжатую курточку и стал покачивать ее над огнем. Юнит вытянулся на низенькой лавке, сколоченной из досок и чурбачков, занимая ее целиком. Бонга потоптался, не зная, куда ему сесть, притащил к огню чурбачок побольше.

— Надо бы котелок сюда привезти, — Юнит блаженно выдохнул сигаретный дым. — Можно было бы чаю попить…

— У Бонги в термосе наверняка что-то осталось, — припомнил Клайс. — Бонга! Ты же не потащишь домой термос с чаем!

— Верно, — согласился тот, доставая из рюкзака термос. — Только чур я первый!

— Грета, ты будешь чай?

Все оживились. Следом за двухлитровым термосом Бонга вытащил свертки с бутербродами, которые тут же поделили на пятерых. Клайс отобрал у Бонги крышку с чаем и вложил ее Грете в ладони.

— Тогда я следующий! — пробурчал недовольный Бонга. — А то не получите чая вообще!

— Мы все можем пить по очереди, — сказала Грета, отпивая глоток и передавая ему кружку. — И никому не придется ждать.

Пол, неожиданно что-то вспомнив, быстро отошел к алтарю, покопался в нижнем ящике и вернулся обратно. Он принес папки, те самые, что они забрали из военного бункера. Раскрыл верхнюю. Бонга сунулся было посмотреть, но быстро утратил интерес и вновь занялся распределением чая.

Пол перебирал страницы, его лицо становилось серьезным.

— Что там? — поинтересовался Клайс, выкидывая обертку от

бутерброда в костер.

— Отчеты об испытаниях, — Пол тоже бросал бумаги в огонь, Грета видела, как страницы тают, исчезая в пламени. — Это надо на всякий случай сжечь…

— Дай посмотреть, — попросил Клайс.

— Лучше я так расскажу. — Пол отдал огню еще несколько страниц. — Тут написано таким языком, что это надо уметь читать… Слишком сложно… Вобщем, речь идет об испытаниях какой-то

“Модификации Икс”, причем, что это такое — непонятно вообще. Вот — графики вхождения “Модификации Икс” в предстартовую зону, вот отчет о постепенном вхождении в зону дельта и отчет об одновременном вхождении в зону дельта-два… Какие-то расчеты… Вам интересно?

Бонга широко зевнул.

— Стоило сюда все это тащить! Лучше бы занялись теми рациями, что нашел Алдыбей! Где они, кстати?

— Там, куда их спрятал Алдыбей, — ответил Пол. — И я не советовал бы тебе их включать, иначе ты начнешь молоть в них какую-нибудь чушь, а потом сюда приедут военные… А вот и карты!

— Какие карты? — поинтересовался Клайс.

— Карты нашего Полигона, — ответил Пол, разворачивая папки. — Надо смотреть вот так… Вот — железная дорога. По ней проходит граница, ничья земля… Вот, сразу за железкой — бункер, где мы были… Вот — река, она петляет через весь Полигон, с юго-запада на северо-восток, где находится Химический Комбинат… Вот — северная окраина, где живут одни уроды и мутанты, такие, как Шаман… А вот — наш Фундамент, и даже обозначена дорога, по которой мы сюда приезжаем после школы… Смотрите, вот здесь живут Клайс и Грета, — он ткнул пальцем в один из прямоугольничков, рядом с надписью “западная окраина”. — А вот — юг, где живут все Бродяги и наш товарищ Бонга… Благополучный юг… Смотрите, обозначены даже парки… Вот — холмы, предохраняющие южную окраину от ядовитых поветрий с северо-востока. А вот — посреди холмов

— Бугры, городок техов, где живем мы с Юнитом. И это все умещается в одну карту — весь известный нам мир, за который мы сражаемся с Бродягами… Но карты-то три! А мы не были даже здесь! — он ткнул в левую половину карты.

— Я был, — быстро сказал Юнит. — Я доезжал до Ангаров, куда стаскивают части боевых крейсеров.

У нас в классе есть парень, который был в Ангарах и видел там целый крейсер. Говорит, там только те машины, которые

невозможно починить. Есть лазейка в бетонном заборе, там почти не охраняют. Но надо ползти по трубам, довольно долго. И еще, там некоторые крейсера стоят на дезактивации, туда лучше не соваться.

— На дезактивации? — удивилась Грета.

— Не болтай, — бросил Пол Юниту, и тот, неожиданно послушавшись, замолчал.

— А что за Ангарами? — спросил Клайс.

— Там запретная зона, — снова заговорил Юнит. — Там испытывают силовые купола, только это — военная тайна. Мне рассказывали пацаны, которым можно доверять. Они были там ночью и видели огромное зарево, какое может быть только у силового поля. Там установлены сканеры местности, пулеметы расстреливают все живое, там нет даже птиц. Но туда можно пробраться под землей.

— Как это — под землей? — не понял Бонга.

— По закрытой ветке метро, которая идет подо всем Полигоном, — пояснил Юнит. — По воздухоотводным шахтам. Только там рано или поздно поймают, и даже фамилии не спросят, пристрелят, как не хуй делать…

— Да и нечего там делать, — проговорил Пол.

— Только если посмотреть на чудеса современной техники, — улыбнулся Клайс.

— Там Лаборатории, — сказала Грета, и Пол метнул на нее быстрый взгляд.

— Там клонируют Иесуса, — добавила она, глядя ему в глаза.

Пол промолчал. Бонга подбросил в костер немного досок. Пламя замелькало, отражаясь в зеркальце лица распятой куклы, потекло по бетонному полу. Грете хотелось спать все сильнее.

Она закрыла глаза и стала слушать, как потрескивают горящие доски.

5

Когда Грета слезла с велосипедной рамы, чтобы войти в свой дом, ее качнуло, и Клайс едва успел подхватить ее.

— Голова закружилась, — ей удалось улыбнуться. — Пойдем?

Они поднялись по лестнице и Клайс, оставив велосипед у окна парадной, возле ржавой батареи, открыл дверь своим ключом.

— А, пришли! — крикнула женщина с кухни, где лилась вода и что-то шкворчало на сковородке. — Опять допоздна шлялись?!

— Я пойду спать, — шепнула Грета.

— Клайс, иди в свою комнату! — приказал мужчина, выходя из гостиной. Он даже не поглядел на Грету. Возможно, ему было стыдно.

Клайс обеспокоенно заглянул ей в глаза, но сделать ничего было нельзя — отец стоял на пороге, вид у него был довольно хмурый.

Грета поспешила к себе в келью.

Она зажгла свечи у распятия, но на это ушли последние силы. Глаза закрывались сами собой.

Тогда она сняла спортивную форму, машинально отметив, что штаны по низу забрызганы грязью, и залезла под ледяное одеяло.

Ей снова захотелось заплакать, но потом она подумала, что ОНИ только об этом и мечтают — о том, чтобы сломать ее, сделать такой же, как все, им бы очень хотелось увидеть эти слезы…

Сон надвигался, устраняя из головы все мысли, одну за другой, а потом она поглядела себе под ноги и увидела легкое мерцание, исходящее от маленьких черепушек.

Она снова стояла на дороге из костей, но ей больше не было страшно. Она знала, что главное — это быстро бежать. Она побежала. Сначала было легко, потом она пропорола ступню костяным осколком и наступать на ногу стало больно. И когда она решила, что все, больше ей не сделать ни одного шага, дорога закончилась. Грета увидела уже знакомую поляну, похожую на кусок Полигона.

Искореженная туша “Архангела” призрачно светилась, внутри продолжался пожар. Иногда языки зеленого пламени вырывались из пробоин, лизали внешнюю обшивку. Вверх поднимался черный дым. Ветер доносил запах горящей химии, но неожиданно он переменился, и Грета услышала приглушенный звук ритмичных ударов. Она пошла на него, раздвигая коленями густую траву.

Идти приходилось очень осторожно — здесь было полно ржавого железа. Боль в ступне медленно затихала, а странный ритм все нарастал, приближался, и вот Грета увидела яркое пятно горящего костра, вокруг которого кто-то плясал, стуча в небольшой барабан.

Она улыбнулась.

Она уже знала, кто это.

Шаман замер на одном месте, упала тишина. Он вглядывался в темноту, Грета чувствовала его взгляд. Она вышла в круг света

и встала напротив.

На лице Шамана появилось странное выражение, как у того человека с фрески, принимающего от Бога связку ключей. Будто он не верил в то, что происходит.

— Это я, — сказала она. — Ты опять мне снишься! Ты тренируешься стучать в барабан?

В его глазах промелькнуло удивление.

— Тренируюсь стучать в барабан? — задумчиво повторил Бродяга. — И что с тобой случилось на этот раз?

Он подходил, с интересом разглядывая ее, но Грете это почему-то нравилось.

— Со мной все хорошо, — откликнулась она. — Кстати, спасибо тебе — почти все прошло! Если бы не ты…

— Не ври мне, — он остановился напротив, совсем близко, и ей пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть Шаману в глаза.

— Тебе холодно, — добавил Бродяга.

Только сейчас Грета поняла, что ее колотит озноб, даже здесь, во сне. Она встала поближе к огню.

Шаман за ее спиной сделал резкое движение, его дыхание на секунду прервалось, и Грета обернулась. Он снова разрезал себе запястье когтем Дракона, амулет из Мира Снов хищно изгибался в его правой руке, а по левой текла кровь.

— Пей, — услышала Грета.

— Пить кровь?! — вырвалось у нее. — Но я никогда…

— Я сказал — пей!

Она вздохнула, взяла его запястье обеими руками и осторожно дотронулась до кожи кончиком языка. Кровь была теплой, она текла довольно сильно. Грета собралась с духом и сделала первый глоток.

Раньше она никогда не делала этого — ни во сне, ни на самом деле, и даже представить себе не могла, насколько это здорово. Кровь Шамана шипела на языке, как газировка, каждый глоток расходился по телу горячей волной… Она пришла в себя от мысли, что выпила слишком много, и с испугом посмотрела на него. Лицо Бродяги стало чуть более бледным, но движения не потеряли уверенности. Он провел по разрезанной коже все тем же когтем, только обратной его стороной, и рана закрылась.

Грета совсем не удивилась, ожидая чего-то подобного.

Они молча поглядели друг на друга.

— Ты похожа на вампира, — в голосе Шамана послышался упрек. — Вся перемазалась! Кто же так пьет кровь?..

— Теперь ты отправишь меня назад, как в прошлый раз? —

поинтересовалась Грета, вытирая губы.

— Теперь даже не знаю… — он сел у самого огня, обхватив себя за плечи.

— Ты пришла сюда сама, — донеслось до Греты. — Пока что пройти дорогой из костей мог только я… я один… — и Шаман настолько грустно усмехнулся, что Грете захотелось его обнять. Она ограничилась тем, что присела рядом, заглядывая ему в лицо.

— Знаешь, я тебя не понимаю, — заявила она. — Ты ходишь по таким удивительным местам — и грустишь… Тебе же грустно, ведь так?

— Так, — согласился Шаман. — И если хочешь, я объясню, почему…

— Давай!

Тогда он притянул ее голову к себе, но не для того, чтобы поцеловать, как подумалось Грете, а чтобы просто коснуться лбом ее лба.

— Закрой глаза, и ты все поймешь.

Она сделала, как он хотел, и вдруг увидела зеленые поля, покрытые цветами.

Сквозь колосящуюся траву петляла дорога, а сверху раскинулось небо, такое синие, каким оно бывает лишь ранним утром, когда солнце еще только набирает свою высоту. Грету подхватило ветром и понесло вперед. Она летела, повторяя изгибы дороги, от скорости закладывало уши. На велосипеде так не разогнаться… Поля простирались до горизонта, становясь то золотистыми от пшеницы, то серебристыми от овса, то снова пестрыми от полевых цветов. И нигде не было ни одной воронки, ни одного Комбината, ни одного секретного объекта, огороженного вышками, заборами и силовыми полями. Это был Мир-Без-Дракона, мир, в котором все было устроено так, как и должно быть НА САМОМ ДЕЛЕ.

— Это что, прошлое? — спросила Грета, отстраняясь, и видение исчезло. Она заморгала, фокусируя взгляд на лице Бродяги.

— Я не знаю, — пожал плечами тот. — Но я знаю, как туда уйти.

— После… смерти?

— Я понял, — усмехнулся Шаман. — Ты думаешь, что это — Рай, ведь так? Нет, Грета, это не Рай. Это — такая же точно реальность, как и та, в которой мы живем.

Просто там нет ни одного полигона…

— Мне рассказать все с самого начала? — спросил он, заметив ее недоуменный взгляд. Грета кивнула.

— В общем, так получилось, что в начальной школе мы проходили тест. — Шаман убрал с ее лица прядь волос, слипшуюся от крови. — Ты знаешь про это все. Вам делали такой же, Марек рассказывал, что в вашем классе погибло несколько детей. Вот и у нас произошло то же самое…

Я долго болел, а потом, когда вернулся обратно в школу, неожиданно понял, что умерли лишь те, кто обладал спецспособностями… Знаешь, как мы играли? Мы бродили по Полигону, из одной реальности в другую, и это было так же легко, как пройти из Бугров в Волчьи Ямы, или сходить в магазин… Даже не знаю, с чем сравнить! Все мои друзья погибли во время этого теста. А тот, кто поправился, стал еще глупее, чем был. Мне пришлось подделываться, косить под дурачка, я чуть по правде с ума не сошел… Ты ведь понимаешь, что происходит? — спросил он совсем тихо.

— Что? — у Греты на секунду перехватило дыхание, совсем как на краю обрыва.

— Заканчивается деление на касты, — сказал Шаман. — Есть техи и есть люди. Избранные колдуны и тупорылое быдло. Понимаешь? Того, кто не тех, но обладает способностями высшей касты, отбраковывают еще в детстве. Техи — такие же, как мы с тобой, как ты и я, просто они находятся у власти. Это — новая система. Она уже родилась. Новый порядок с клоном Иесуса во главе… Когда нас вычислят, а рано или поздно это произойдет, нас уничтожат. Мы — люди, и этого вполне достаточно, чтобы нас убить.

— Ну и… что теперь делать? — вырвалось у Греты.

— Мы можем уйти, — Шаман глядел ей в глаза, и Грета знала, что он говорит правду. — Мы можем уйти… ТУДА. Ты и я.

— Куда?..

— Ты видела, куда!

— Но… как мы это сделаем?

— Мы просто пойдем по одной из дорог, — волосы Шамана блеснули красным, когда он встал. — Потом перед нами появится Темный Путь, и мы пойдем уже по нему, сквозь стены очищающего пламени… Это совсем не больно, главное — не бояться. Потом огонь расступится, и ты увидишь те поля под синим небом, все просто.

— Скажи, Шаман, — Грета сжала его ладони, не осознавая этого. — Ты видел там Бога?

— Нет, — ответил он. — Там нет никакого Бога. Там просто поля и синее небо.

Они стояли лицом к лицу, и Грете не хотелось отпускать его руки. Она смотрела на него, а он — на нее.

— Ты, наверное, хочешь спросить, почему я все еще здесь? — подсказал Шаман.

Грета машинально ответила “да”

— Я не могу прорваться туда один. Мне не хватает силы. Когда я ходил туда вместе с друзьями, такими же, как я, все было просто. Потом я попробовал пройти туда один… Темный Путь едва не забрал мою душу.

Он замолчал.

Грета попыталась понять, как это — знать, что можешь отправиться, когда захочешь, в место, похожее на Рай — и утратить даже тень надежды…

— Ты пойдешь со мной ТУДА? — напрямую спросил Шаман, в его глазах горел огонь, который он тщетно пытался скрыть. — Я не хочу здесь больше оставаться. Я не могу больше жить в Обители Зла! С меня хватит!

— Мне надо подумать, — прошептала Грета, отводя глаза. — Хотя бы до завтра…

Бродяга запрокинул лицо и посмотрел на звездное небо. Тогда Грета обняла его и почувствовала, как бешено колотится его сердце.

— Завтра может быть слишком поздно, — сказал ей Шаман. — Завтра начнется война.

6

Когда все уснули, и даже сосед этажом выше перестал ворочаться на своей скрипучей кровати, Клайс осторожно встал и вышел из комнаты. Он опасался, что ОНИ заперли Грету на ключ, но дверь оказалась открыта. Клайс на цыпочках вошел в комнату сестры, остановился у ее постели.

Сначала он просто смотрел на нее, потом прикоснулся губами к ее виску, и на его лице отразилась тревога.

— Завтра не начнется никакой войны, — чуть слышно сказала Грета, заставив его вздрогнуть от неожиданности. — Ты ошибаешься…

— Что? — переспросил Клайс.

— Я скажу тебе завтра, пойду я с тобой или нет…

Кажется, она бредила. Клайс вдруг понял, что совершенно не знает, что делать в таких случаях, и его прошиб холодный пот.

— Я не хочу туда идти без Клайса… — это он расслышал совершенно отчетливо. — И без Пола…

— Идти… куда? — выдохнул он.

— Я не могу бросить их… там… — по ее щеке покатилась слеза, оставляя быстро сохнущий след.

Клайс несколько раз встряхнул ее за плечи, в надежде, что она проснется.

— Грета!.. Ты слышишь меня?

— Наверное, я не смогу пойти с тобой, Шаман… Прости меня…

— Шаман? — от неожиданности Клайс разжал пальцы и Грета безвольно упала обратно на кровать. — Ты сказала — Шаман?!

— Я должна возвращаться.

— Шаман, — повторил Клайс, как бы подводя черту.

Потом встал и подошел к окну.

Над Полигоном клубились тучи, иногда озаряясь изнутри яростными вспышками, но грома отчего-то не было слышно.

— Странно, — проговорил Клайс, когда очередной плазменный шар беззвучно осветил линию горизонта. — Это действительно похоже на орбитальные взрывы… Знаешь, Грета, а ведь твой Шаман совершенно прав.

Война все-таки начнется.

СУББОТА

1

Колокола тревожно гудели, настойчиво вытягивая из трясины зыбкого сна, Грета с облегчением просыпалась. Дорога из костей исчезла, остался только набирающий силу звон, в который чуть позже вплелись печальные протяжные гудки заводских предприятий Окраины — бас Окружного Комбината, дерганная сиплая сиренка Завода Пластмассовых Изделий, куда Грета ходила с классом на экскурсию, затем мощно взвыла пожарная часть… И только со стороны Полигона доносилось похоронное молчание.

“Война!” — поняла Грета, открывая глаза и резко сбрасывая с себя одеяло. — “Началась война!”

Она вылетела в коридор — и наткнулась на Клайса. Тот прижал палец к губам, затолкал ее обратно в комнату.

— Оденься.

— Это война?!

— Возможно.

— Что случилось?!

— Епнулся “Архангел”… Выходи потихоньку, ОНИ сейчас на кухне.

И закрыл дверь.

Грета упала обратно на кровать.

Это было слишком неожиданно — увидеть во сне погибший “Архангел”, а потом узнать, что это произошло на самом деле.

И тогда получается, что она действительно видела Шамана и говорила с ним. И стояла на дороге из костей… Ей захотелось смеяться. Она закусила подушку. Неужели это все — правда?.. А какая была демонстрация! Транспаранты, флаги, как на Рождество… Двадцать тысяч космодесантников на борту приветствуют тебя, Иесус! Они вознеслись прямо в Рай на своем железном корыте!..

Интересно, что скажет про это Пол? Он обычно знает все…

Грета быстро встала и переоделась в школьное, отметив, что корка на рубцах от хлыста наполовину оборвалась, и под ней розовеет новая кожа.

“Когда я упала с крана, все было иначе,” — подумала она. — “Но тогда я не была знакома с Шаманом…”

Выглянув в коридор, она услышала голоса, доносящиеся с

кухни, уловила взволнованные интонации. Еще бы, такая трагедия!

В ванной лилась вода, там умывался Клайс. Грета зашла в уборную, закрыла дверь на защелку, и, встав на унитаз, заглянула в решетку вентиляции.

— Клайс!

— Что? — Клайс забрался на стиральную машину. Его губы были в пене от зубной пасты. Грета фыркнула. Он сплюнул в раковину, бросил туда же зубную щетку.

— Ты сказал — упал “Архангел”?

Лицо у Клайса было бледным, глаза блестели.

— Скорее всего, он упал не просто так. Потому что собираются вводить военное положение.

— Откуда ты знаешь?

— Подслушал! Раньше надо вставать!.. Кто-то идет! Поговорим потом.

Грета быстро воспользовалась ванной и снова скрылась к себе в комнату. Ей хотелось одного — поскорее отправиться в школу и спросить обо всем Пола, но за дверью раздались шаги, и женщина распахнула дверь.

— Мы с отцом приняли решение, — сказала она, будто через силу. — Ты можешь сегодня поесть вместе с нами. Идем.

Грета подчинилась. Ели они в полном молчании. Грета ни разу не посмотрела на Клайса, постоянно чувствуя взгляды родителей. Холодная фасоль не лезла в горло, она с трудом доела до конца. Женщина поставила перед ней кружку кипяченого молока.

Грета, давясь, выпила его залпом. Она ненавидела кипяченое молоко даже больше, чем вареную фасоль. Потом “они” вышли из кухни, велев ей помыть за всеми посуду. Грета терла губкой тарелки и вспоминала “Архангел” из своего сна.

“Я что, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ГОВОРИЛА С ИЕСУСОМ?!”

Она поняла, что у нее дрожат руки, несмотря на горячую воду. Сполоснув последнюю ложку, Грета закрыла кран. Женщина будто дожидалась этого за дверью, она тут же оказалась на кухне.

Придирчиво осмотрела вымытую посуду и бросила через плечо:

— Можешь отправляться в школу.

2

Они выскочили за дверь и кинулись вниз по лестнице.

Велосипеды стояли в общей прихожей подъезда, они выдернули их из стоек и выбежали на улицу. Потом помчались, не разбирая дороги, по растаявшей грязи пустыря, сквозь кусты, на асфальтированную тропинку, и, обгоняя друг друга — к повороту на Окружную трассу. Вовремя заметили пост — его здесь не было еще вчера, длинные машины с траками вместо колес, несколько мрачных техов проводили их настороженными взглядами, — свернули в переулок и дали газу, не останавливаясь до самой церкви.

Там они притормозили, чтобы отдышаться и подождать кого-нибудь из своих.

Небо над храмом было высоким и чистым, от вчерашней непогоды не осталось и следа. Солнце, яркое, как летом, поднималось все выше, по асфальту бежали ручьи. Воробьи, прыгая вдоль ограды, распевали во всю глотку свои весенние песни, стараясь, кто кого переорет, и в тревожной тишине, охватившей город, это звучало особенно дерзко.

Грета вдохнула побольше воздуха, наполненного запредельной свежестью первых весенних дней, и ей захотелось смеяться. Она вскинула руки, закружилась на месте, потом посмотрела на

Клайса и остановилась, такое у него было лицо.

— Ты двигаешься гораздо лучше, чем вчера, — подозрительно заметил Клайс.

— А, — махнула рукой Грета. — Уже все прошло! Спрей Пола здорово заживляет.

— Не то, — покачал головой Клайс. — Все это странно. Ведь я видел, что с тобой было… Ты ничего не хочешь мне сказать?

Грета поглядела на него с непониманием.

— Что сказать?

Он отвернулся. Шаги патруля вспугнули веселых воробьев, птичий гомон затих, и стало слышно, как над крышами проносится ветер. Потом показался и сам патруль — Легионеры, чеканя шаг, шли мимо храма, они были закупорены в броню и вооружены энергетическими пушками.

Клайс проводил их равнодушным взглядом и снова посмотрел на Грету.

— Раньше у тебя не было от меня никаких тайн.

Она промолчала.

Он ждал какое-то время, потом провел по лицу рукой, убирая отросшую челку назад.

— Я все понял, — вырвалось у него вместе со вздохом.

— Ты понял — что? — переспросила Грета.

Он молчал. На его лицо легла печать отрешенности, легкая,

как утренняя тень.

“Я никогда не смогу бросить его”, - подумала Грета, и в носу защипало от слез. — “И Пола — тоже. Прости меня, Бродяга…”

— А вот и Бонга, — Клайс постарался, чтобы его голос звучал, как всегда, и у него это получилось.

Бонга заметил их, побежал к паперти, лавируя между встречными пешеходами. По его округлившимся глазам было видно — он знает что-то такое.

— Вы уже в курсе? — спросил он полушепотом, оглядываясь по сторонам. — Упал “Архангел”!

Прямо с орбиты! Говорят — орбитальные неполадки, но я слышал, что его протаранил спутник!

— Подслушал разговор родителей? — спросила Грета.

— Нет, по радио сказали! — насмешливо протянул Бонга. — По радио только печальную музыку передают… Я слышал, что “Архангел” упал на какой-то город…

Пол, неслышно подкравшись сзади, схватил его за плечо.

— Распространение слухов в военное время приравнивается к измене, — сказал он. — Привет, Клайс! Уже в курсе?

— Насколько это возможно, — хмыкнул тот.

— Тогда слушайте сюда, — Пол сделал таинственное лицо. Грета, Клайс и Бонга невольно придвинулись поближе.

- “Архангел” потерял управление в результате столкновения с орбитальной станцией одного из гигаполисов Конфедерации и упал на территорию противника.

— А на самом деле? — спросила Грета.

— На самом деле? — переспросил Пол.

— Его сбили ракетами?

— Про это мне не ведомо. Может, и так… Ну что, пойдем?

— Алдыбея ждать не будем, да? — набычился Бонга.

Пол поглядел на часы.

— Хорошо, — вздохнул он. — Ждем ровно пять минут. Тебя это устраивает?.. Клайс, у тебя точно все в порядке?

— Лучше некуда! — заверил его тот, мрачно улыбаясь.

Когда пять минут подходили к концу, Алдыбей примчался на своем велике, растрепанный и запыхавшийся даже больше, чем всегда. Его черные глаза тревожно блестели, он напоминал встопорщенного воробья. К раме велосипеда крепился новенький блестящий костыль. Тяжело дыша, Алдыбей не смог ответить ни на один из вопросов. Тогда Пол взял у него велосипед, передал оторопевшему Бонге, зачерпнул пригорошню талого снега и намазал ледяной кашицей Алдыбею лицо.

— Что ты делаешь?! — тут же выпалил Алдыбей, полностью

приходя в себя.

— Что случилось?

— А вы не знаете?!

— Тише! Говори тише. Что тебя так напугало, Наследный Принц?

Грета прыснула, Бонга заржал в полный голос, как и всегда, когда кто-нибудь называл его друга “Наследным Принцем”. Но Алдыбей не обратил на это никакого внимания. Друзья встревоженно переглянулись.

— Рассказывай, — приказал Пол.

— У нашего дома — траурная доска, на ней — портрет соседа… На шесть лет старше нас… — заговорил Алдыбей. — Он был на “Першероне”. Его мама — подруга моей мамы. Ее забрала полиция… Потом они ходили по соседям. Меня ни о чем не спрашивали, а подслушать не удалось. Потом я взял велик, поехал сюда… Наш квартал оцеплен, куча Церковников…

— Легионеров, — машинально поправил Пол.

— Людей хватают просто так, кто без документов… Я маленький, я просочился… Видел, как поймали какого-то парня. “Ты почему не в армии? Вместо тебя на “Архангеле” погиб кто-то другой!” В общем, будет война, — мрачно подытожил Алдыбей.

— Когда нам будет по восемнадцать, она по-любому закончится, — успокоила его Грета.

Алдыбей лишь презрительно фыркнул. Грета поглядела по сторонам. Люди шли по своим делам, как и всегда в это время суток. Вдоль тротуара медленно ехала патрульная машина со включенной мигалкой. Никого не хватали, не били… Но что же тогда напугало бесстрашного Принца? Грета почувствовала приближение страха — холодок пробежал по позвоночнику, кончики пальцев стали ледяными. Она посмотрела на Клайса. Тот ответил ей встревоженным взглядом.

На углу собралась небольшая толпа. Кто-то, жестикулируя, быстро тараторил, рассказывая взахлеб. Алдыбей с Бонгой переглянулись, собираясь подойти и послушать, но более осторожный Пол ухватил Бонгу за яркий рукав. Толстяк дернулся, не желая подчиняться…

И тут что-то произошло.

— Всем разойтись! — полслышался хлесткий приказ.

И Грета увидела патруль.

Легионеры быстро приближались к толпе. Пол кинулся через дорогу, остальные — за ним. Завернув за противоположный угол, они остановились и стали смотреть, как церковные спецчасти брали толпу в кольцо.

— Лечь на землю! — неестественный голос, искаженный

усилителем, вгонял в ступор, отнимал волю и делал беспомощным. — Лечь на землю!

Люди безропотно ложились ничком и вытягивали руки над головами.

— Бежим! — шепнул Пол, одновременно усаживая полуживого от ужаса Бонгу к себе на багажник.

Они помчались изо всех сил. Какие-то копы пытались загородить им дорогу, но это были просто копы. “Дяденька, пустите, нам надо в школу!” — тоненько и жалобно прокричал Алдыбей, не слезая с велосипеда, и их не стали задерживать. Добравшись до школы, они бросили велики на стоянке и с облегчением скрылись за тяжелыми дверьми.

3

Школа встревоженно гудела. Когда Монахи поднялись в рекреацию, учащиеся начинали строиться по классам.

— Что случилось? — спросил Клайс у кого-то.

— Будет линейка, — ответили ему.

Алдыбей куда-то исчез, потом приковылял, опираясь на свой костыль.

— Приехала инквизиция, — сообщил он, тревожно блестя глазами. — Что-то будет.

— Что, Алдыбей, хромаешь? — посочувствовал Готтлиб, проходя мимо. — Ногу сломал, да?

— Щас как дам этой палкой! — пригрозил ему Алдыбей, поудобнее перехватывая костыль.

— А Готтлибу палкой больше, палкой меньше — уже без разницы, — притворно вздохнул Пол под общий смех. — Палкой его не напугаешь.

Готтлиб что-то процедил сквозь зубы.

— Иди гуляй, — сказала ему Грета. — Ищи себе половых партнеров в другом месте. У его партнера Эни испортилось лицо, — пояснила она друзьям, — и Готтлиб ищет себе новую любовь…

Пол прижал палец к губам, обрывая разгулявшийся смех.

— Тссс… Сегодня в стране траур, так что нечего хохотать над этим пидарасом.

Бонга прыснул в кулак.

Готтлиб, шипя от злости, затерялся в толпе.

Потом Грета услышала за спиной знакомый перестук каблучков и развернулась к Лейз. Та была бледной и

растерянной. Она смотрела только на Клайса, на ее лице не осалось и следа от обычной нагловатой усмешки.

— Клайс? — вопросительно выдохнула она. — Клайс, что же теперь будет?..

Тогда Клайс, метнув на Грету быстрый взгляд, совершил неожиданный поступок. Он обнял Лейз обеими руками и привлек к себе, а потом поцеловал ее в губы, прямо при всех.

— Приехали, — прокомментировал Пол.

Грета отвернулась и стала смотреть на голографический водопад, над которым дрожала маленькая, но вполне натуральная радуга.

— Построиться по классам! — раздался из динамиков голос Белоснежки. — Готовность — пять минут!

— Ладно, пошли строиться! — проворчал Пол. — Клайс, ты идешь?

И, подавая пример, он направился вперед, раздвигая подростков плечами.

За спиной директора, чуть справа от него, стоял Инквизитор, тот самый мужчина с хищным взглядом, что допрашивал Грету не так давно. Она узнала его сразу, как только он вышел из портала директорского кабинета, следом за Директором и Белоснежкой.

Белоснежка тоже была в форме, в сером комбинезоне Технических Сил.

“Белоснежка — тех?” — удивленно подумала Грета.

Голограмма водопада исчезла, теперь вместо нее висела проекция летящего “Архангела”. Справа и слева поникли приспущенные знамена, такие же, как форма Инквизитора — черные, с серебряными крестами.

— Вчера, — заговорил Директор в сгустившейся тишине, — в одиннадцать тридцать утра, космический крейсер “Архангел” погиб, едва успев набрать орбитальный разгон, необходимый… — он прочистил горло, — необходимый для окончательного старта. Мне очень тяжело об этом говорить. Как вы знаете, на его борту находились двадцать тысяч миссионеров, в том числе — выпускники нашей школы. Я знал их лично…

Только сейчас Грета обратила внимание на стенд в проеме второго голо-окна. На нем висели фотографии каких-то ребят. Стенд делали в спешке, не было времени на качественные проекции, и фотографии взяли из личных дел. В этом было что-то жуткое.

- “Архангел” был обстрелян ракетами, находясь над территорией Конфедерации Гигаполисов, и упал в районе гигаполиса Энгелширд, — продолжал Директор. — Конфедерация

проявила совершенно неоправданную агрессию в отношении миссионерского крейсера. Ракеты были запущены с военного спутника “Флеш-Рей”. Они подбили крейсер, и командование “Архангела” приняло решение о том, чтобы уронить крейсер на территорию противника. Районы Энгелширда, не находившиеся под силовым куполом, стерты с лица земли. В Содружестве введено военное положение. Объявлена всеобщая мобилизация. Граждане, достигшие восемнадцати лет, обязаны явиться на призывные пункты. Наша страна приложит все усилия, чтобы затормозить эскалацию конфликта, не дать ему принять форму орбитальной, а тем более — наземной войны. Сейчас происходит собрание лидеров Конфедерации Гигаполисов и Высших Клириков Содружества, и от его итогов зависит, начнется война или нет. Поэтому уроки отменяются. После линейки вы отправитесь домой, потому что на улицах возможны беспорядки… Обстановка очень тревожная, я надеюсь на вашу высокую сознательность. На улицу ни ногой, всем понятно?! У меня все.

Инквизитор сделал шаг вперед, становясь рядом с Директором, обвел ряды учеников пристальным взглядом.

— Я хочу поговорить о смелости, — негромко сказал он. — О том, что заставляет брать в руки оружие и идти на войну. Я знаю, что все вы — простые дети, причем далеко не все из вас — примерные ученики, и даже среди отличников имеются завзятые хулиганы…

Инквизитор отыскал взглядом Пола с Мареком.

— Но я хочу сказать вот что. За смелость не ставят оценок. За смелость можно получить по башке от начальства. За смелость чаще наказывают, чем хвалят. Но смелость необходима. Для того, чтобы защищать свою страну. Для того, чтобы бороться со Злом. Для того, чтобы нести Имя Божие… Сегодня двадцть шесть старшеклассников положили на стол заявление о добровольном вступлении в ряды Христианской Армии. Возможно, завтра они отправятся на фронт. Заявления еще не были рассмотрены, на битву со Злом отправятся далеко не все из них. Но их поступок свидетельствует об огромной смелости, и я хочу, чтобы все они сделали шаг вперед.

Из двух старших классов, замыкающих каре по краям, вышли мальчишки и девчонки, по- разному одетые, но с одинаково торжественным выражением побледневших лиц. Одна из старшеклассниц была одета в красные сапожки на каблучках, несколько парней оказались волосатыми, как Бродяги. Но это ничего не меняло. Они УЖЕ были героями.

— Я горжусь вами, — сказал им Инквизитор.

— Слава Иесусу! — одновременно ответили они.

— Встаньте в строй. А теперь заслушайте распоряжение Директора школы.

Вперед шагнула Белоснежка. В ее руках оказалась папка со светящимся экраном.

— В связи с введением в Христианском Содружестве военного положения, — читала она, — с целью пресечения гражданских беспорядков, по всей территории страны вводится комендантский час. В дневное время — с двенадцати до двух, в вечернее время — с девяти до одиннадцати и в ночное время — с трех до четырех. Поэтому на уровне Министерства Просвещения было принято решение о прекращении школьных занятий на все время межконтинентального конфликта. О возобновлении занятий будет объявлено дополнительно.

По классам пробежал легкий гул.

— Идите домой, — сказал Директор. — Постарайтесь поменьше болтаться по улицам, побольше занимайтесь уроками. Будьте очень осторожны. И да хранит вас Иесус!

Учащиеся расходились, встревоженно обсуждая услышанное. Монахи вышли из школы, даже не устроив обычной перебранки с Бродягами. Впрочем, те и сами не хотели ругаться. Обменявшись с Мареком хмурыми взглядами, Пол взял со стоянки свой велосипед. Подождал, пока Бродяги отъедут подальше и спросил:

— Куда отправимся?

— До двенадцати еще полтора часа, — сказал ему Клайс. — В школьной столовке нам не пообедать. Поехали в кафе?

Пол вытащил из кармана смятые бумажки.

— У меня на всех не хватит… Бонга, у тебя есть деньги?

— Естественно, — небрежно фыркнул тот.

— Тогда в кафе!

Город под ярким солнцем все глубже погружался в страх. Казалось, он оцепенел, как животное перед воротами скотобойни, откуда ветер доносит запах свежей крови и предсмертные стоны таких же точно животных. Окна закрывались. У кого не было бронеставней, те закрывали поплотнее занавески, город прятал свои многочисленные глаза, желая забыть о том, что происходит.

“Дракон уже проснулся”, - думала Грета, глядя на обеспокоенные лица прохожих, спешащих поскорее оказаться где-нибудь в безопасности. — “Дракон готовится атаковать!.. Шаман, я не смогу уйти с тобой в твой прекрасный мир, я должна остаться здесь. Иначе это будет самое обыкновенное предательство!”.

Силуэты крыш на фоне синего неба казались ей миражами,

которые вот-вот рассыпятся в прах, растворяясь в волне смертоносного света. На асфальте алело кровавое пятно, друзья, не сговариваясь, объехали его, крутя педали все быстрее и быстрее. Где-то впереди взвыла полицейская сирена, а потом послышались первые выстрелы.

Велосипеды пришлось оставить в держателях у входа, хотя Пол и опасался, что “под шумок их могут спереть”. Кафе находилось на перекрестке Космического проспекта и Школьной улицы, в довольно людном месте, но сейчас внутри было пусто, лишь за прилавком краснело лицо заплаканной продавщицы. Пол бросил свой бэг, занимая самый лучший столик.

— Что, опять прогуливаете? — всхлипнула женщина и высморкалась в край своего передника. Ее глаза были дикими от страха.

— Нас отпустили, — сказал ей Алдыбей, незаметно подмигивая Полу. Грета поняла, что Наследный Принц что-то задумал.

— Что, всех пятерых? — скорее всего, продавщица интересовалась просто по привычке. Она была уже отмечена печатью еще не начавшейся войны — печатью отчаянья и страха.

Алдыбей подошел к прилавку, поглядывая на аппетитные булочки.

— Мы идем добровольцами на войну, — сказал он громким шепотом. — Вот, булочек зашли поесть напоследок… Когда еще доведется…

Из груди несчастной женщины вырвалось рыдание.

— Бедные вы мои, — запричитала она. — Что же это творится?.. Малых детей на фронт посылают… Ешьте, сколько хотите!.. Хоть все!.. Маленькие вы мои…

Бонга, перехватив взгляд Алдыбея, тут же оказался у витрины. Они взяли десять булочек, по две каждому. Продавщица хотела дать еще, но Пол, устыдившись, сказал:

— Спасибо, нам хватит. А на какао у нас деньги есть… Всем добровольцам выдали в школьной кассе, — не удержавшись, добавил он.

— Какие деньги? — заохала продавщица. — Что мне, жалко детям какао налить?!

Бонга с Алдыбеем притащили пять дымящихся чашек. Все набросились на еду.

Пока они ели, обстановка за окном стала стремительно меняться. Сначала проехала патрульная машина, из которой неслось:

— Всем разойтись! Очистить улицу! Скоро начнется

комендантский час!.. Лица, не имеющие пропуска…

А потом Грета увидела демонстрацию.

Люди шли молча, но транспаранты говорили за них.

“Отомстим еретическим выродкам!”

“Смерть убийцам во имя Иесуса!”

“Все на священную войну!”

И вот уже колонна заполнила собой Проспект.

Бонга от удивления открыл рот, недожеванный кусок шмякнулся об стол.

— Надо валить отсюда, — быстро проговорил Пол.

И Грета увидела, как вдоль тротуара выстраивается оцепление Легионеров.

Выскочив из кафе и похватав велосипеды, они поехали прямо к идущей толпе. Если переехать через Проспект, можно ничего не опасаться, там и до Полигона рукой подать… Но люди, стиснутые заграждением вооруженных Легионеров, шли слишком плотно.

Пол бросил свой велосипед прямо в толпу. Они успели набрать необходимую скорость, легко проскочили мимо зазевавшихся Легионеров. Но Бонге, бегущему позади всех, перепало дубинкой.

Грета слышала за спиной его отчаянный вопль. Алдыбей, мчавшийся рядом с ней, налетел на какого-то парня, лихо увернулся от занесенного кулака, вслед ему закричали. Грета выскочила из потока на другой стороне Проспекта, настолько неожиданно для молодого Легионера, что тот даже не успел среагировать, и понеслась вперед. Ее догнали Пол и Клайс. В зеркальце обзора

Грета увидела Алдыбея, едущего следом… И Бонгу, бегущего во весь дух. Обеими руками он держался за задницу, перебирая ногами так, что на рывке обогнал Алдыбея и теперь приближался к Грете. Его лицо было перекошено от ужаса. Завернув за угол, Клайс подхватил его к себе на багажник, и они, не останавливались, ехали до самого Полигона, где спрятались в надежном месте, в Фундаменте разрушенной церкви, куда не могло проникнуть никакое Зло…

4

У костра вот уже полчаса царило абсолютное молчание. Потрескивали доски, разрываясь снопами искр, тени гуляли по

стенам. Грета снова и снова вспоминала детские лица со стенда — не такие, какими они стали, когда попросились миссионерами на “Архангел”, а такие, какими они были классе в восьмом, это были лица ее сверстников… “Возможно, они СПЕЦИАЛЬНО выбрали именно такие фотографии”, - подумала Грета, вспоминая Инквизитора с Белоснежкой. — Они знали, что эффект будет гораздо сильнее.”

Пол много чего рассказывал про теховские технологии. И эта демонстрация… Ведь не бывает же так, чтобы люди, не сговариваясь, вышли на улицы и организованно двигались по Проспекту, разворачивая нарисованные дома транспаранты, по одному и тому же трафарету… И кто же тогда развязывает эту войну?..

“Межпланетный Крестовый Поход”, - вспомнила Грета. Сколько еще Иесусов должны погибнуть, прежде чем добро наконец-то восторжествует?

Она знала, что Бог будет на каждом военном крейсере.

Бог, у которого отняли лицо.

Бог, которому все равно.

Бог, из которого сделали Дракона.

Раздался условный свист, и в святилище вбежала собака, а за ней — запыхавшийся Юнит.

— Там Шаман! — крикнул он. — В яме с кольями!..

Клайс и Пол переглянулись.

— Что ты сказал? — переспросил Пол, поднимаясь и подходя к Юниту.

— Там Шаман! — Юнит тяжело дышал, у него радостно блестели глаза. — Он епнулся в яму вместе с велосипедом, и теперь он — там!.. Полли, он пока что без сознания, но вдруг он уйдет?! Надо бежать!..

Клайс порывисто вскочил со своего места.

— Пол, чего мы ждем? — на его лице сияло торжество. — Быстрее!

— Я оставил там Лорди и Крэша, — уже спокойнее проговорил Юнит. — Но все равно…

— И что вы будете с ним делать? — громко спросила Грета.

— Как что? — удивился Юнит. — Дадим ему пизды!

Грета впилась взглядом в невозмутимое лицо Пола, пытаясь прочитать, что же тот задумал на самом деле.

— Ты идешь или нет? — спросил у нее Пол.

— Иду, — ошарашенно сказала она.

— Побежали! — снова выкрикнул Юнит.

Клайс повернулся и быстро зашагал к выходу, щелкая кнопкой выкидного ножа. Грета вышла следом и услышала, как в городе завывают сирены.

Начался полдень.

5

Шаман стоял на ногах. Колья не причинили ему особенного вреда, он удачно упал. Его велосипед пострадал гораздо больше. Монахи всей толпой обступили яму и теперь молчали, глядя на пойманного врага. Шаман поднял голову и посмотрел вверх, на Клайса.

— И что теперь? — поинтересовался он.

Ему никто не ответил. Грета пребывала в каком-то ступоре. Она примерно представляла, насколько далеко был способен зайти будущий инквизитор, но как помочь Бродяге? Если вступиться за него сейчас, можно лишиться уважения всех друзей, и ничего, кроме этого, не добиться…

Пол и Клайс тихо переговаривались, решая, что делать. Потом Грета услышала приказ Пола, обращенный к Лорди и Крэшу:

— Полезайте в яму и достаньте его оттуда… Вот так удача! Сегодня Бог на нашей стороне!

Парни переглянулись. В яму никому из них не хотелось — Шаман, скорее всего, был в ярости, и ничего хорошего эта встреча в яме не сулила ни Лорди, ни Крэшу.

— Что? Приссали? — Пол презрительно посмотрел на сопящего Лорди. — Вы когда-нибудь начнете думать самостоятельно, или я и дальше должен это делать вместо вас?.. Возьмите побольше камней и забейте его. А когда отрубится — тащите его в Фундамент.

И Пол пинком ноги подкатил к Лорди булыжник среднего размера.

— Бродяги никогда не впишутся за тебя, — сказал он Шаману, присев над ямой. — Знаешь, почему? Ты чужак. Ты из-за Канала. Бродяги никогда не нарушат Правило. Ты считал себя одним из них, но ты ошибался. Они — дети. Они — играют. А мы — нет.

Лорди кинул камень Шаману в грудь. Тот упал на одно колено, но тут же встал. Тогда кинул камень Крэш. Шаман увернулся, булыжник угодил в один из кольев.

— Хочешь поиграть? — Пол приподнял брови в насмешливом

удивлении. — Лорди, Крэш! За каждое попадание — очко. За промах — щелобан. Начали! Бонга, Юнит, тащите сюда камни!

— Что-то не так? — поинтересовался Клайс, видя, как Грета отворачивается, не желая смотреть.

— Не так! — резко ответила она.

— И что же не так? — Клайс повернул ее голову, заставил поглядеть себе в глаза. — Что не так? Если тебе жаль Бродягу, скажи об этом при всех… Скажи об этом мне… Тебе жаль Бродягу?

— Клайс…

— Да или нет?

Несколько камней успело попасть в Шамана, один из них разбил ему голову. Лицо заливала кровь, но он все еще пытался уворачиваться. Каждое попадание вызывало взрыв довольных воплей. В игру включились все, и Грета видела, как Бонга, совсем не опасаясь за свою курточку, тащит целую охапку камней. Иногда камень попадал в один из кольев, и раздавался характерный стук, но чаще следовали глухие удары об живую плоть.

— Тебе жаль его? — повторил Клайс свой вопрос. В его глазах была тревога.

— Останови их! — вырвалось у Греты. Шаман упал на колени, держась за кол прямо перед собой, пряча за ним лицо. Теперь его лупили булыжниками по спине. Камни отскакивали, падали на дно ямы, стучали друг об друга. Лодри и Крэш пристрелялись, они метали камни, почти не промахиваясь.

— Клайс, пожалуйста… — прошептала Грета, сжимая его руки. — Останови их…

— Тебе жаль его? — еще раз спросил Клайс. — Или ты влюбилась в Бродягу? Так? Отвечай!

Теперь он сам держал ее за руки, с силой сжимая пальцы.

— Ты говорила с ним во сне, — с усмешкой добавил он. — Я все слышал.

— Клайс!..

— Ты не хочешь смотреть, как его бьют, но тебе предстоит большее… Ты любишь его? Да?

— Ты сошел…

— Давай, обмани меня!.. Наври мне, что он тебе безразличен! Заставь меня в это поверить!.. И тогда я оставлю его в живых!

— Ты сошел с ума…

— Ты никогда не сможешь меня обмануть, — грустно улыбнулся Клайс, отпуская ее руки.

— Хватит! — крикнул Пол, наблюдавший за Шаманом.

Но Лорди все же успел бросить в яму еще один камень.

Лорди и Крэш вытащили Бродягу на поверхность и бросили к ногам Пола. Пол шевельнул его носком ботинка, потом пинком перевернул на спину. Бродяга был без сознания. Его подхватили и поволокли к Фундаменту. Бонга и Алдыбей умчались вперед на велосипедах, разведывая, все ли спокойно, остальные пошли пешком.

— Ты ничего не хочешь мне сказать? — поинтересовался Пол, задерживая шаг.

— О чем? — устало спросила Грета.

— О нем, — Пол кивком головы указал на Шамана, которого тащили по дороге Лорди и Крэш. — Ты странно себя ведешь. Ты с нами или как?

— Я не хочу в этом участвовать, — вздохнула Грета. — Я против того, чтобы убивать из удовольствия.

Пол улыбнулся.

— Просто я должен быть уверен в тебе. В тебе и в остальных. Честное слово, мне не хочется этого делать!

— Ты заигрался, — сказала Грета.

— Это не игра, — ответил Пол, глядя ей в глаза. — И ты это знаешь. Я не буду тебя заставлять, Грета.

Ты можешь просто уйти.

Грета осталась. Шамана распяли, намотав на запястья цепи, свисавшие с потолка. И Пол повторил, поглядывая в сторону Греты, что сейчас самое время уйти всем тем, кто ссыт или тайно сочувствует Бродягам. Идиотов не нашлось, и тогда, выждав для приличия несколько долгих минут, Пол велел Лорди закрыть дверь. Потом взял ведро, шагнул к Бродяге и окатил его водой, а когда тот пришел в себя, ударил ведром по лицу, снизу вверх, так, что Шамана качнуло на цепях.

— Ты слышишь меня, — констатировал Пол, становясь перед Шаманом. — Хорошо… Именем Святой Инквизиции, я приговариваю тебя к смерти.

— И за что же? — Шаман поднял голову. Волосы, намокшие от крови, скрывали его лицо, но он не был напуган, это видели все.

— За что? — оскалился Пол, поворачиваясь к аудитории. — Бонга, напомни мне, в чем заключаются пять смертных грехов?

Послышался смешок.

— Нельзя убивать, нельзя колдовать, нельзя предавать, нельзя красть и нельзя лгать! — выпалил Бонга.

— Твою мать! — срифмовал Юнит под дружный смех. Кто-то

заопладировал. В подвали было темно, лучи трех фонариков освещали только Шамана и Пола, главных действующих лиц этой драмы.

Остальные были всего лишь зрителями.

Остальным предстояло всего лишь смотреть.

Юнит подошел к Полу, в его руке что-то звякнуло.

“Велосипедная цепь”, - догадалась Грета.

Пол взял у него цепь, и, как хлыстом, вытянул Шамана по ребрам. Тот дернулся от боли, закачался на цепях. Пол подозвал Лорди и передал ему цепь.

— Ты знаешь, что тебе делать.

Лорди ухмыльнулся. Во взгляде загорелся садистский огонек.

— Я приговариваю Шамана к смерти за колдовство, — объяснил Пол.

Лорди взмахнул цепью, и Грета вспомнила, как свистел хлыст в руках ее отца. Лорди был гораздо сильнее Пола, его удары рвали кожу, выбивали воздух из легких, и тогда из горла Бродяги вырывался крик.

— Я предлагаю всем вместе выбрать способ казни, — продолжал Пол. — Наиболее оптимальный вариант. Мы — одна банда, и каждый имеет право высказать свое мнение. А пока мы будем его пытать, до тех пор, пока он не признается в колдовстве!

Монахи одобрительно загудели. Послышался шорох обертки — Бонга собирался перекусить.

“Как в кино”, - подумала Грета. “Но они не виноваты, они не ведают, что творят, потому что на них на всех — тень Дракона… Они прокляты, и я вместе с ними…”

Бонга развернул бутерброд и впился в него зубами, не отрываясь от зрелища. Бродяга бессильно обвис, его голова моталась в такт хлестким ударам. Кровь текла по его обнаженной груди, и брызги летели прямо на зрителей.

Клайс оказался рядом с ней, и это вывело Грету из ступора.

— Я не хочу, чтобы было так, — попросила она.

Клайс улыбнулся краешком рта.

— Я тоже.

— Тогда останови их… Ты ведь можешь, Клайс! Пол тебя послушает…

Он обнял ее за плечи.

— Я не могу. Все уже решено, Грета. Если бы я мог выбирать!..

— Не можешь?..

Он вздохнул, наклоняя голову, его волосы коснулись ее щеки.

— Мы не можем ничего сделать, потому что все предопределено с самого начала, — прошептал он так, что она

едва расслышала. И, еще тише:

— Ты — моя сестра… И если мне запрещено любить тебя… — он перевел яростный взгляд на Бродягу.

Грета вздрогнула, и Клайс это почувствовал.

— Достаточно! — обронил Пол. Повисла тишина, нарушаемая тяжелым дыханием Лорди.

Грета собралась с духом и посмотрела на Шамана. Действительно, было вполне достаточно.

— Оболейте его водой, — продолжал Пол. — И принесите мне шокер. Я собираюсь допросить еретика.

— Когда Господь зовет нас с неба, — пропел Алдыбей, — мы открываем наше сердце…

Песню с хохотом подхватили. Клайс говорил ей что-то еще, но Грета уже ничего не понимала.

Все глубже погружаясь в прострацию, она ощущала, как цепенеет ее тело, будто в крови растворялся лед, затопивший все вокруг.

Бродягу снова окатили водой, и Пол ударил его шокером, приводя в сознание.

— Признайся, что ты колдун! Признайся!.. Что ты!.. Колдун!..

— Я Шаман, — услышала Грета, и ощутила, как вздрогнул Клайс.

— Я Шаман, — повторил он, глядя Полу в глаза.

— Это одно и то же!

Наверное, Пол растерялся — он ожидал другого поведения от своей жертвы. Шаман не умолял его о пощаде, как бы Пол ни старался. Впрочем, это было совсем не важно — Монахи и так пребывали в полном восторге. Они давно мечтали о чем-то подобном, особенно после той унизительной драки…

Шагнув к Бродяге, Пол сорвал с его груди амулет. Поднял высоко над головой, показывая товарищам. Шнурок был зажат в его руке, и коготь покачивался, отражая свет свечей — коготь Дракона из Мира Снов…

— Это что? — сухо поинтересовался Пол. — Вы все, что вы видете?

— Коготь, — присмотревшись, объявил Бонга.

— А по-моему, это… — Алдыбей что-то добавил шепотом, и Бонга захохотал.

— Лорди, Крэш! — подозвал Пол. — Подойдите ко мне.

Лорди ухмыльнулся. Он решил, что ему снова дадут шокер или велосипедную цепь, но у Пола были другие намерения. Он подождал, пока Лорди и Крэш окажутся рядом, и приказал:

— Снимите рубашки.

Те, недоуменно переглядываясь, сделали, как он сказал.

— Это что? — Пол ткнул пальцем в крест на груди Крэша.

— К-крест, — глупо улыбаясь, ответил он.

— А это? — теперь он держал в руке такой же крестик, принадлежащий Лорди.

— Крест, — объяснил Лорди с совершенно каменным лицом.

— Бонга, что ты носишь у себя напротив сердца? — крикнул Пол.

— То же, что и ты! — ответил толстяк, чавкая набитым ртом. — То же, что и все! Я ношу крест!

— Клайс, покажи-ка мне твой амулет! — приказал Пол.

Клайс снял с шеи цепочку и поднял вверх, крест закачался, поблескивая и вращаясь.

— Ты! — в левой руке Пола был зажат шокер, и он указал им на Грету. Она сунула руку в карман и вытащила свой артефакт. Монахи засмеялись. Грета зажала звенья цепи в ладони, выпрямила руку над головой. Тяжелое распятие вздрагивало в такт ударов сердца. Шаман пошевелился, встретился с ней глазами.

“Я не хочу, чтобы так было!” — крикнула ему Грета.

— Ты веришь в Бога? — спросил у Шамана Пол. — Отвечай!

Шаман молчал. Коготь Дракона был амулетом против Зла, но почему-то он не помог Бродяге.

Пол коснулся его шокером, Шамана затрясло.

— Отвечай! — заорал Пол. — Вы, все! Это не крест! — он вскинул коготь на ремешке вверх. — Это не крест! Бродяга не носит креста! Бродяга не верит в Бога!

Монахи взволнованно загудели. Это было тяжкое обвинение. Это было преступление.

— Отвечай, вы все не верите в Бога, или только ты? — Пол спрятал коготь в карман куртки, переложил шокер в правую руку. — Все Бродяги — еретики, или только ты?

Шаман рванулся на своих цепях.

— А тебе-то что? — крикнул он в ответ. — Что, побежишь стучать инквизиторам? Или как?.. Зачем тебе все это?

— Затем, что я верю в Бога, — заорал Пол. — Затем, что я сам — инквизитор! И мне решать!.. Кому жить!.. А кому умереть!.. Всем ясно?!.

— Ты тех? — спросил его Шаман, совсем негромко, но Грета услышала.

— Я инквизитор, — повторил Пол с леденящей улыбкой. И, совсем тихо:

— Кто дал тебе Истинную Библию?

Шаман непонимающе посмотрел на него.

— Что?..

— Ты расскажешь… — пообещал Пол. — Ты цитировал ее, я слышал это своими ушами!.. Так где ты видел эту книгу? У кого? Ты, ничтожество!.. Кто тебе дал ее? Марек?.. Эни?.. Кто?!

Монахи загалдели, не обращая внимания на его диалог с Бродягой — они обсуждали, может быть

Пол инквизитором или нет. Но Грета ловила каждое слово, несмотря на то, что оба говорили очень тихо.

— Истинную Библию? — переспросил Шаман, выпрямляясь. — Я цитировал “Кодекс Молчания”… Кровью написан закон очищения, “Псалом 666”…

Пол понял, что проговорился. Клайс, каким-то образом догадавшись, о чем речь — тоже. Он со стоном откинулся назад.

— Полли, ты кретин…

Грета неожиданно засмеялась.

— Теперь он ЗНАЕТ, — сказала она Клайсу, и тот побледнел еще больше.

Теперь Бродяга знал их тайну. То, что они ТОЖЕ читали Истинную Библию, как и тот, кто написал этот самый “Псалом”, позаимствовав строфу из запрещенной книги. Так дешево проболтаться мог только самонадеянный Пол.

— Можешь не стесняться, — сказал Пол, передавая Лорди шокер, и направился к Клайсу и Грете, сидящим чуть в стороне от остальных.

Грета внимательно вглядывалась в лица Монахов, пытаясь прочитать, поняли они или нет.

Кажется, нет. Подростки, возбужденные жестокостью, вряд ли что-то расслышали из этого диалога… Бонга отбирал у Алдыбея надкусанный бутерброд, Юнит безучастно глядел, как Лорди лупит Бродягу электрическим током, на лице Крэша застыло тупое блаженство. Никто из них ничего не знал, и Грета почувствовала, как тепло заструилось по венам. Она облегченно вздохнула.

— Ты дебил! — прошипел Клайс, хватая Пола за рукав и дергая вниз. Теперь они сидели, сжавшись в темноте, напротив друг друга.

— Зачем ты это сделал?

— Не удержался… — Пол постарался скрыть смущение за своей обычной самоуверенностью. Клайс тяжело дышал, не находя слов. Грета глядела на Пола с осуждением.

— Я кретин, — смущение пересилило, и Пол наклонил голову, пряча лицо за светлой челкой. — Я дебил, — услышала

Грета.

— Нам ДЕЙСТВИТЕЛЬНО придется убить Бродягу, — проговорил Клайс, сдерживая дыхание — он все еще был в шоке от поступка лучшего друга. — Но, Пол… Будь, пожалуйста, осторожнее… В подвалах инквизиции пытают не так….

— Я знаю, — отозвался Пол. — Я был там со своим отцом. Я не соврал…

Теперь он шептал, но и Клайс, и Грета все прекрасно слышали — чувства обострились, как никогда.

— Я правда инквизитор. Я — распознающий ложь, это такая специализация у техов. Я всегда был таким… Просто я поклялся об этом молчать. Я — детектор лжи, Клайс, вот мое предназначение. Я — не человек. И я знаю, что вы оба — такие же не-люди, но вы — не из техов, вас убьют, если узнают…

Я знаю, какими должны быть результаты психо-тестов, чтобы они никогда не вычислили вас… Но Шаман… Мне жаль, но я ДОЛЖЕН его убить. Потому что если его допросят… Если считают его эмоции… Если просмотрят его память и узнают, что мы читали ЕЕ… Нам всем пиздец. Даже мне, несмотря на то, что я — тех. Вы это понимаете? Грета, ТЫ это понимаешь?..

— Но зачем все это?! — закричала она. — Зачем тогда это дурацкое шоу?! Зачем?!

— Тише! — зашептали Пол и Клайс.

— Ты не можешь просто убить его? — Грета поняла, что слезы текут по ее щекам, злобно оскалилась. — Или тебе нравится его мучить?

Пол перевел дыхание. Худшее было позади, теперь можно заняться Шаманом…

— Я убью его. Но не сейчас. Остальным мы скажем, что ночью Бродяга сбежал. Что теперь Бродяги не постесняются распять и мурыжить шокером каждого из нас. Теперь все Монахи повязаны кровью. Я сделал это для того, чтобы сплотить нас… Вот и все, можете меня за это ненавидеть.

Он хлопнул Клайса по плечу и встал. Посмотрел на Шамана. Тот снова болтался на цепях без сознания, Лорди совершенно напрасно расходовал электрический ток.

Когда они покидали Фундамент, Грета не удержалась и подошла к Шаману, чувствуя спиной напряженный взгляд Клайса. Но никто не останавливал ее.

— Я помогу тебе, — прошептала она, и ей показалось, что Бродяга слегка вздрогнул. Звякнули цепи.

Грета ощутила покалывание в кончиках пальцев, коснулась

его рукой.

Она делала так всего несколько раз. Она знала, что если закрыть глаза и представить огромное пространство, заполненное синим огнем, можно взять оттуда немного силы, той, что наполняет собой все живое вокруг, весь бесконечный мир… Вообще-то, за такое сжигали, но сейчас ей было на все плевать.

— Я не хотела этого, — еще тише добавила она, переводя дыхание. — Прости…

И убрала ладонь, обрывая взаимодействие.

— Я знаю, — Шаман открыл глаза. Его зрачки были расширены от шока. Он слегка улыбнулся, и по спине Греты пробежал озноб.

— Грета, идем! — не выдержал Клайс.

Шаман уронил голову на грудь, улыбка исчезла.

— Они не убьют тебя, — сказала ему Грета. И повернулась к Клайсу.

Тот глядел на нее, пламя свечей металось в темных глазах. Потом, не найдя слов, схватил ее за локоть, толкая перед собой. Не удержался, заломил ей руку за спину, и Грета стиснула зубы, чтобы не закричать от боли. Клайс был в бешенстве.

— Я запрещаю тебе говорить с ним!

Он рванул ее на себя. Они как раз выходили из подвала, его жест не укрылся от Пола.

— Что случилось? — спросил тот. — Клайс?

Хватка пальцев ослабла, Грета попыталась высвободить руку.

— Отпусти меня!

— Клайс, — Пол оказался совсем близко. — Отпусти ее.

В его голосе послышалась скрытая угроза, и Клайс разжал пальцы.

— Я не хочу, чтобы моя сестра говорила с этим ублюдком, — ответил он.

Пол глядел на него насмешливо. Клайс, приходя в ярость, толкнул его в грудь обеими руками, но Пол невероятно быстрым движением перехватил его кисти.

— Успокойся!

Бонга и Лорди заинтересованно поглядывали на них. Пол тяжело вздохнул.

— Нам надо поговорить. Обо всем, что происходит. Прямо сейчас.

И зашагал по направлению к велосипедам. Грета посмотрела на Юнита. Тот, сидя на корточках у канавы, полоскал в воде велосипедную цепь. Лорди и Крэш заперли дверь, и Лорди, подойдя к Полу, отдал ему ключ.

“Они заперли его,” — подумала Грета, потирая плечо. — “Но

я знаю, как взломать этот замок.”

— Ты идешь? — спросил ее Пол. Клайс уже шагал по дороге, ведя велосипед рядом с собой. Монахи собирались разъезжаться. Прежде, чем закончить шоу, Пол велел каждому из них придумать для Шамана способ казни. Так что даже легкомысленный Алдыбей выглядел сосредоточенным.

Грета села в седло, взялась руками за руль. Пальцы дрожали.

— Поезжай за мной, — велел ей Пол.

И помчался вдогонку за Клайсом.

— Клайс, посмотри на меня, — повторил Пол еще раз. — Что ты делаешь?

Они стояли на плоской, как блин, вершине холма, откуда открывался вид на весь Полигон. Тени от облаков скользили по переколбашенной местности, по невысоким холмам со следами танковых траков. Было тепло. Запах прелой земли успокаивал и будоражил одновременно. В небе, синем и высоком, не было ни капли Зла…

“Наверное, мы все превратились в зверей, потому что живем на Полигоне,” — подумала Грета в который раз. — “Наш полигон называется “Земля”, а наш Господь разрешил нам ядерные испытания.”

— Клайс! — настойчиво звал голос Пола, но Грете не хотелось смотреть, что там делает ее брат. В небе не было Зла, все Зло находилось здесь, рядом с ней.

“Я живу в Обители Зла,” — сказала себе Грета.

— Ты понимаешь, что ты творишь? — не унимался Пол. — Никто из наших, конечно, не скажет, но даже твои родители уже поняли, в чем дело!

Грета неожиданно догадалась, о чем хочет поговорить Пол, и быстро посмотрела на Клайса. Ее брат стоял на самом краю, ветер перебирал его отросшие, как у Бродяги, пряди волос. Клайс молчал.

— Ты можешь ничего не говорить, — продолжал Пол, видя, что друг прекрасно понимает его слова. — Ты не виноват в том, что чувствуешь. Но будь осторожнее, прошу тебя! Не прикасайся к ней!.. Вы — брат и сестра, понятно?

— Замолчи, — попросил его Клайс. — Полли, лучше замолчи.

— Ты безумен, — вздохнул тот, отходя в сторону. Развел руками, запрокинул лицо к небу. — И я ничего не могу поделать… Грета, когда ты в последний раз занималась колдовством?

— По твоей же просьбе! — заорала Грета. — Когда открывала

дорогу!..

— Не ври мне.

Теперь Пол стоял напротив и требовательно глядел ей в глаза.

— Ты забыла, что я говорил в Фундаменте? Я — детектор. Ты занималась колдовством сегодня. Ты пыталась помочь Бродяге при помощи колдовства. Одного этого достаточно, чтобы…

Неожиданно Клайс бросился вперед и сбил Грету с ног. Из легких вышибло воздух, когда она упала на спину. Сильный удар под ребра заставил ее застонать. Пол тут же схватил Клайса за горло, пережимая рукой сонную артерию, и Грете удалось вывернуться. Глотая воздух, она отползла к краю плато. Пол продолжал душить Клайса каким-то неизвестным приемом и что-то орал ему в ухо, но Грета практически ничего не понимала. Больше всего на свете ей хотелось прыгнуть вниз, скатиться по каменному склону вон туда, на куски перекрученной взрывом арматуры, и забыть навсегда весь этот кошмар.

“Но тогда они точно убьют Шамана. Потому что он знает про Истинную Библию. И потому что Клайс думает, что я люблю Бродягу…”

— Не смей! Этого! Делать! — Пол разжал стальную хватку, и Клайс упал лицом в песок.

— Ты пыталась ему помочь, я это видел! — крикнул Грете Пол, отряхивая колени. — Ты делала это при всех! Они — полные дебилы, но это ничего не значит! Просмотр памяти у любого из них — и тебе пиздец… И ты колдовала для Бродяги! Вы с Клайсом стоите друг друга!

Он резко вздернул свой велосипед, жалобно тренькнул звонок.

— Идите вы оба к чертовой матери!

И направился к тому самому склону, с которого Грета только что смотрела на куски арматуры, затаившиеся среди веток кустарника. Пол оседлал велосипед, прыгнул вниз, и, лавируя между камнями, помчался по насыпи в сторону дороги. Ветер доносил его яростные крики, но слов было не разобрать.

Клайс лежал на земле без движения. Грета подошла, осторожно потрясла его за плечо. Он приподнялся на локте, сфокусировал взгляд на ее лице.

— Это правда? — спросил он, отплевываясь от песка.

Она молчала.

— Ты пыталась ему помочь? Почему?

Грета пожала плечами.

— Я не знаю. Он такой же, как я… Как ты… Как Пол… Мы

играем в Монахов и Бродяг, но это — неправда. Нет Монахов, и нет Бродяг. Есть только люди и такие, как мы.

Мы играем не в те игры, Клайс.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

1

Когда они с Клайсом вернулись домой, Грета закрылась ото всех у себя в комнате и упала на кровать. Она старалась плакать беззвучно, для этого пришлось накрыть голову подушкой. Мысли снова и снова возвращались в Фундамент, она вспоминала отдельные фрагменты и все больше убеждалась, что Шаману не жить. Некоторые реплики Пола, взгляды, которыми он обменивался с Клайсом, наконец, безумие, охватившее ее брата — все говорило о том, что Бродягу, скорее всего, убьют, как и предлагал будующий инквизитор.

“Они сделают это сегодня ночью”, - сказала себе Грета. — “Но если я буду здесь реветь, это произойдет наверняка. Только, Полли, ты ошибаешься. Я не буду ждать, пока все закончится, как все они…” — она вспомнила, как Бонга ел бутерброд и смеялся, как веселились Лорди и Крэш, и закусила край матраса, чтобы не закричать. Друзья казались Грете бездушными тварями, а ее брат был первым среди них.

— Как это произошло, Иесус? — прошептала она, глотая слезы. — Ведь еще вчера все было не так!.. Как они могли ПРЕВРАТИТЬСЯ за одну ночь?.. Или это случилось еще раньше?..

“А если бы не Шаман?” — спросил у нее внутренний голос. — “Ели бы это был Марек? Или Эни? Что тогда? Признайся — ты же влюбилась в этого Шамана!”

— Он такой же, как я! — Грета ударила кулаками в матрас, еще и еще. — Полли, ты хочешь поиграть в Святую Инквизицию? Ладно же!.. Но что ты скажешь, когда придешь убивать Бродягу, а его там не окажется?.. О, как бы я хотела это услышать!..

Теперь она лежала, прислушиваясь к каждому шороху. В ванной капала вода, наверху возились соседи, укладываясь спать. За окном набирал силу ветер, его порывы приносили с собой отдаленный гул моторов. Так прошло около часа. Грета не шевелилась. За перегородкой, в комнате Клайса, было тихо, но она знала — ее брат не спит.

“Теперь пора!”, - подумала она, аккуратно вставая, чтобы не скрипнули пружины. — “Скоро начнется комендантский час. Пора!”

О том, чтобы выйти из дома через дверь, не могло быть и речи. Грета подошла к окну и осторожно открыла его. Потом села

на подоконник, свесила ноги вниз. Невысоко, всего второй этаж…

“Велосипед придется оставить дома”, - решила она, собираясь перед прыжком. — “Сейчас я проберусь на Полигон, мимо всех этих дурацких постов. Потом я освобожу его, вернусь домой и лягу спать. А завтра все решат, что Шаман сбежал сам. И все будет хорошо!”

Она спрыгнула вниз довольно удачно — ей приходилось делать это и раньше. Загудели отбитые ступни. Дыхание обрывалось от волнения, Грета несколько раз вздохнула поглубже, чтобы унять внутреннюю дрожь, и зашагала вдоль дома, стараясь не выходить на освещенное фонарями пространство.

Улицы вымерли, зато по Окружному шоссе шла бесконечная колонна военной техники. Грета смотрела, как грохочут траками серые тени машин. Она выглядывала из-за угла своего дома, ей было отлично все видно, но ее не видел никто. Техника ползла по асфальту, земля слегка тряслась, весенний влажный воздух был наполнен металлическим скрежетом. Окружное шоссе проходило правее, через пустырь, а прямо перед Гретой, если посмотреть сквозь ветви кустарника, пролегала улица, за которой начинался Полигон. Надо было всего лишь перебежать через нее.

Метрах в пятнадцати, на автобусной остановке, курили Легионеры. Свет мощных фонарей, освещавших путь колонне, падал на их броню, бликовал на откинутых забралах.

“Патруль”, - догадалась Грета.

Легионеры следили за тем, чтобы ничто не помешало тяжелой колонне вползти в оцепеневший город. Трое из них поместились на скамеечке, еще пятеро стояли перед ними, что-то оживленно обсуждая. Потом их голоса смолкли и легионеры выпрямились, становясь по стойке “смирно”.

От колонны отделилась военная машина, без окон, но с радаром на крыше, и теперь неторопливо направлялась сюда, двигаясь по встречной полосе. Когда она поравнялась с легионерами, из нее выскочил тех в инквизиторском плаще, подошел к ним и что-то сказал. Тогда патрульные отцепили от пояса какие-то продолговатые штуки и прикрепили их к энергетическим пушкам.

“Батарейки”, - поняла Грета, стараясь даже не дышать. — “Они активируют оружие… Вот черт!”

Инквизитор устало кивнул и скрылся в машине. Легионеры стояли навытяжку до тех пор, пока повозка инквизитора не влилась обратно в колонну, а потом продолжили свой разговор. Они смотрели на Окружное шоссе, и Грета, чувствуя, как дрожат

колени, решилась перебежать через улицу.

Она нырнула в густой кустарник, кубарем скатилась вниз по обрыву и побежала так, как никогда в жизни. Глупо было оборачиваться и смотреть, нет ли погони, она мчалась, не разбирая дороги, до тех пор, пока хватало дыхания. Потом она отважилась обернуться. Нет, никто не гнался за ней.

Грета перешла на шаг.

До Фундамента было совсем близко.

2

Над Полигоном стояла мертвая тишина.

Она перехватила поудобнее кусок арматуры и подошла к запертой двери. Если навалиться на одну из створок всем весом, получится щель, куда можно втиснуть арматурину. Она так и сделала.

В неподвижной тишине Полигона раздался металлический скрежет. Еще одно усилие — и рычаг протиснут в образовавшуюся щель. Еще один рывок — и замок со щелчком отходит вместе со створкой. Теперь свет…

Она сняла с пояса фонарик, надавила на кнопку. Спустилась по ступенькам, отворила еще одну дверь и оказалась в святилище. Отыскала лучом света Шамана, висящего на цепях. Теперь нужно действовать очень быстро, ведь Клайс и Пол наверняка уже едут сюда… Ни один на свете пост не удержит этих сумасшедших…

Она закрепила фонарь, чтобы его луч освещал Бродягу. Достала из кармана нож. Сталь блеснула, огонек зажегся на отточенной кромке. Подойдя к Шаману, она подпрыгнула, уцепилась за цепь левой рукой и принялась пилить толстую веревку, пропущенную сквозь нижнее звено и обхватывающую его запятье в несколько колец. Это было неудобно — висеть на одной руке и пилить другой, но ей это удалось. Веревка лопнула, Бродягу бросило назад и он повис на правой руке, медленно поворачиваясь вокруг оси.

Его колени почти доставали до пола. Грета подпрыгнула и повисла на другой цепи. Звенья холодили ладонь, пальцы соскальзывали. Она, стиснув зубы, пилила ножом изо всех сил, веревка постепено поддавалась. Последний рывок — и его тело обрушилось вниз. Грета не удержалась и упала рядом. Потом, успокоив рвущееся дыхание, перевернула его на спину. В ушах

звенела тишина. Вложив армейский нож обратно в брезентовые ножны, она попыталась нащупать пульс, но у нее дрожали руки.

— Эй! — закричала она, приходя в отчаянье. — Ты слышишь?! Проснись!

Никакой реакции.

Она приподняла его за плечи и встряхнула несколько раз. Он должен встать, иначе ей ни за что не утащить его отсюда. Иначе все окажется зря.

Оглядевшись, она заметила блеск оцинкованного ведра, бросилась к нему, и, схватив, выплеснула Бродяге в лицо остатки воды. Это помогло. Он тяжело задышал, хватая ртом воздух.

Грета тут же оказалась рядом.

— Вставай! Ты должен! Вставай же!.. — Она тормошила его, пока он не открыл глаза и не посмотрел на нее.

— Они сейчас придут… — быстро заговорила Грета. — Они хотят убить тебя… Ты должен встать.

— Скажи… Что ты решила? — прошептал Шаман, сжимая ее ладонь. — Ты пойдешь со мной?

— Я прошу тебя, встань! — крикнула Грета сквозь слезы.

Он отрицательно покачал головой.

— Скажи сначала, ты пойдешь со мной ТУДА, или нет?.. Если нет, мне нет смысла оставаться здесь… по любому.

— Подожди… — она начинала понимать. — Ты СПЕЦИАЛЬНО прыгнул в яму, да? Ты все это подстроил?.. Ты знал, что тебя будут пытать, что тебя захотят убить, ты ведь знал?! Да?! Отвечай!..

Он молча улыбнулся.

— Ты не оставил мне ни одного шанса… — проговорила она.

— Как и себе.

Его голос звучал сипло, как у того, кто испытывает сильную жажду. Грета с запоздалым сожалением поняла, что воды в ведре больше не осталось, даже на глоток. Был всего один выход — сделать то, за что сжигали на кострах. Она положила ладони ему на грудь и закрыла глаза.

Кончики пальцев стало покалывать, потом онемели кисти рук. Во рту пересохло. Неожиданно заболело все тело, особенно там, где хлыст отца оставил шрамы, потом в голове разорвался огненный шар. Ладони сделались горячими, они вплавлялись в тело Бродяги, наполняя его силой.

Воздух обжигал легкие. Еще мгновение — и она, не выдержав, упала на Шамана сверху, тяжело дыша, как рыба, вынутая из воды…

И почувствовала присутствие постороннего. Кто-то вошел в Фундамент. Кто-то замер на пороге, глядя на них. Она подняла

голову и посмотрела на черный силуэт. Да, это был Клайс.

Он, не торопясь, вошел в конус света и присел напротив.

— Ты ничего не хочешь мне сказать? — Его лицо было неестественно бледным, почти как у Шамана.

— Ничего, — прошептала она.

— Ничего, — повторил Клайс. Неожиданно он схватил Грету за волосы и отшвырнул в угол. Она покатилась по полу, даже не пытаясь подняться. Клайс, подпрыгнув, ударил Бродягу ногой, потом метнулся к Грете, и, упав на нее, поймал на борцовский захват, крепко стиснув руками.

— Отпусти… меня… — прохрипела Грета ему в лицо.

— Сначала мы поговорим, — ответил Клайс.

— Сначала помоги мне встать! — закричала она.

— Хорошо. — Он поднял Грету с пола, прислонил к стене, прижал к кирпичам ее запястья на уровне лица, придавил ее тело своим, и Грета вдруг почувствовала, как его колено проходит между ее бедер.

В ужасе она рванулась несколько раз, но стало только хуже.

— Клайс? — судорожно всхлипнула Грета, — Что ты делаешь?

— Я хочу с тобой поговорить, — издевательски улыбнулся тот. Его глаза сощурились. Он рывком вздернул ее за руки вверх. — Я знаю, что ты не сможешь соврать МНЕ. Потому что если я увижу, что ты врешь…

Он задержал дыхание.

— Ты любишь его?

— Если ты это сделаешь, Клайс…

— Да?! — крикнул он.

— Нет!!!

— Ты мне врешь… — он заломал ей руки за спину, усадил к себе на бедро и заставил смотреть в глаза.

— Если бы ты знала, как я… Как я ненавижу тебя! — прошептал он, почти касаясь ее губ. — Если бы ты только знала!.. — в его расширенных зрачках мерцало безумие.

— Ты мой брат, — прошептала она в ответ, потому что больше не могла говорить.

Неожиданно для себя Грета погрузилась в полуобморочное состояние. То, что происходило с ней СЕЙЧАС, было слишком для ее разума. Перестав сопротивляться, она уронила голову ему на плечо.

Клайс отпустил ее руки и начал стаскивать с нее куртку.

— Ты же… не станешь… — она почти задыхалась.

Он рывком разорвал на ней футболку. Провел ладонью по

коже.

— Я не считаю себя твоим братом… И никогда не считал…

— Клайс, ты же не станешь! — крикнула она.

И тут неожиданно чей-то спасительный удар отбросил Клайса к противоположной стене.

В узком луче света рассыпались красные волосы, Шаман замер всего на одно мгновение, но у Греты, не смотря на шок, перехватило дыхание. Это был демон, это был ЕЕ демон, он был прекраснее любого инквизитора, в его глазах пылало пламя ненависти, его грудь покрывала кровь, а из горла рвалось рычание, он был диким зверем, и в то же время оставался сверхъестественным существом… Всего одно мгновение обжигающего взгляда — и Шаман прыгнул следом за Клайсом.

Грета машинально подобрала свою куртку, прижала ее к себе обеими руками. Она видела, как Клайс встретил Шамана ударом наотмашь, а потом они схлестнулись, и нож отлетел в ее сторону, звякая по каменным плитам. Грета схватила его, нацелив острие себе в сердце, это был нож Клайса, а по лезвию стекала кровь. “Я убью себя”, - поняла Грета. — “Если он снова попытается это сделать…”

Клайс вывернулся из захвата и ударил Бродягу ногой, так, что того вбило в стену, и тут же, не давая врагу опомниться, нанес несколько ударов коленом под дых.

— Ты этого хотела? — крикнул он Грете, входя в раж. — Ты правда этого хотела?!

Теперь он избивал Шамана руками, желая продлить себе удовольствие. Грета посмотрела на нож.

Клайс, схватив Бродягу за волосы, запрокинул его голову себе на колено и огляделся в поисках ножа, собираясь перерезать Шаману горло.

— Ты ищешь вот это? — выдавила она сквозь судорогу, показывая брату блеснувшее лезвие. — Хочешь посмотреть, что я сейчас сделаю?..

— Хватит! — раздался голос Пола.

И все закончилось. На несколько секунд повисла тишина. Клайс встал. Его кулаки были сбиты в кровь… Или это была кровь Шамана, неподвижно распростертого на полу?.. Клайс ловил воздух ртом, его глаза опасно сверкали.

— Что-то случилось? — спросил он у Пола, глядя в упор.

— Что ты делаешь? — холодно поинтересовался тот.

У Греты разжались пальцы и нож полетел на пол, вместе с курткой. Тусклый свет падал теперь на ее разорванную футболку и на то, что было под ней.

— Ты же сам собирался убить его! — Клайс перевел дыхание, его скулы затвердели. — В присутствии Греты! Чтобы закончить ритуал! Верно?

— Я не про это, — остановил его Пол. — Ты хотел оттрахать родную сестру?

— С чего ты взял? — открыто улыбнулся Клайс. — Это Шаман хотел ее оттрахать!

— Что… ты… хотел… сделать? — раздельно повторил Пол голосом инквизитора.

— Ты поверишь, если я скажу, что мы просто разговаривали? — мрачно усмехнулся Клайс. Тогда Пол ударил его, Клайс ответил тем же, и они, сцепившись, покатились по полу. Грета одела куртку, застегнула молнию. Движения были замедленными, она почти засыпала. На нее навалилась апатия, как всегда после взрыва эмоций. Не обращая внимания на дерущихся, она подползла к Шаману, но на это ушли последние силы.

“Как жаль, что я не могу сойти с ума,” — подумала Грета, дотрагиваясь до Бродяги.

Шаман открыл глаза.

— Ты должен бежать отсюда, — сказала ему Грета. — Сейчас.

Откуда-то из темноты слышались звуки ударов. Фонарь откатился в угол, освещая оттуда распятие с привязанной куклой. Потом все стихло, и Грета услышала голос Пола:

— Скоро рассвет. Надо что-то решать.

— А чего здесь решать? — невнятно проговорил Клайс. — Всего один патрон… Да слезь же с меня, урод!

Пол сделал несколько шагов из полной темноты, вслед за ним, шатаясь, показался Клайс. Его губы были разбиты, он вытирал кровь рукавом.

— Я сам все сделаю…

— Я не против, — фыркнул Пол. — Сволочь! Урод!

— Заткнись!

— Мы обсудим это потом…

— Не лезь в это дело, Полли. — Клайс уже сжимал в руке пистолет, не отрывая взгляда от черной поверхности ствола. — Занимайся лучше своими прямыми обязанностями, чертов инквизитор!.. Грета, отойди от него!

Грета медленно поднялась. Она стояла на линии огня, загораживая собой Бродягу.

— Ты не убьешь его… — голос предательски дрогнул.

Пол закатил глаза.

— Это просто какой-то блокбастер!.. Может, хватит? — повернулся он к Клайсу. — Ты же не станешь в нее стрелять?.. —

и осекся. Клайс держал пистолет, направленный на Грету.

— У меня всего один патрон, — проговорил он негромко. — Тебе решать…

Они замерли друг напротив друга, не двигаясь. Черный зрачок пистолета глядел на нее, но теперь это было совсем не страшно.

Пол попытался схватить его за руку, Клайс легко отпрыгнул в сторону, не теряя линии прицела.

— Давай, сделай это… — проговорил он сквозь зубы непонятно кому из них.

Грета посмотрела на Пола. Кажется, тот действительно был растерян.

— Вставай, — попросил Клайс, и его рука с пистолетом чуть отклонилась в сторону. — Ты, Бродяга! Ты не получишь ее!..

Грета удивленно обернулась. Шаман действительно вставал. Грета вздрогнула, когда он выпрямился рядом с ней. Ствол пистолета тут же нацелился ему в грудь.

— Ты тоже, — сказал Шаман. — Больше она не твоя.

Клайс оскалил зубы. У Греты перехватило горло, и вместо крика вырвалось невнятное сипение.

Клайс зажмурился и нажал на курок.

3

Раздался выстрел, помещение наполнил едкий дым, и крест с распятой куклой упал у Шамана за спиной. Грета медленно оторвала от лица руки и посмотрела на Бродягу. Он по-прежнему стоял рядом с ней, прижимая руку к груди, его лицо закрывали волосы.

— Я ухожу, — сказал он, поднимая голову. — Я устал от всей этой чепухи. Я не понимаю, почему все это происходит, да и вы, я уверен, не понимаете этого тоже.

Его качнуло, он ухватился за Грету.

— Ты не уйдешь… — снова начал Клайс.

— Хватит, — попросила его Грета. — Клайс, ты сделал сегодня достаточно.

— Клайс прав, — сухо обронил Пол. — Он не уйдет.

“Это никогда не закончится,” — подумала Грета.

— Грета, пойми, — заговорил Пол. — Мы не можем отпустить его. Ты знаешь, почему.

— И как вы помешаете нам уйти теперь? — устало спросила

Грета, кивнув на пустой пистолет.

Клайс перехватил пистолет рукояткой вперед. Шаман вздохнул и отстранился от Греты.

— Дайте нам шанс, — попросила Грета.

— ВАМ? — переспросил Клайс. — Ты что, уйдешь вместе… с ним, что ли?

— А ты хочешь, чтобы я осталась с тобой? — насмешливо поинтересовалась она. Клайс стиснул пистолет так, что побелели костяшки пальцев.

— Пусть они уходят, — попросил Пол. — Пусть они получат шанс, о котором просят… Дикая Охота.

Грета вздрогнула. Дикую Охоту объявляли только на врагов.

— Если ты уйдешь вместе с Бродягой, — медленно произнес Клайс, — ты никогда не сможешь вернуться.

— Я УЖЕ не смогу вернуться, — выдохнула она.

— Минута, — бросил Клайс, отворачиваясь.

Грета схватила Шамана за рукав и потащила к выходу.

4

Темный Путь петляет через множество миров, но начинается он на Полигоне. Дорога из костей приглашала ступить на нее, она все это время пряталась возле порога, но сейчас время прятаться прошло, и Темный Путь проявился прямо перед ними.

Грета отчетливо видела несколько черепушек у обочины. Она не сомневалась, куда именно ведет такая дорога… Она не знала, смогут ли они попасть в тот прекрасный мир, как обещал ей Бродяга, но то, что Темный Путь ведет прямо в Ад, Грета знала наверняка.

Минута, подаренная ее бывшим братом, истекала с немыслимой скоростью. Шаман тоже видел Темный Путь. Им предстояло сделать всего один шаг, и они поглядели друг другу в глаза.

— Да, я пойду с тобой, — сказала Грета, беря его за руку.

Там, за ее спиной, оставалась Обитель Зла, заполненная пустотой.

Шаман все понял.

Они одновременно шагнули вперед, под ботинками хрустнули кости.

— Мертвые не чувствуют ни боли, ни усталости, — тихо проронила Грета. — Мертвые не чувствуют ни раскаянья, ни

страха. Мертвым нет места среди Живых…

— А Живым — среди Мертвых, — договорил за нее Шаман.

И они зашагали по Темному Пути, слушая, как в городе открывают свою перекличку заводские сирены.

В городе начинался комендантский час.